

1 сентября..

Эля и я вместе навсегда

Любовь Чи

НАИВНОСТЬ

ЧАСТЬ 1

ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Чи

**НАИВНОСТЬ
ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ**

«Автор»

2026

Чи Л.

НАИВНОСТЬ ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ / Л. Чи — «Автор», 2026

Обычная школьная сделка между капризной «принцессой» Эльвирой и тихим ботаником Андреем запускает цепную реакцию, в центре которой оказывается его дерзкий брат Артём. Осенний лагерь «Долина Мира» должен был стать местом свободы, но превратился в ловушку. Мир рушится под натиском эпидемии, превращающей людей в кровожадных «ходячих». Андрей оказывается не просто ботаником, а хранителем древних законов леса, способным управлять теми, кто уже не является людьми. Но настоящий ад начинается, когда лагерь захватывает таинственный кукловод Виктор, для которого все обитатели — лишь материал для чудовищного эксперимента. Эле предстоит пройти путь от наивной школьницы до узницы, чьё тело и разум становятся полем битвы двух хищников. Играя роль покорной любовницы, она вынуждена шпионить и притворяться, чтобы спасти тех, кто ей дорог. Но какова цена выживания, когда настоящие монстры скрываются за человеческими лицами?

© Чи Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЛЕЙЛИСТ	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	56
Интерлюдия: Мысли Артёма после поцелуя	64
Глава 9	66
Глава 10	69
Глава 11	71
Глава 12	84
Глава 13	87
Глава 14	90
Глава 15	93
Глава 16	96
Глава 17	104
Глава 18	106
Глава 19	109
Глава 20	121
Глава 21	128
Глава 22	132
Глава 23	139
Глава 24	142
Интерлюдия: Ирен. Вторая	145
Интерлюдия: Элла. Тишина в Роксель-Парке	147
Глава 25	149
Интерлюдия: Кирил	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Любовь Чи НАИВНОСТЬ ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ

*Есть
места, где земля помнит всё.
Каждый
шаг, каждый шёпот, каждую каплю
крови,
пролитую не вовремя. В городе шум
заглушает память — машины, голоса,
музыка. Но в лесу тишина. А в
тишине, как
известно, просыпается эхо.
Роксель-Парк
был красивым районом. Ухоженные
улицы,
ровные газоны, дома с улыбчивыми
окнами.
Дети играли в футбол во дворах,
матери
обсуждали школы и кружки, отцы
возвращались
с работы к ужину. Всё было
правильно.
Всё было... безопасно.
Но
за внешним лоском всегда таится
трещина.
Та, куда рано или поздно
прорастает
страх.
Лагерь
«Долина Мира» казался продолжением
этой иллюзии — зелёные корпуса,
озеро,
расписанные вожаками стенгазеты.
Родители вздыхали с облегчением:
дети
будут под присмотром, подышат
свежим
воздухом, найдут новых друзей.
Никто не
говорил им о легендах. О тех, кто
уходил
в лес и не возвращался. О тихих
шагах за
окнами после отбоя.
Говорят,
наивность лечится смертью.
Это
не метафора. Это диагноз, который
ставит
жизнь тем, кто слишком долго*

верил, что
зло — это только в кино, а монстры
живут
под кроватью, но не за забором.
Эльвира
Струнбрич была принцессой. Не
потому,
что хотела ею быть, а потому что
так
сложилось. Красивая, дерзкая,
привыкшая
получать то, что она хочет.
Конкурсы,
победы, взгляды мальчишек — всё
это
было её воздухом. Она не знала,
что такое
быть второй. Она не знала, что
такое
проигрывать.
Артём
был тем, кто смотрел на неё
исподлобья
и притворялся, что ему всё равно.
Он
привык быть лидером в своей стае,
решать
всё кулаками и грубостью. Но перед
ней
он всегда чувствовал себя
мальчишкой,
застрявшим на детской площадке.
Андрей
был тенью брата. Умный, тихий,
незаметный.
Тот, кого не выбирают. Тот, кто
умеет
ждать, анализировать и видеть то,
что
другие пропускают мимо глаз. Он не
искал
внимания. Он искал ответы.
Они
встретились в лагере, который стал
не
каникулами, а капканом.
Но,
может быть, самое страшное — это
не лес.
Не те, кто бродит по его тропам.
Самое
страшное — это то, что просыпается
внутри. Ревность, что разъедает
сердце.
Страх, что заставляет предавать.

Желание

*выжить любой ценой — даже если эта
цена
— собственная душа.*

Наивность

лечится смертью.

Одни

умрут телом. Другие — душой.

Третьи —

и тем, и другим.

Вопрос

*только в том, кто из них успеет
понять
это до того, как лес примет их в
свою
коллекцию навсегда.*

Время

*пошло. Жёлтый автобус уже стоял у
школьных
ворот. Кто-то смеялся, кто-то
обнимался
на прощание с родителями. Никто не
знал,
что это последний раз, когда они
видят
друг друга такими — живыми,
наивными,
ещё не знающими цены слову
«никогда».*

Это

*история не о героях. Это история о
тех,
кто опоздал стать героем.*

Но

*кто знает — может быть, именно в
падении
и рождается истинная сила.*

Любовь Чи

ПЛЕЙЛИСТ

Я Одна — Любовь Чи

Не на дно — Любовь Чи

Я-Госпожа — Любовь Чи

Алё, муза — Любовь Чи

Взрослый ребёнок — Любовь Чи

Властная натура — Любовь Чи

Да, Я Ведьма — Любовь Чи

Ищу рассвет — Любовь Чи

Не твоя подруга — Любовь Чи

Подруга на связи — Любовь Чи

Техподдержка — Любовь Чи

Чёрная дыра — Любовь Чи

Глава 1

Артём и Андрей, два брата-акробата, жили в прекрасном районе большого мегаполиса — Роксель-Парк. Их мать, женщина строгих правил, сама собрала огромные коробки с подарками, когда братьев пригласили на день рождения к соседке — Эльвире Струнбрич. Семья Струнбрич была зажиточной, но братья толком не знали Эльвиру и не дружили с девочками вообще. Просто соседка.

Время летело быстро и расставило всё по своим местам. Артём стал мальчиком из команды бойцов и задирой, ходит в военную школу, Андрей — зубрилой и маминым любимцем, которому оставалось только время от времени чесать за ушком, как собачке. А Эльвира... Эльвира стала принцессой.

— Эй, придурок! — крикнула Эльвира вдогонку школьнику, который пронёсся мимо и явно нечаянно задел её плечо. — Не видишь, куда летишь, что ли?

— Извини! — отозвался тот уже на бегу.

Эльвира, не поднимая глаз на удаляющуюся спину, проворчала себе под нос: «Придурки бешеные. Опаздывают вечно. Теперь сиди тут, собирай содержимое рюкзака». Она присела, собрав разбросанные учебники и тетради, затем выпрямилась во весь рост и поправила школьную форму.

К ней в этот момент подошла одноклассница.

— Привет, Елена. Ты сегодня — свежачок. Бассейн тебе явно на пользу.

— Спасибо. Ты права, давай вместе ходить? Подумаешь?

— Подумаю. Ирен, надеюсь, звать с собой не будем? Она странная. Хотя и клёвая, и всё это в совокупности... вроде бы хорошо. Но иногда она меня бесит, дерская очень, хуже меня.

— Мы не можем её продинамить, мы же давно дружим. Это будет не очень с нашей стороны.

— Говоришь праведные вещи, как моя ма-ма, — усмехнулась Эля.

Елена улыбнулась в ответ и махнула рукой в сторону класса. Девчонки поспешили на урок. Сегодня была контрольная по алгебре.

У Эльвиры не получалось решить даже половину заданий. Паника начинала подступать комом к горлу.

— Можно выйти? Срочно, — подняла она руку, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Иди, — кивнула учительница, не отрываясь от журнала. — Недолго только.

Эльвира зашла в пустой школьный туалет, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. «Все поедут, а я — нет. И всё из-за этой чёртовой двойки!» Осенний лагерь, ярко анонсированный рекламным баннером у школы, маячил перед ней как награда, которую вот-вот отнимут. Она стремительно выскочила из кабинки и — врезалась в кого-то, едва не сбив с ног обоих. Парень оказался устойчивее и инстинктивно схватил её.

Они замерли. Время будто остановилось. Эля смотрела в знакомые глаза — это был тот самый школьник, что промчался утром мимо. Он смотрел на неё, и в его взгляде читалось то же замешательство.

— Эль... Извини, — наконец выдохнул он, не отпуская её. — Я опять. Я не специально, правда. День сегодня... какой-то... не очень.

— По ходу, я контрольную завалила, и меня не отпустят в этот осенний лагерь, — выпалила Эля, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — А я туда очень хочу.

— Какой вариант тебе достался? — спросил он, всё ещё держа её.

— Десятый.

— Ого, — брови парня поползли вверх. — У меня тоже был десятый. В том году.

И тогда Эльвира, словно прорвав плотину, выложила ему все свои мучения с задачами. Он слушал, кивал, а потом взял её руку и прямо на ладони коротко, чёткими символами, вывел ответы и ключевые шаги решений.

— Спасибо, — прошептала она, впервые за день по-настоящему улыбнувшись.

— Не за что. Беги, а то опоздаешь сдать.

Она кивнула и рванула прочь, обернувшись на повороте: «Встретимся потом!»

В классе учительница, Ольга Георгиевна, уже металлически цокала длинным ногтем по столу.

— Эльвира, где столько можно ходить? Присаживайся. Сейчас уже сдавать работу, а у тебя лист пустой. Пиши быстрее.

Эля, не поднимая головы, принялась переносить на чистовик всё, что было написано у неё на ладони. Рука дрожала от волнения.

— Пять минут, и сдаём. Кто не успел — тот не успел, — голос учительницы прозвучал прямо над её ухом.

Через мгновение по классу прошёл староста, собирая работы. Когда он подошёл к Эле, она с облегчением протянула ему исписанный лист.

Остаток урока прошёл в тумане. Эля не слушала новую тему, её мысли были в лагере, среди осеннего леса и обещанной свободы.

Прозвенел звонок.

— Эль, ты где так долго была? У Оль-хи-Геор-хевны, — язвительно растянула имя учительницы Елена, — собралась уже за тобой разведчика посылать.

— Я... носик пудрила. Поняла?

— Поняла. В туалете.

— Эй, сколько тебе можно повторять? Нет — носик пудрила. Даже если ты там ..., понятно? — отрезала Эля, но беззлобно, нахмутив брови.

— Понятно, понятно. Кушать пойдём? В столовой сегодня котлеты.

— Пойдём, конечно.

— А ты не боишься поправиться? Ты и так не худая, — заметила Елена.

— Не боюсь. Поправиться пусть боятся вешалки в шкафу. Ну и не буду худой, что теперь? Вот моя мама никогда худой не была, а папа с неё пыль сдувает — боится, как бы она на неё не села, пыль эта зловредная.

— А мои родители из-за каждого мамино лишнего грамма ругаются, — вздохнула Елена. — Папа даже чуть не подал на развод, когда мама из-за гормонов поправилась на пять килограмм. И меня теперь гоняют, чтобы лишнего не ела.

— Сочувствую. Но если бы у меня было так же плохо с внешностью, вряд ли я в прошлом году выиграла бы «Мисс Восходящая Звезда».

— Завидую тебе. И твоей маме.

— Не стоит. У нас «своих тараканов» — полон дом. Не в силах разогнать.

Зайдя в шумную столовую, взгляд Эли сразу же выхватил из толпы знакомую фигуру. Тот самый школьник сидел один за угловым столиком, углублённый в учебник. Купив еды, она без колебаний направилась к нему. Елена, удивлённо приподняв бровь, последовала за ней.

— Можно с тобой... ? — Эля поставила поднос на стол.

Парень вздрогнул и поднял глаза. Казалось, еда у него в горле застряла. Он молча махнул головой.

— Спасибо, что помог, — продолжила Эля, садясь напротив. — Проси что хочешь — за помощь должна буду.

Он медленно прожевал, его взгляд стал изучающим.

— Нет... не надо.

— Ну, если надумаешь — сообщи. Я добро не забываю.

Елена, молча уплетая котлету, наблюдала за ними, перекидывая свой взгляд то на Элю, то на парня. Обед продолжился в неловком, но не тягостном молчании.

— До встречи, — сказала Эля, поднимаясь.

Парень снова просто кивнул.

Отойдя подальше от столовой, Елена не выдержала:

— Ты его знаешь?

— Нет. Он мне с контрольной помог.

— А я его знаю. Его, наверное, все знают, кроме тебя, получается. Андрей Мега-Мозг. Зубрила местная, от школы везде на олимпиады ездит. Препады и директор на него молятся — честь школы защищает.

— Да-а-а? — протянула Эля с лёгкой язвительной усмешкой.

— А мне его постоянно в пример ставят. Чуть что: «Вот плохо, что ты не тянешься к знаниям, как Андрюша из вашей школы. Кому же такое золото достанется?»

— Ну, пока что — только его родителям, — громко расхохоталась Эля. — Ладно, ладно... чёрт с этим мозгом. Я хочу в лагерь. Там будет полная свобода. Что хочешь, то и делай.

— Ага, прям что хочешь? А устав и режим? Нет? Соблюдать не будешь?

— А кто соблюдает правила на сто процентов в лагерях?! Будем предоставлены сами себе. Только бы оценки не испортились, а то родители забанят и закроют на каникулы с книгами. Надо это исключить. Мне нужен этот Андрей. И срочно.

— Для чего?

— Буду таскать его домой. Пусть родители видят — я усердно занимаюсь, он меня поднатаскивает. Если появятся вопросы по успеваемости, мне будет что ответить: «Я же старалась, мам, вы видели». Идеально.

— Думаю, мои родители тоже в курсе про такое счастье, как Андрюша. Моя мама же общается с твоей — вряд ли они не делятся такими моментами, особенно, кто как учится, наверное, любимая тема дня.

— Пошли, урок начинается. Потом обсудим.

После последнего звонка они неторопливо пошли домой. Выйдя за школьные ворота, Эля заметила знакомую сцену: несколько крепких парней из старших классов окружили двоих — Андрея и его годзиллу-друга. У одного из них уже вырвали рюкзак и вытряхивали содержимое на асфальт.

Эля и Елена ускорили шаг.

— Привет, мальчики! — кокетливо пропела Эля, подходя вплотную.

Хулиганы обернулись. Узнав её, их наглые физиономии слегка смягчились.

— Эльвира, привет, — заревели они хором, брызгая слюной.

— Что тут происходит?

— Да вот... хотим поговорить, а они не в настроении...

— Ага, «поговорить» — и сразу вещи портить, — грозно, но сдержанно промычал годзилла, друг Андрея, не сводя глаз со своего растерзанного рюкзака.

— Мальчики, вы идите, — сладко пропела Елена. — Нам эти... ботаны нужны.

Эля молча поддержала её кивком.

— Может, я могу чем помочь? — неестественно сладко протянул один из забияк, явно пытаясь произвести впечатление, сделав шаг вперёд.

— Вряд ли, — холодно бросила Эля и показала пальцем в сторону. — Идите. Я сказала.

Хулиганы поёжились. Авторитет «принцессы» Роксель-Парка работал безотказно. Побросав на землю остатки вещей, они нехотя поплелись прочь, бормоча что-то невнятное под нос.

— Придурки! Надо их... да я бы их... вот так бы!.. и этак!... — друг Андрея размахивал руками, изображая немыслимые приёмы.

Андрей молча положил ему руку на плечо, унимая. Его взгляд был тёмным и настороженным. Он смотрел на Эльвиру.

— И зачем мы вам нужны? — сухо спросил он.

— У меня к тебе деловое предложение, — чётко выговорила Эля, глядя ему прямо в глаза. — Ты сможешь мне с учёбой, а я помогу тебе. Нужно будет приходить ко мне пару раз в неделю до конца четверти. Желательно — домой.

— К тебе домой? — переспросил годзилла, изобразив на лице ужас, будто она приглашала Андрея в подземелье к дракону.

— Ко мне, — подтвердила Эля, не моргнув глазом.

— Андрей, ты пойдёшь к девочке домой...? — прошептал друг, и в его голосе звучало неподдельное изумление.

Эльвира от удивления высоко подняла брови.

— А я тем временем сделаю всё, чтобы тебя перестали чмырить в школе. Согласен?

Андрей долго смотрел на неё. В его глазах мелькали расчёт, недоверие и... любопытство. Наконец он кивнул.

— Согласен. Когда мне... к тебе?

— Завтра. Сразу после школы.

— Хорошо.

Они разошлись. Андрей с другом медленно потопали в сторону своих домов. Эля шла, сияя от победы — первый шаг её плана был сделан. Его друг всё ещё оглядывался на них, глядя на девочек так, будто они были не школьницами, а загадочными и опасными существами из другого мира.

Елена шла рядом и тихо смеялась.

— Ну что, принцесса? Запустила свои лапки?

— Молчи, — усмехнулась Эля, но в глазах горел азарт. — Это только начало.

Глава 2

Следующий день обошёлся без контрольных. Эльвира с подругами после уроков сходили на тренировку по волейболу. У школы она распустила девочек, а сама осталась стоять на крыльце, поджидая Андрея.

Не прошло и пяти минут, как на пороге появились двое — Андрей и... Артём. Эльвира невольно напряглась.

— Привет, Артём. Андрей, привет, — поздоровалась она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, кукла, — грубо бросил Артём, остановившись. — Чего надо?

— Мне ничего.

— А чё всколыхнулась тогда, раз ничего? — его ухмылка была вызывающей.

Из школы начал вываливаться народ. Эльвира опомнилась: сейчас ей совершенно не нужны публичные разборки. Хоть Артём ей и нравился, он был проблемным мальчиком — как открытый огонь, к которому страшно и заманчиво прикоснуться.

— Андрея жду, — чётко сказала она.

Артём медленно повернулся к брату, скользнул по нему насмешливым взглядом и скривился в преувеличенно-вопросительной гримасе.

— Ого, Андрюшка! Мамка узнает, что ты с девочками дружишь, а не с книжками, — напорит тебе попку. Или ещё хуже — разочаруется в тебе и причислит к моим рядам. Вот беда-то тогда будет, — он перевёл взгляд на Элю, и в его глазах заплясали весёлые чертики. — А ты это... его не шокируй. И целоваться, если что, не лезь. А то потеряем нашего птенчика, — он сделал вид, что плачет, потирая кулаками глаза.

Эля смотрела на его дурацкие выходки, и почему-то они не казались ей такими уж глупыми. Всё потому, что он ей нравился. В его грубости сквозила какая-то дикая, необузданная энергия, которой не хватало её размеренной жизни.

Артём, не дожидаясь ответа, лишь усмехнулся и, закинув рюкзак на одно плечо, направился к калитке, скрываясь за бетонным забором.

— Извини его, — пробурчал Андрей, опустив глаза. — Он иногда бывает груб. Не хотел обидеть, — отвернулся и прошептал себе под нос, — наверное.

Эльвира не стала ничего говорить. Вместо этого она подошла к Андрею вплотную, положила руки ему на плечи. Он замер, глаза округлились. Затем она обняла его, прижавшись головой к его груди. Школьники, выходящие на улицу, замедлили шаг. Замолчали. Эля подняла одну руку и запустила пальцы в его мягкие каштановые волосы. Андрей напрягся, как струна. Шёпот пронёсся по толпе.

Сделав паузу ровно на три секунды, Эля резко сменила положение — взяла Андрея за ладонь и потянула за собой, прочь со школьного двора. Только когда школа и любопытные взгляды скрылись из виду, она отпустила его руку.

Андрей стоял, ошарашенный, его щёки пылали.

— Что ты так на меня смотришь? — фыркнула Эля, продолжая идти. — Я же сказала: с моей стороны сделаю всё, чтобы тебя перестали чмырить. Вот, начало положено. Только, пожалуйста, — она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза, — если будут спрашивать, максимум, что ты можешь подтвердить — что мы целовались. Больше ничего не фантазируй. Хорошо?

— Я... понял, — выдавил он. — Спасибо.

— Пока не за что, — она широко распахнула глаза, в них играли весёлые искорки, и снова зашагала.

Зайдя в просторный дом Струнбричей, Эля крикнула:

— Мам! Пап! Кто дома?

В ответ — тишина.

— Никого. Ну, пошли в мою комнату.

Сначала разговор не клеился. Андрей сидел на краешке кресла, скрючившись, будто ожидал подвоха. Но потом, заговорив о предстоящей олимпиаде по физике, он вдруг преобразился. Глаза загорелись, слова полились легко и уверенно. Он оказался не просто зубрилой, а фантастическим рассказчиком, умеющим оживлять сухие формулы. Он говорил о звёздах так, будто сам летал между ними, о законах физики — как о хитрых, но понятных правилах игры. Эля слушала, подперев подбородок ладонью, и даже ненавистная география в его изложении превратилась в захватывающее путешествие. Мысль «а ведь учиться может быть интересно» впервые за долгое время посетила её без отторжения.

В проёме двери возникла тень. Раздался звук демонстративного кашля.

— Здравствуй. У нас гость, — сказала Эля, не оборачиваясь.

— Здравствуй. Андрей, — удивлённо произнесла мама, Элла Струнбрич. — Рада тебя видеть в гостях.

— Здравствуйте, — Андрей чуть не подпрыгнул на месте и опустил глаза, словно красная девица, застигнутая врасплох.

— Мам, он тут по делу, — быстро вставила Эля. — Помогает мне более... расширенно познать некоторые школьные предметы.

— Да? Ну, хорошо, — мама улыбнулась, но в её взгляде читался живой интерес. — Я вкусняшек принесла. Минут через пятнадцать спускайтесь, чаю попьём.

— Ладно, мам. Посмотрим, может, и спустимся.

Андрей поднял глаза на Эллу. Та тепло улыбнулась ему в ответ и исчезла в коридоре.

— Ты так интересно рассказываешь, я заслушалась, — призналась Эля, когда дверь закрылась. — А вы с Артёмом... дружите?

Он на мгновение замер, а потом грустно усмехнулся.

— Ты нас не помнишь? Мы же соседи. Он мой брат.

Эля задумалась, перебирая в памяти обрывки детства.

— Если честно, не особо. Артёма только. Помню, как он перебил все банки с зимними закрутками в подвале. Мама ваша на него так орала... Он, между прочим, хотел меня угостить своим любимым вареньем. Стул отъехал, он повис на стеллаже и... — она махнула рукой улыбаясь. — Продолжение ты и сам знаешь, наверное. А тебя... прости, не помню.

— Ну, раз так... Ничего страшного.

— Знаешь, Андрей, ты — интересный собеседник. Реально много знаешь всего такого, что в школе до нас не доносят или не успевают, может, не хотят. Кстати, — она прищурилась, — ты в осенний лагерь едешь?

— Еду. И Артём тоже, — ответил он, и в его голосе прозвучала лёгкая, привычная грусть.

— Пойдём, что ли, и вправду чаю попьём. Мама сказала, вкусняшек купила.

На кухне их ждал целый пир: пирожные, печенье, вазочки с джемом. В воздухе витал успокаивающий аромат мяты из заварочного чайника.

— Андрей, а что ж ты к нам раньше-то не приходил? Или приходил, только я не видела? — завела разговор мама, явно прощупывая почву. Первый мальчик, которого дочь привела домой в десятом классе — это было событие. Версия о юношеской влюблённости витала в воздухе.

— Я... впервые у вас, — честно ответил Андрей.

Чай пили не спеша. Эля, откусив кусочек эклера, заявила:

— Андрей теперь будет частым гостем. Будет меня поднагаскивать по предметам, чтобы оценки улучшить.

Мама медленно отпила из чашки, её взгляд скользнул от дочери к гостю и обратно.

— Я рада. Замечательно. Тем более скоро конец четверти, и твои оценки решат, поедешь ли ты в лагерь на каникулы.

— Я поеду, — с той же лёгкой грустью произнёс Андрей. — И там бы мог тоже заниматься с Эльвирой. Следующую четверть точно вытянул бы её на «отлично».

Эля ликовала внутри. Это была не удочка, а целый булыжник на верёвке, закинутый прямым в материнское сомнение. Элла явно была довольна.

— Ну, тогда и договорились. Решено — Эля едет в лагерь. Тем более такие... перспективы на горизонте.

Проводив Андрея до двери, Эля махнула ему рукой:

— Пока!

Андрей что-то невнятное промычал в ответ.

Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и улыбнулась. План работал. Но что-то щемящее и новое, помимо радости от удачной аферы, шевельнулось где-то глубоко внутри.

На следующий день в школе к ним с Еленой примкнула Ирен, пропустившая пару дней по болезни.

— Привет, девчонки!

Поздоровавшись, они образовали свой привычный треугольник. Проходящие мимо школьники поглядывали на них и перешёптывались.

— Что в школе нового? До меня дошли слухи, Эльвир, — Ирен язвительно ухмыльнулась, — что ты по рукам пошла.

Елена многозначительно качнула головой. Отойдя в сторонку, они втроём, создав живой щит от посторонних ушей, быстро выложили Ирен всю историю. Та слушала, широко раскрыв глаза.

— Воот... — протяжно вздохнула Елена, заканчивая рассказ.

— Стоило отлучиться — и тут такие страсти, — покачала головой Ирен.

Мимо них, окружённый своей бойкой компанией, прошёл Артём. Его взгляд, тяжёлый и недовольный, на секунду задержался на кучкующихся девчонках.

— Привет, — робко бросила ему вдогонку Елена.

Ответа не последовало.

— Обиделся, что ли? — проводив его взглядом, пробормотала Эля. — Братья, а такие разные. Я-то думала, Андрей — полный ботан. А он так про географию рассказывал, что я после его ухода часа два над контурными картами зависала, всё разглядывала. А вы ж в курсе моих отношений с географией.

Вскоре начался совмещённый урок физкультуры с 11 «Б», где учились оба брата. Женская раздевалка была битком набита, воздух гудел от голосов и пах потом и дешёвым дезодорантом.

— Ну кто придумал физру на первом уроке? Что за тираны! Потом весь день воняй, — возмущалась одна из одноклассниц.

Эля копошилась дольше всех, никак не могла натянуть упрямые кроссовки. Выскочив в узкий коридор, соединяющий раздевалки, она буквально врезалась в чью-то грудь. Перед ней был Артём.

Он резко изменился в лице. Вместо того чтобы отойти, он сделал шаг вперёд. Эля инстинктивно отступила, пока её спина не упёрлась в холодную кафельную стену.

— Ты чё? — выдохнула она.

— Я — ничего. А ты чё? — его усмешка была колючей. Он приближался, не оставляя ей пространства для манёвра. — Сменила ориентир? Теперь с зубрилами зависаешь? — не дав ей и рта раскрыть, продолжил, понизив голос до опасного шёпота: — Знай, предательство страшнее чумы. И если ты решишь вернуться в мою компанию, я тебя обратно не приму. Поняла? — он легко, почти нежно, коснулся кончиком пальца её щеки, затем резко развернулся и скрылся в мужской раздевалке.

Сердце у Эли колотилось где-то на пределе понимания, что вот-вот оно выпрыгнет из груди. Он был прав. И от этой правоты становилось одновременно страшно и... жарко.

На уроке играли в волейбол. Эля краем глаза заметила, как Артём, стоя на подаче, не сводит с неё тёмного, сосредоточенного взгляда. «Почему он сменил пластинку? — металась она в мыслях. — Раньше для него я была просто одной из многих. А теперь... Из-за Андрея? Ревность? Но к кому?»

После игры, направляясь к раздевалкам, к ним подошёл Андрей.

— Ваш класс хорошо играл.

— Спасибо, — кокетливо протянула Елена.

Рядом материализовался Артём с парой своих приятелей. Он небрежно закинул тяжёлые руки на плечи Эле и Елене.

— Вы сегодня придёте к Игорю на тусу? — спросил он, но смотрел только на Эльвиру.

— Конечно, придём! — воскликнула Елена.

Лицо Артёма нахмурилось.

— У нас сегодня занятие с Андреем, — сказала Эля.

Андрей, стоя напротив, подтвердил кивком.

— Я уверен, что ты придёшь, — Артём не отводил взгляда. Убрал руку с её плеча. — Ты знаешь, что будет, если не придёшь. — Повернувшись к своим, бросил: — Пошли.

Андрей, немного постояв в неловком молчании, пробормотал «Я пойду» и направился к своему классу.

— Что он имел в виду, Эль? — первой нарушила тишину Ирен.

— Имел в виду, что больше не пустит меня в свою компанию. А может, и вас тоже.

— Почему? — искренне удивилась Елена.

— Сказал, я переметнулась к зубрилам. Наверное, из-за Андрея.

Подруги синхронно приподняли брови.

— Что за бред? — не сдержалась Елена. — Он тебя раньше и не замечал-то! Пока... пока ты не начала общаться с Андреем. Точно. Виновен Андрей.

— Прекратите! Он тут явно не виноват.

— Ага, — громко и чётко произнесла Ирен, так что несколько человек обернулись. — Артём прав. Ты начинаешь испытывать чувства к этим... заучкам. Что с тобой, Эля? Или ты... влюбилась?

— Что так громко?! — зашипела Эля, закидывая пряди волос за уши. — Говори тише! На нас смотрят! Нет, это не так!

Но внутри всё перевернулось.

После уроков Эля, как и договаривались, ждала Андрея на крыльце. Первым, будто пар из кипящего котла, вырвался Артём. Он швырнул на неё короткий, пронзительный взгляд — смесь злости, обиды и чего-то ещё, чего она не могла понять, — и исчез в толпе. Затем вышел Андрей.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Не знаю. Артём сегодня не в духе. Впрочем, как и всегда, — он пожал плечами. — Пойдём.

— А тебя Игорь пригласил к себе на тусовку?

— Я не хожу на такие мероприятия.

— А со мной пойдёшь?

— С тобой... — он замолчал, и тишина повисла между ними плотной завесой. — Я не знаю... — уставился в асфальт.

— Со мной. Пошли со мной, — настаивала Эля, и когда он повернул к ней лицом, она впервые по-настоящему разглядела его. Не «ботаника», а парня. Крупного, высокого, с мощным профилем. Курносый нос, пухлые, будто накрашенные губы... Она машинально облизнула свои, когда её взгляд задержался на его губах.

— Давай сначала позанимаемся, а потом... решим. Может, и пойду... с тобой, — сказал он, и, заметив, что она его разглядывает, мгновенно покрылся краской смущения. Эля, спохватившись, отвернулась.

Занятие прошло на удивление продуктивно. Когда книги были убраны, Эля подняла глаза:

— Ну что, надумал? Пойдёшь? — не дожидаясь ответа, выпалила: — Иди домой и переоденься, посланец с другой планеты. Ориентир — твой брат. Вспомни, как он обычно одевается на такие дела.

Андрей что-то невнятно промычал себе под нос, собрал свои вещи и вышел.

Через полчаса он стоял под её окном. Эля, выглянув, затаила дыхание. Джинсы, обтягивающие длинные ноги, потёртая кожаная куртка-косуха, тёмная шапка... Он выглядел потрясающе. И опасно. Совсем не как «Андрюшка-Мега-Мозг».

Эля нарядилась соответственно: короткие джинсовые шорты поверх плотных чёрных колготок, грубые сапоги на шнуровке, объёмная футболка с вызывающей надписью «За мышками охотятся только кошки» и дурацкая шапка с ушами.

На вечеринке у Игоря было полно знакомых лиц. Сняв куртку, Андрей предстал во всей красе: под ней была простая серая футболка с мультяшной мышкой, печально сидящей в клетке. Ирония ситуации заставила Элю улыбнуться.

— Девчонки, привет! Мы пришли! — она помахала рукой Елене и Ирен, пробивавшимся через толпу.

— Мы? — Ирен поперхнулась своим коктейлем.

— Да, я с Андреем, — указала в его сторону рукой.

— Он же не ходит по таким местам, — недоверчиво протянула Ирен.
Но когда та заглянула за спину Эли, её челюсть отвисла. Елена просто остолбенела.

— Мой бог... Это Андрей? — прошептала Ирен. — Какой же он... красивый оказывается. А в школу ходит в этом дурацком свитере, как прирождённый чморила.

— Согласна на все сто, — кивнула Елена, а затем наклонилась к уху Эли. — Кстати, про тебя Артём спрашивал.

Девочки округлили глаза. Прямо за спиной Эли стоял Артём. Остановившийся рядом с подходящим к ним Андреем. Эля обернулась, оказавшись между двумя братьями.

— О... вот и ты. Меня спрашивал? — она указала на Артёма, пытаясь сохранить лёгкость.

— Зачем ты его сюда припёрла? — прорычал Артём, делая вид, будто Андрея не существует.

— Я его не «пёрла». Он своим ходом шёл, — засмеялась Эля, но смех получился нервным.

Артём внезапно схватил её за запястье. Его пальцы впились в кожу.

— Мне больно! Отпусти!

— Ты меня подставляешь!

— Отпусти её, — тихо, но твёрдо сказал Андрей, вступая в пространство между ними.
— Я не говорил родителям, куда иду. Так что успокойся — тебе не влетит.

— Да ладно?! — Артём закипел, наконец обратив на брата весь свой гнев. — Какого чёрта ты вообще здесь? Сидел бы дома, обложившись своими книжками!

— Хватит! Прекратите! — крикнула Эля, и несколько человек поблизости обернулись.
— Вы же братья! И не можете даже нормально разговаривать? Это фиаско, мальчики!

Она развернулась, чтобы уйти. Но Артём снова схватил её — на этот раз резко, почти грубо, притянул к себе и обвил руками, прижав так плотно, что у неё перехватило дыхание. Он обнял её так, будто она была самым дорогим, что у него есть, что он вот-вот потеряет. В глазах подруг застыл шок. Андрей сделал шаг назад, опустив взгляд.

Эля оторвала голову от его груди и подняла лицо. Его губы были чуть приоткрыты, а сердце билось так сильно, что она чувствовала его стук сквозь одежду.

— Что происходит? Для чего это? — прошептала она.

Идиллию грубо прервала Ирен:

— Не смейте только целоваться сейчас! А то с нас потом твои поклонницы шкуру снимут.
Пошади её.

Все вокруг смотрели на них, будто были свидетелями чего-то запретного, интимного и взрывоопасного одновременно.

Артём будто очнулся. Он ослабил хватку, и Эля отшатнулась, не в силах понять, что только что произошло. Не говоря ни слова, Артём развернулся и растворился в толпе.

— Андрей... Раньше такое бывало? Чтобы Артём себя так вёл? — спросила Эля, всё ещё чувствуя тепло его объятий.

— Не припоминаю, — тихо ответил он. — Тебе стоит с ним поговорить. Наедине.

Вечеринка продолжалась. В соседней комнате, развалившись на диване, сидел Артём. Его мгновенно окружили девушки в блёстках и коротких платьях, парни что-то говорили, смеялись. Он сидел на самом краю, перебирая пальцами одной руки, а взгляд его был прикован к Эле и Андрею, стоявшим в дверном проёме. К нему подсела Мира — та самая, с которой, как все думали, он «вроде как встречался». Артём положил свою беспокойную руку ей на колено, но глаза не отвел.

— Мы так и будем стоять в коридоре, или пойдём к остальным? — нарушила момент Ирен и уверенно направилась в комнату к Артёму. — Приве-ет! — начала она, целуя и обнимая знакомых.

Елена, Эля и Андрей просто кивнули присутствующим. И тут всё внимание переключилось на Андрея.

— О боже, кто это покинул свою клетку и явился к нам, падшим? — с преувеличенным интересом протянула Мия, одна из девушек из окружения Артёма. Сразу несколько её подруг прилипли к Андрею с одним и тем же вопросом: «А у тебя девушка есть?»

Андрей растерялся. Его взгляд метнулся к Эльвире, потом в пол, потом снова к ней. И тогда он выпалил, тыкнув пальцем в её сторону:

— Есть. Вот она.

В комнате на секунду воцарилась тишина. Артём резко поднялся с дивана, сбросив руку Миры, и, не отвечая на оклики, вышел. Все зашептались. Девушки отхлынули от Андрея, смотря теперь на Элю с новым, оценивающим интересом. Никто не хотел связываться с Эльвирой, от её настроения зависела отдача, которая может прилететь нападавшим к её персоне. Андрей не отходил от неё ни на шаг, будто боялся затеряться в этом шумном, незнакомом море.

Когда заиграл медленный трек, Андрей, к всеобщему удивлению, сам предложил:

— Потанцуем?

— А ты умеешь? — улыбнулась Эля.

— Я умный во всём, нет, не во всём, во многом, — он сделал шаг навстречу, и его руки легли на её талию уверенно, без прежней робости.

Кружась в медленном танце, он наклонился к её уху:

— Извини, что сказал про девушку. Я испугался, честно. Не привык к такому ажиотажу. Хочешь, я сейчас всем скажу, что пошутил?

— Поздно, — она тихо рассмеялась. — Надо было сразу исправляться. Теперь не прокатит. Знаешь, я, наверное, пойду. Устала.

— Провожу.

Попрощавшись с подругами, они вышли на прохладную осеннюю улицу. Всю дорогу болтали о пустяках, о детстве, о родителях. И неизбежно разговор свернул на Артёма.

— А что о нём могу сказать... — голос Андрея стал глуше. — Не любит он меня. Не понимаю почему. У него, вроде, есть всё. Вниманием не обделён.

— Понятно... А девушка у него есть? — спросила Эля, не удержавшись.

— И ты туда же! — он вдруг вспыхнул, и в его голосе впервые прозвучала резкость. — Я не знаю! Я не слежу за ним! Меня достали эти вопросы, будто меня здесь нет!

Он резко ускорил шаг, оставив её у калитки её дома. Не попрощавшись, он просто ушёл, растворившись в вечерних сумерках.

Эля поднималась в свою комнату, мысленно перематывая его слова, его внезапную вспышку, тепло Артёмовых объятий и холод его ухода. Приняв душ, она рухнула в постель. В ушах стоял шум от сегодняшнего дня, а перед глазами мелькали то насмешливые глаза Артёма, то смущённые — Андрея, то его же — гневные и ранимые. Сон накрыл её тяжёлым, беспокойным покрывалом.

Глава 3

Утренюя кухня пахла кофе и свежей выпечкой. Элла Струнбрич наливала себе чашку и с хитрым блеском в глазах обратилась к мужу:

— Андрей — такой умничка, что помогает Эльвире. Я думаю, она ему очень нравится.

— Конечно, кому такая красавица может не нравиться? — отец Эли, Михаил, отложил газету и улыбнулся.

Эля, намазывая масло на тост, поморщилась.

— Mam, прекрати. Он просто добрый и не умеет никому отказывать.

— А что, он ко многим домой ходит с репетиторством? — парировала мать, добавляя варенье в чай.

Эльвира задумалась. Действительно, она не слышала, чтобы Андрей кого-то ещё «спасал». Она промолчала, продолжив завтрак.

— Вот именно. Подумай об этом. Пока не увели, — не унималась Элла. — А то будешь потом, как все эти ветреные девочки, за воздухом носиться, а звезду с неба кто-нибудь другой украдёт. Останется тебе только локти кусать, да будет уже поздно.

— Mam, мне что, так срочно кто-то нужен? Или мой поезд уходит, и я обязана прыгнуть в последний вагон? — в голосе Эли зазвенело раздражение.

— Да, Элла, что ты такое говоришь? Он что, последний мальчик на земле? — Михаил покачал головой.

— Последний не последний, но зато какой! Такие умные рождаются один из ста. С перспективой.

— Mam, закрыли тему, — Эля начала злиться по-настоящему. Её щёки запылали. — И хватит этим заниматься! Я, конечно, понимаю, что ты обожаешь его маму, ведь она такая растакая — твоя подруга, но это уже перебор!

Она резко поднялась из-за стола, с грохотом задвинув стул, схватила рюкзак и, не оглядываясь, выскочила из кухни. Хлопок входной двери прозвучал как выстрел.

— Элла, правда, она сама разберётся, — вздохнул Михаил.

— Разберётся, конечно, — фыркнула мать, нервно собирая со стола посуду. — Притащит потом какого-нибудь... по типу Артёма. Скандалиста и драчуна.

— Ну и пусть. Может, ей такие нравятся. Бойкие.

— А потом будет приходиться к нам битая и в слезах! Сколько таких случаев вокруг бывает!

— Элла, не драматизируй, — муж встал, подошёл к жене и крепко обнял её за плечи. — С нашей девочкой такого не случится. Она умная. И характер у неё — твой.

Эля шла к школе, мысленно ещё ругаясь с матерью. Осенний ветер срывал с деревьев последние листья и гнал их по асфальту. Из-за угла прямо перед ней возник Артём. Он, казалось, её поджидал.

— Привет, — сказал он без предисловий. Его голос был непривычно серьёзным. — Мне нужно с тобой поговорить.

— О чём? — настороженно спросила Эля, замедляя шаг.

— О вчерашнем.

Она окончательно остановилась и уставилась на него, скрестив руки на груди. Утреннее солнце золотило его взъерошенные волосы, но в глазах не было привычной насмешки.

— Ну, говори.

— Ты понимаешь... я вчера не ожидал, что ты придёшь с моим братом. И когда увидел вас вместе... — он замолчал, подбирая слова. — Вы правда встречаетесь?

Эля фыркнула, и в её голосе зазвучал холодный сарказм.

— А, понятно. А то я подумала — предисловие какое-то длинное. Странно, столько слов, и все — чуть ли не в одном предложении.

— Что? — он не понял насмешки.

— Нет, Артём, мы не встречаемся.

— Тогда почему он так сказал? Всем.

— Чтобы понять, кто друг, кто враг, а кто просто стоит в сторонке, — отрезала она.

— Я опять не понял.

— Конечно, не понял, — она покачала головой. — А что тебя так это задело? Ты на меня никогда прежде и смотреть-то не хотел. А тут вдруг чувства решил проявить. Ага, я поняла. Ты своего брата ко мне приревновал. Родственная солидарность.

— Что ты «Принцесса»! — он сделал шаг вперёд, и в его глазах вспыхнуло что-то настоящее, неигровое. — Я всегда тебя видел.

— Видел и «динамил». Отлично! — она истерично фыркнула и улыбнулась, чувствуя, как комок обиды подкатывает к горлу. — Я пойду. Разговор окончен.

Она рванула вперёд, но Артём, пятясь, загородил ей дорогу, продолжая смотреть на неё.

— Эль, да я тебя «динамил»! Потому что боялся! Боялся показать, что ты мне не безразлична!

Это признание повисло между ними, хрупкое и оголённое. Эля на секунду остолбенела, потом резко пошла на обгон, пытаясь протиснуться мимо него. Артём инстинктивно потянулся, чтобы схватить её за руку, остановить, но она ловко увернулась, как на волейбольной площадке.

— Увидимся! — крикнул он ей вдогонку, и в его голосе слышалась не злость, а какая-то обречённая решимость. — Позже... — уже себе под нос добавил он, глядя, как она скрывается за школьными дверями.

Эля шла по коридору, пытаясь прогнать из головы его слова. Они жгли. «Всегда видел. Боялся». Что это меняет? Всё. Или ничего?

У учительской собралась небольшая толпа: несколько преподавателей и кучка взволнованных девочек из школьного актива. Увидев Элю, одна из них замахала руками.

— Вот она! Пришла!

Эльвиру мгновенно окружили.

— Элочка, дорогая, выручай! — заговорила, запинаясь, завуч. — Мы только сегодня узнали — межшкольный конкурс талантов! Завтра! Нам некому выступать. Ты же помнишь свой танец, с «Мисс Восходящая Звезда»? Или у тебя что-то новое есть?

— Завтра? — Эля отшатнулась. — Это невозможно! Я несколько месяцев не танцевала, не репетировала...

— Пожалуйста! — вклинулась учительница математики, Ольга Георгиевна. — Мы тебя освобождаем от всех уроков сегодня. Тренируйся. И знаешь что?.. По моему предмету я тебе в четверти на балл выше поставлю. За спасение престижа школы.

«Мотивация так мотивация, — подумала Эля, чувствуя, как подвох обретает приятные очертания. — Умеют завлечь, когда очень хотят».

Она вздохнула, сделав вид, что сдаётся под напором.

— Ну, раз это так важно для школы... Конечно, соглашусь. Но сразу предупреждаю — за результат не отвечаю. Я давно не танцевала.

Учителя, как по команде, закивали головами с такой синхронностью, что стало почти смешно.

— Отлично! Беги, готовься!

— Мы будем за тебя завтра кулачки держать! — крикнула вслед учительница музыки.

Эля криво улыбнулась, кивнула и, развернувшись, пошла не в класс, а обратно к выходу. Свободный день — он ей сейчас был нужнее всего.

Дорога домой пролегла по тихой улочке. Эля шла, погружённая в мысли о танце, о вчерашнем вечере, о двух братьях, которые вдруг стали центром её вселенной. Она почти не заметила старую женщину, бредущую по обочине. Та была неопрятна, от неё исходил тяжёлый, затхлый запах немытого тела и чего-то ещё — горького, лекарственного.

Они поравнялись. Женщина что-то бормотала себе под нос, и Эля на секунду подумала, что та обращается к ней.

— Простите, вы мне что-то говорите? — вежливо спросила Эля, замедляя шаг.

Старуха подняла на неё мутные глаза. Лицо её было покрыто глубокими морщинами, как высохшая земля.

— Я говорю, милая... Лагерь «Долина Мира»... Хороший лагерь... Там тебе понравится... — её голос был сиплым, но ещё человеческим.

И вдруг он изменился. Стал ниже, грубее, каким-то противоестественно глубоким, будто звучал из пустой бочки.

— Тебе там *понравится*, принцесса... Ах-ха-ха-ха... Хэ-э...

Ледоход страха пробежал по спине Эли. Это было не просто бред старого человека. В этом хрипе, в этом смехе, в этом взгляде было что-то... зловещее. Предостерегающее. Она не стала ничего выяснять. Инстинкт самосохранения дёрнул её вперёд. Она рванула с места, не оглядываясь, и неслась до самого своего дома, пока лёгкие не стали гореть огнём.

Вбежав в дом, она с силой захлопнула дверь и щёлкнула замком на все засовы. Прислонилась спиной к холодному дереву, отдышаваясь. В доме было тихо и пусто — родители на работе.

Успокоив сердцебиение, она поднялась в свою комнату. Нужно было думать о танце, а не о бредовых старухах. Она включила музыку на телефоне и попыталась вспомнить движения. Тело было скованным, мышцы забыли былую пластику.

Вечером, когда стемнело и Эля уже собиралась спускаться к ужину, она подошла к окну, чтобы закрыть шторы. И замерла.

Во дворе, под фонарём, стоял Андрей. Он не двигался, не махал рукой. Он просто стоял и смотрел. Прямо на её освещённое окно. Его лицо в тени было неразличимо, но поза выражала какую-то странную, напряжённую неподвижность.

Эле стало не по себе. Это было... жутковато. Она резко дёрнула шнур, и тяжёлые портьеры сомкнулись, отрезав комнату от внешнего мира.

За ужином она рассказала родителям про конкурс. Элла, моментально забыв утренний конфликт, засияла.

— Конечно, ты лучшая, девочка моя! Ты завтра всех порвёшь! Устроишь им шоу!

Михаил поддакивал, подкладывая ей в тарелку вкуснейшую тушёнку из глиняного горшочка. Но Эля ела без аппетита. Перед глазами стояло то застывшее лицо Андрея в свете фонаря. И голос той старухи: «Тебе там понравится, принцесса...»

Она чувствовала, как её буквально валит с ног усталость — и физическая от репетиций, и моральная от этого дня, полного странностей и эмоциональных встрясок. Единственное, чего ей хотелось сейчас — забраться под одеяло и выключиться. Завтра будет новый день.

Глава 4

Эльвира открыла глаза, взглянула на яркие цифры будильника и вскочила с кровати как ошпаренная.

— Я проспала!

Утро началось с хаоса. Дальше всё превратилось в стремительный таймлапс: ванная комната, гардероб, поиск танцевальной сумки. Она слетела вниз по лестнице, уже на ходу натягивая куртку.

— Эля, завтрак! — донёлся с кухни голос матери.

— Потом, мам, всё потом! Я опаздываю! — крикнула она в ответ и выскочила за дверь, едва успев захлопнуть её за собой.

До соседней школы, где проходил конкурс, нужно было ехать через весь район. Эля мчалась к остановке, чувствуя, как рюкзак и сумка бьют её по спине. Телефон в кармане не умолкал — названивали то подруги, то учителя. На очередной звонок она, задыхаясь, ответила:

— Алло? Да, я уже почти... Ольга Георгиевна, я уже здесь!

Через десять минут, ворвавшись в огромное здание чужой школы, она действительно была «здесь».

— Наконец-то! — Ольга Георгиевна встретила её у входа в подготовительный зал, всплеснув руками. — Мы уже думали, всё, план «А» провален. Скорее, переодевайся. Ты после двух участников!

Эля кивнула, чувствуя, как адреналин прогоняет остатки сна. Из-за кулис доносились аплодисменты и голос ведущего. Её время приближалось.

— Эльвира Струнбрич! Встречайте нашу звёздочку с умопомрачительным танцем, включающим элементы гимнастики!

Эля глубоко вдохнула и вышла на сцену. И на секунду застыла. Ослепительный свет софитов, десятки глаз в полумраке зала, блеск объективов — даже на конкурсе «Восходящая звезда» не было такого размаха. Сердце ёкнуло.

Но вот зазвучали первые аккорды её музыки — и тело вспомнило всё само. Страх растворился, уступив место знакомому чувству полёта. Кувырки, прыжки, стремительные вращения — всё слилось в единый поток движения. В финале, под замирающие звуки мелодии, она плавно опустилась в шпагат, оперевшись локтями в гладкий пол сцены. Тишина. А потом зал взорвался овациями.

С грациозным поклоном она скрылась за кулисами, оставив за спиной грохот аплодисментов. Ноги слегка дрожали, но на душе было легко и пусто — сработал выброс адреналина.

— Спасибо, Эля! — к ней подбежала сияющая завуч и сунула в руки красивую коробку конфет. — Ты нас выручила. Хоть и опоздала. Можешь ехать домой или остаться посмотреть остальных.

Эля кивнула и направилась в раздевалку переодеваться. Закончив, она вышла в коридор, всё ещё находясь под впечатлением от выступления, и буквально врезалась в кого-то.

— Ой, извини, я не увидел, — прозвучал мужской голос.

Перед ней стоял парень её возраста, держа в руках гитару в чехле. Высокий, с веснушчатым носом и живыми глазами.

— Ничего, — улыбнулась Эля.

— Ден, — представился он, оглядывая её с любопытством.

— Эля.

— Ты классно там «светанула». Прямо звезда, — он одобрительно свистнул.

— Ты из этой школы?

— Из этой. Сорри, нас скоро объявлять будут.

Он кивнул и скрылся в направлении сцены. Эля уже собралась уходить, но что-то остановило её. Любопытство? Желание отложить возвращение домой и к урокам? Она вернулась в зал и пристроилась у самого выхода.

— Встречайте! Группа «Розмарин»! — объявил ведущий.

На сцену вышли четверо парней с гитарами, среди них был Ден. Они заняли места у микрофонов, и зал наполнился сложной, многослойной мелодией. Каждая гитара вела свою партию, сплетаясь в удивительно гармоничное целое. А когда они запели — это было что-то завораживающее. Голоса, переключаясь и наслаиваясь, создавали почти мистическое звучание.

И тут Ден поднял взгляд и нашёл её в толпе. И не отводил глаз. Казалось, он поёт именно для неё. Эля почувствовала, как по щекам разливается тепло. Она смущённо отвела взгляд, потом снова посмотрела на сцену. Он улыбался, глядя прямо на неё.

Когда номер закончился под оглушительные аплодисменты, Эля попыталась незаметно выбраться из зала, но путь преградила толпа расходящихся зрителей. Пробиваясь к выходу, она снова столкнулась с Деном. На этот раз преднамеренно.

— Решила не сбегать и посмотреть наш номер? — спросил он, легко балансируя с гитарой за спиной. — Он, конечно, был попроще твоего сальто, но тоже ничего.

— Мне очень понравилось, — честно призналась Эля.

— Остаёшься ещё или домой?

— Домой.

— Провожу до остановки.

Дорога оказалась короткой, но очень весёлой. Ден оказался отличным рассказчиком, с хлёстким чувством юмора и талантом к пародиям. Эля смеялась так искренне, что забыла и про усталость, и про странности вчерашнего дня.

— Ладно, пока! — она увидела вдалеке свою маршрутку. — Вон мой транспорт.

— Эй, погоди! — Ден сунул руку в карман и достал свой телефон. — Номер пиши. И конфетки возьми, — он протянул ей вторую, точно такую же коробку конфет.

— У меня свои есть, — она показала на подарок от школы.

— Лишними не будут.

Эля быстро набрала свой номер в его телефон, улыбнулась на прощание и рванула к уже отъезжающей маршрутке, едва успев запрыгнуть в закрывающиеся двери.

Дома её встретила непривычная тишина, которую она нечаянно нарушила, грохнув дверь.

— Эля, доченька, у нас гость! — из кухни высунулась мама.

Эля замерла в дверном проёме. За столом, аккуратно попивая чай, сидел Андрей.

— Привет, — устало произнесла она, скидывая куртку и кладя на стол две одинаковые коробки конфет.

— Привет, — тихо ответил он, и его взгляд был прикован к ней с такой интенсивностью, что стало не по себе.

— Конфеты! Какая прелесть, — обрадовалась Элла. — Эльвира сегодня выступала за школу и выиграла, да? А Андрей пришёл позаниматься с тобой после уроков.

Эля почувствовала, как под этим пристальным взглядом у неё по спине пробежали мурашки.

— Мам, а можно и мне чаю? И бутерброд?

— Конечно, сейчас сделаю.

— А я пока в душ.

Она сбежала в ванную, под струями воды пытаясь смыть с себя остатки нервозности и странное чувство, оставленное взглядом Андрея. Вернувшись, она застала ту же картину: мама без умолку болтала о предстоящей поездке в лагерь, а Андрей сидел, подперев щеку ладонью,

и внимательно слушал, изредка кивая. Но стоило Эле войти, как его внимание целиком переключилось на неё.

Покушав и помыв за собой посуду, Эля встала.

— Ты идёшь? Или здесь остаёшься? — спросила она, стоя в проёме.
Андрей мгновенно поднялся.

— Спасибо за угощение, — кивнул он Элле и последовал за Эльвирой в её комнату.
Войдя, Эля сбросила тапки и плюхнулась на кровать.

— Я не хочу сегодня заниматься. Я выжата как лимон. Расскажи мне просто что-нибудь.
— Хорошо. О чём рассказать?

— Не знаю. Что-нибудь интересное. Страшное, — неожиданно для себя добавила она, вспомнив вчерашнюю старуху.

Андрей присел на край кровати, лицо его стало сосредоточенным.

— Ладно. Давай я тебе легенду про лагерь расскажу. Ту, что в интернете на форумах пишут. Лагерь «Долина Мира» открыли давно. Но последние лет десять там творятся странные вещи. Местные говорят, его построили на месте старого кладбища, которое просто сровняли с землёй, другие, что он просто проклят. А ещё... там периодически пропадают дети. Разных возрастов. Полиция ищет, но не находит. Говорят, директор лагеря, Виктор Бирленге, — мужик жёсткий, но вроде как хороший. Только вот странности эти... их стараются не афишировать. Будто что-то скрывают.

Голос его был ровным, повествовательным, но в словах чувствовалась подлинная, леденящая душу подоплёка легенды. Эля слушала, и глаза её понемногу начали слипаться. Усталость взяла своё. Дыхание выровнялось, стало глубоким и размеренным.

Андрей замолчал, видя, что она заснула. Он сидел неподвижно несколько минут, просто глядя на неё. Затем медленно, почти не дыша, протянул руку. Его пальцы осторожно отодвинули прядь волос, упавшую на её щёку. Кожа под его прикосновением была тёплой и невероятно мягкой.

Он не убрал руку. Ладонь его осталась лежать на её щеке, большой палец едва заметно гулял по скуле. Его взгляд, обычно такой сдержанный и умный, сейчас был полон чего-то тёмного, глубокого и бесконечно нежного. Он наклонился ближе, как бы прислушиваясь к её дыханию, и так и остался сидеть рядом, сторожа её сон в тишине комнаты.

— Принцесса, — пошептал Андрей, разглядывая её черты.

Глава 5

Эля открыла глаза. За окном уже во всю сияло утро, солнечные лучи пробивались сквозь щели в шторах.

«Боже, я так долго спала», — подумала она, потягиваясь. Приведя себя в порядок, она спустилась на кухню.

— Доброе утро, соня, — улыбнулась мама, наливая чай в кружку. — Ты сегодня выспалась по-царски. Что планируешь на выходной?

— Не знаю, — Эля пожала плечами, присаживаясь за стол. — Может, погулять. А может, так и останусь дома валяться.

В этот момент за окном на тротуаре мелькнули две знакомые фигуры. Эля, как по команде, вскочила и подошла к окну. Это были Артём и Ирен. Они шли рядом. Ирен что-то оживлённо говорила, а потом попыталась взять его за руку. Артём резко, почти отталкивающе, дёрнул ладонь в сторону. Через мгновение они скрылись за поворотом.

— Что там? — спросила Элла, следя за дочерью.

— Ирен, — коротко бросила Эля, отворачиваясь от окна. В груди кольнуло что-то острое и неприятное.

— Понятно, — протянула мама, отхлебнув чая. — Я её несколько раз видела в нашем районе. А живёт она в другой стороне. Интересно, к кому она сюда ходит, если не к тебе.

«Я теперь знаю, к кому, — пронеслось в голове у Эли, и губы её сами собой скривились в усмешке. — И ни разу, ни полусловечком не обмолвилась. Подруга, мать её».

— Спасибо, мам, — вдруг сказала она громко.

— За что? — удивилась Элла.

— За всё. За еду. За то, что ты есть. Я тебя люблю.

Она подошла и обняла мать, прижавшись щекой к её плечу и поцеловав в висок. Элла замерла на секунду — дочь редко проявляла такие открытые чувства.

— И я тебя люблю, дорогая, — прошептала она, глядя Элю по волосам. — Будь осторожна.

— Конечно, мам.

Через несколько минут Эльвира уже стояла на пороге своего дома, набирая номер Елены.

— Алло. Дома?

— Дома. Что с тобой? У тебя голос странный.

— Сейчас приду, всё расскажу.

Дом Елены был в двух кварталах. Подходя к нему, Эля столкнулась с Лейлой, двоюродной сестрой подруги. Девушки были неразлучны.

— Лейла, привет. Ты что тут? — спросила Эля.

— К Елене. С новостью, — Лейла уже стучала в дверь. Увидев выражение лица Эли, она добавила: — Тебя это тоже, кстати, касается.

Елена открыла дверь, и все трое направились в комнату Елены.

— Ирен будет? — спокойно, слишком спокойно спросила Эля.

— Нет, в ней-то вся и фигня, — нахмурилась Лейла, садясь поудобнее. — Девчонки, держитесь. Я вам сейчас такое расскажу... Я видела, как Ирен и Артём целовались.

Эля почувствовала, как что-то холодное сжалось у неё внутри.

— А Артём, я знаю, нравится тебе, Эль. Мы все знаем, — Лейла не дала ей опомниться. — Но это ещё не всё. От неё надо держаться подальше. Я сама слышала, как она разговаривала с Марго, ну, этой «маячной» из их компании. Она ей сказала, что тебя нужно «обезвредить» или «убрать с дороги», чтобы ты не маячила перед глазами. Ирония судьбы — «Чтобы перед глазами не маячила», Ирен сказала маячной, — Лейла стала хихикать в ладонь.

— Неожиданно, — протянула Елена, широко раскрыв глаза. — Ты была права насчёт неё, Эль. Хотя я в шоке.

— А ты мне не верила! Я их с Артёмом недавно из окна видела — они вместе шли.

Прошло две недели. Рутинка: школа, дом, тренировки. Эльвира потихоньку собирала вещи в лагерь, предвкушая побег от всего этого школьного и дворового напряжения. Ирен, бывшая подруга, никак не комментировала свой поступок, но пару раз пыталась уколоть Элю колкими замечаниями. Однажды её осадила случайно оказавшаяся рядом одноклассница, и Ирен, фыркнув, отступила.

Андрей же приходил заниматься почти через день, хотя договор был о двух разах в неделю. Сегодня он снова сидел у неё в комнате, пока она наполовину упаковывала чемодан.

— Андрей, давай на сегодня закончим, — вздохнула Эля, откидывая учебник по физике. — Мне всё надоело. Я уже мыслями в лагере. Просто не могу дождаться.

— Ты так сильно хочешь туда? — спросил он, наблюдая, как она складывает футболки.

— Очень-очень.

— Знаешь... У меня плохое предчувствие насчёт этого лагеря.

— Предчувствие? — Эля фыркнула. — Это бабушкины сказки.

— Эль, подумай. Может, не стоит ехать?

Она резко обернулась к нему.

— Ты можешь не ехать. Тебя никто не заставляет. А я хочу. И точка.

— Я не отпущу тебя туда, — тихо, но очень твёрдо сказал он.

— А ты кто такой, чтобы решать, ехать мне или нет? — в её голосе звенели стальные нотки принцессы.

Андрей опустил глаза, его пальцы сжались в кулаки.

— Никто. Но я хочу быть тебе ближе. Быть твоим другом. Твоей опорой.

— Ха! Опорой? — Эля горько рассмеялась. — Ты сам себе не всегда можешь быть опорой!

— Эля, я хочу дружить... — начал он, но она резко перебила.

— Дружить? Ты с ума сошёл! Я с ботаниками дружбу не вожу!

Она видела, как по его лицу пробежала судорога. Он поднял на неё взгляд, и в его глазах вспыхнул незнакомый, тёмный огонь.

— А чем я хуже? — его голос стал низким и опасным. — Хуже моего брата? Хуже этих Кириллов и Антонов? Хуже тех, кто только и умеет, что «тусоваться» и играть в кошки-мышки с девочками?

Он замолчал, тяжело дыша. Эля отступила на шаг, внезапно почувствовав не страх, а странное, леденящее недоумение.

— Ты... хороший парень, — выдохнула она, стараясь смягчить удар. — Я уверена. Но мне нравятся... другие. Прости.

— Другой типаж? — он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними до сантиметров. Его дыхание стало горячим. — Дай мне шанс. Один шанс.

— Стоп, Андрей, я всё сказала, — она отвернулась, но он стремительно схватил её за подбородок и развернул лицо к себе.

Он смотрел на неё так пристально, будто хотел проникнуть в самую душу.

— Ты передумаешь, — прошептал он так тихо, что это было почти неслышно. Его губы были в сантиметре от её. — Обязательно передумаешь.

Он отпустил её, и его пальцы оставили на коже лёгкое, но отчётливое жжение. Не сводя с неё своего тёмного, полного какой-то недетской решимости взгляда, он медленно отступил к двери, повторил шёпотом: «Обязательно», — и вышел, тихо прикрыв дверь за собой.

Эля осталась стоять посередине комнаты, прижав ладони к разгорячённым щекам. В ушах звенело.

«Ну и глупец, — наконец выдохнула она, и в голосе её прозвучал сарказм, призванный заглушить странную тревогу. — Иди, иди. «Передумаю», конечно. Как же».

Она тут же набрала Елену и сбивчиво, на одном дыхании, выложила ей историю.

— Ну и дура, конечно, — безжалостно заключила Елена. — Надо было его держать как запасной вариант. А ты прилепилась к этому Артёму, который о тебе, я уверена, и не вспоминает.

— Что значит «держать как вариант»? Врать? Я не хочу ему врать.

— Ну, тогда ты не против, если я к нему «прилеплюсь»? — в голосе Елены зазвучала лёгкая проверка. — Он будет мне с уроками помогать. Подумай, а то я, может, своё счастье попытаю.

— Бери, раз ты его фанатка, — отмахнулась Эля, но в груди кольнуло.

— Я не фанатка. Но ты, похоже, не замечаешь, как он на тебя смотрит.

— И как? — язвительно спросила Эля. — Смотрит, как трусливый...

Она вдруг замолчала, вспомнив тот последний взгляд. В нём не было ни капли трусости.

— Ну, как по мне, не совсем уж и трусливо, — продолжала Елена. — А изучающе. Он, наверное, с девочками раньше и рядом-то не дышал. А симпатичный, между прочим. Покрасивее некоторых хулиганов будет, — она прозрачно намекнула на Артёма.

— Ладно, хватит. Завтра последняя контрольная. Не дай бог завалить. А в выходные уже отъезд. Пока, пойду в ванне полежу.

— Пока-пока. До завтра, удачи!

«Угу», — бросила Эля и завершила вызов.

Она направилась в ванную, набрала полную ванну тёплой, почти горячей воды, добавила пену и погрузилась в неё с головой, пытаясь смыть с себя все сегодняшние эмоции и подростковые страдания. Белое тело растворилось в облаках пены. Эля лежала, отключив мысли, и постепенно её сознание поплыло. Глаза закрылись.

Ей приснился сон.

Она стояла посреди леса, но деревья здесь были какими-то неправильными — слишком высокими, слишком тёмными, стремившимися в багровое небо. Вокруг, хаотично, как после взрыва, торчали из земли старые, покосившиеся кресты. Она поняла, что это кладбище.

«Где я?» — прозвучал её собственный голос во сне.

Сзади её обхватили чьи-то руки. Она обернулась — это был Андрей. Но не тот, которого она знала. Его лицо было бледным, а глаза смотрели на неё с неестественным спокойствием.

«Ты в аду, девочка, — сказал он её голосом, но интонации были чужими. — Распределяй и царствуй».

Эля попыталась вырваться, но его руки были как стальные обручи. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, и увидела, как на его лице, начиная с уголков губ, проступили алые пятна. Они расплзались, как живая краска, по щекам, шее. Он поднял руки перед собой, ладонями вверх. Они были покрыты свежей, липкой кровью.

— Что это? Кровь? — прошептала она во сне.

— Всё для тебя, — ответил он.

Андрей внезапно опустился перед ней на колени и обхватил её за бёдра, прижавшись лицом к её животу. Она увидела себя со стороны: стоит среди крестов, а её одежда испачкана алыми пятнами — отпечатками его рук.

— Я не хочу этого! — закричала Эля и, собрав все силы, разорвала его хватку. Она сделала несколько шагов назад и упёрлась спиной в холодный каменный крест.

Андрей медленно поднялся. Его взгляд, ещё недавно нежный и преданный, теперь был пустым и бездонным. Он сделал шаг в её сторону.

— Думаешь, теперь можешь уйти? — его голос зазвучал на два тона ниже. Глаза налились густым красным светом. С его рук капала алая субстанция. — Не сможешь. Даже если захочешь. Мы теперь — звенья в одной цепи. Невозможно покинуть систему.

Он подошёл так близко, что она чувствовала его ледяное дыхание. Его губы приоткрылись, и из уголка рта потекла струйка чего-то тёмного и липкого.

Она смотрела на него, парализованная ужасом, казалось, целую вечность. А потом он набросился. Поглотил её тьмой.

Темнота.

Эля вздрогнула и резко села в остывшей воде, сердце выскакивало из груди. Она тяжело дышала, оглядывая знакомые стены ванной.

«Господи... Какой кошмар», — прошептала она, прижимая мокрые ладони к лицу.

Она ещё долго сидела, пытаясь прогнать из головы жуткие образы. Наконец, завернувшись в махровое полотенце, она вернулась в комнату. По старой привычке подошла к окну, чтобы закрыть штору.

И застыла.

По улице, прямо под её окном, шли Артём и Ирен. Его рука лежала у неё на талии. Ирен что-то говорила, жестикулируя, явно взволнованно. И вдруг Артём обернулся. Его взгляд поднялся и упёрся прямо в её освещённое окно. Эля стояла и смотрела, давая понять, что она видит и всё знает.

«Ладно, — прошептала она себе, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться, но теперь по другому поводу. — Завтра последняя контрольная. А потом... я от всего этого сбегу».

Она резко задёрнула штору и принялась натягивать мягкую пижаму, погасила свет и улеглась в кровать, закрыла глаза, стараясь думать только о лагере, о лесе, о свободе. Сон не шёл. Вдруг дверь тихо приоткрылась. На пороге стояла мама. Увидев, что дочь, кажется, спит, она на цыпочках подошла к кровати, наклонилась и нежно поцеловала Элю в висок.

— Моя девочка, — едва слышно прошептала Элла. — Как же я тебя люблю.

И так же тихо вышла, прикрыв дверь. Эля открыла глаза в темноте, чувствуя на щеке тепло материнского поцелуя и холод предчувствия, который никак не хотел уходить.

Глава 6

День контрольной выдался нервным до предела. Воздух в школе был густым от всеобщего напряжения. Эля стояла в кругу подруг у своего класса — Елена, Лейла и, по старой привычке, чуть поодаль, Ирен. Обстановка была прохладной, натянутой, как струна.

В этот момент по коридору прошёл Андрей. Он шёл, уткнувшись взглядом в пол, не замечая их. Что-то внутри Эли ёкнуло — воспоминание о его странном поведении, о том леденящем душу сне, смешалось с чувством вины за грубые слова.

— Стой, Андрей! — позвала она, сделав шаг вперёд.

Он остановился, медленно обернулся. Его лицо было серьёзным.

— Что ты хотела? — спросил он ровным, безразличным тоном. — Помощи с контрольной? А что ещё можно хотеть от ботаника? Да, Эль?

Фраза, брошенная ею же в пылу ссоры, ударила по ней с двойной силой. Она подошла ближе, игнорируя удивлённые взгляды подруг.

— Извини, — сказала она тихо, но чётко, глядя прямо в его глаза. — Я не хотела тебя обидеть. Наговорила глупостей. Мир? ... друг.

Маска обиды и холодности на лице Андрея дрогнула. Казалось, он не ожидал этого. Ни извинений, ни слова «друг». В его глазах промелькнуло что-то сложное — удивление, надежда. Уголки его губ дрогнули, пытаясь сдержать улыбку.

— Мир, — наконец произнёс он, и застенчивая, неуверенная улыбка всё же пробилась наружу.

Эля улыбнулась ему в ответ, широко и по-настоящему, чувствуя, как камень с души падает. Она кивнула ему и оглянулась к подругам.

— Я пойду, — сказала она, указывая пальцем за плечо.

Андрей на секунду заглянул за неё, на девочек. Елена и Лейла, застигнутые врасплох этой сценой, глупо и синхронно замахали ему руками, нервно улыбаясь. Он смущённо кивнул в ответ.

— Увидимся, — бросил он Эле и, поправив рюкзак, пошёл дальше.

Эля вернулась в круг. Три пары глаз смотрели на неё с неммым вопросом.

— Я так понимаю, ты мне его не отдашь, чтобы я «прилепилась», — с лёгкой, понимающей усмешкой протянула Елена.

— Ты с этим дружишь? — в голосе Ирен звучало неподдельное высокомерие и брезгливость. — Совсем упала, ниже некуда.

Елена не выдержала, повернувшись к ней.

— Ну, она по крайней мере Артёма не уводила, зная, что он подруге нравится.

Ирен закинула голову, и в её глазах вспыхнул холодный огонь.

— Он всем нравится. А сейчас он — мой. Вы что, не знали? Вот огорчение.

— Да всё мы знали, — спокойно, но с металлом в голосе вступила Лейла. — И не такие мы глупые... как ты.

Не дожидаясь ответа, все трое развернулись и ушли, оставив Ирен одну посреди коридора с её ядовитой победой.

Прозвенел звонок, возвещающий начало кошмара под названием «контрольная». Эля села за парту, сжала ручку и попыталась выкинуть из головы все ссоры, взгляды и странные предчувствия. Она сосредоточилась, вспоминая всё, что проходила с Андреем. Формулы, тео-

ремы, алгоритмы решения — его спокойный, логичный голос звучал у неё в голове, вытесняя панику. Работа шла. Страницы заполнялись.

Когда время вышло и работы были собраны, Эля вышла в коридор с чувством лёгкого головокружения от напряжения.

— Ну как? — спросила Эля подругу, которая выглядела заметно помятой.

— По ходу, я всё завалила, — мрачно констатировала Елена.

— Почему ты так решила?

— У меня там какая-то абракадабра получилась, а не решения. А ты?

— У меня... вроде, всё ок, — Эля не могла скрыть облегчение. — Благодаря Андрею. Надо ему какой-нибудь подарок прикупить. В знак благодарности.

— Я даже знаю, какой, — Елена вдруг оживилась, и в её глазах загорелся знакомый озорной огонёк.

— И какой же?

— Подзываешь его куда-нибудь, где потише, смотришь ему в глаза, подходишь близко-близко...

— И?.. — Эля насторожилась, уже предчувствуя подвох.

— И целуешь его, конечно. Сладко-сладко, — Елена сделала преувеличенно-мечтательное лицо. — Потом он будет готов ради тебя хоть на Луну слетать. Я уверена. Подумай, это же лучший подарок для любого мальчишки!

— Дурочка! — Эля фыркнула, но щёки её предательски запылали. — Я же сказала — только друзья. А ты уже целоваться предлагаешь. Он про меня потом думать будет, что я совсем распушенная.

— Да ничего он такого не подумает! — заверила её Елена. — Попробуй! Или... — она прищурилась, — давай я за тебя? Подойду, скажу: «Эля тебе подарок передала», — и чмокну его как следует.

— Ты совсем с ума сошла! — Эля засмеялась, не в силах сдержаться.

— Ага! Попалась! — торжествующе воскликнула Елена. — Сама хочешь «подарок» передать! Всё, я тебя раскусила. Покраснела вся!

— Елен, да перестань! — Эля попыталась придать голосу суровости, но вышло смешно.

— А что «Елен»? Осчастливь парня. Он там и так, и сяк, а ты прямо никак, в его сторону даже не смотришь! Ладно, ладно... — Елена подняла руки в знак капитуляции, но ехидная улыбка не сходила с её лица. — Молчу. Пока молчу. Но ты сама всё знаешь.

Эля покачала головой, но мысль, посеянная подругой, пустила в её сознании маленький, коварный росток. Она снова посмотрела в ту сторону, куда ушёл Андрей, и на секунду представила этот нелепый, невозможный сценарий. И почему-то сердце ёкнуло не страхом, а чем-то другим — тёплым и тревожным одновременно.

До отъезда в лагерь оставалось несколько дней, и в воздухе повисло липкое, звенящее ожидание. Казалось, весь мир замедлился, выжидая.

Мысль Елены о «подарке» для Андрея засела в голове Эли как заноза. Сначала — возмутительная и нелепая. Потом — как дерзкий вызов самой себе. «А что, если?..» — шептал какой-то внутренний бесёнок. Она злилась на Артёма за его холодность и эту дурацкую историю с Ирен. Злилась на саму себя за то, что до сих пор не может его выбросить из головы. А Андрей... Андрей был здесь. Рядом. Тёплый, умный, смотрящий на неё так, будто она — центр вселенной. И этот взгляд уже не казался таким уж противным. В нём была сила. Та самая, о которой он говорил во сне: «Невозможно покинуть систему». Может, стоит войти в эту систему? Хотя бы на минуту. Назло всем. Особенно — Артёму.

Решила она это в школьной раздевалке, после физры. Елена, увидев её решительное лицо, ахнула:

— Ты правда...?

— Заткнись, — коротко бросила Эля, поправляя прядь волос. — Иди жди у выхода. Если что — кричи.

— О боже, — прошептала Лена с благоговейным ужасом. — Ты с ума сошла. Он может взорваться от счастья.

— Ха-ха-ха, как смешно.

Андрея она застала в пустом кабинете физики. Он сидел за учительским столом, что-то строчил в блокнот, погружённый в свои формулы. Солнечный луч падал на его высокий лоб и пухлые, сосредоточенно поджатые губы. «Как у куклы», — мелькнуло у Эли. И в этом была своя, странная притягательность.

— Андрей.

Он вздрогнул, поднял глаза. Маска безразличия мгновенно сползла, сменившись настроженным интересом.

— Эля. Что случилось?

— Ничего не случилось. Хочу сказать спасибо. За всё.

Она подошла к столу, облокотилась на него, сокращая дистанцию. Андрей откинулся на спинку стула, но не отвёл взгляда. В его глазах промелькнуло что-то знакомое — то самое изучающее, голодное.

— Не за что, — тихо сказал он.

— Это «не за что» не катит. Я должна. Я помню.

Её сердце колотилось бешено, но движению это не мешало. Положила руку ему на плечо. Он напрягся под её пальцами, как каменная глыба.

— Эля... — его голос прозвучал хрипло.

— Тише.

Она наклонилась. Быстро, пока не передумала. Её губы коснулись его уголка рта. Пахло чаем и школьным мелом. Она хотела отскочить сразу, но её рука вдруг сама легла ему на щеку, удерживая его лицо, а её губы сместились, найдя его губы полностью. Поцелуй был неловким, слишком влажным, но Андрей... Андрей не сопротивлялся. Он замер на секунду, а потом его руки вцепились в её талию с такой силой, что у неё перехватило дыхание. Он уже не принимал поцелуй — он брал его, отвечая с неожиданной, пугающей страстью, роя её губы своими. Из блокнота со стола со стуком на пол упала ручка.

Она вырвалась первой, отпрянув на шаг. Губы горели. Андрей сидел, тяжело дыша, его глаза потемнели и смотрели на неё не как на подругу, а как на добычу. Тот самый сон.

— Вот моя благодарность, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Теперь мы квиты.

Он молчал. Только его пальцы медленно разжали хватку на её блузке, оставив помятые следы.

— Мы не квиты, Эля, — наконец произнёс он, и в голосе снова зазвучала та самая, звенящая уверенность. — Мы только начали.

Она не стала ничего отвечать. Развернулась и почти выбежала из кабинета, стирая тыльной стороной ладони след его поцелуя с губ. «Что я наделала?» — стучало в висках. Но где-то глубоко внутри, под слоем стыда, копошилось мелкое, гаденькое торжество.

Новость, как по проводам, разнеслась по школе к концу дня. Эльвира Струнбрич целовалась с ботаником Андреем в пустом кабинете. Версии различались: от романтической («они тайно встречаются!») до похабной. Но факт оставался фактом.

Ирен узнала об этом от своей новой «свиты» — парочки девочек из параллельного класса, которые с радостью принесли сплетню, как кость. Она стояла у зеркала в дамской комнате, подводя глаза чёрным карандашом, когда они ворвались с визгом.

— Ир, ты в курсе? Твоя бывшая подружка теперь с умником крутится!

Карандаш дрогнул, оставив неаккуратную чёрную черту к виску. Ирен медленно повернулась.

— С каким умником?

— С Андреем, братом твоего Артёма! Целовались, видели!

В глазах Ирен вспыхнул холодный, яростный огонь. Не из-за Андрея — бог с ним, с этим лузером. Из-за Эльвиры. Она всё ещё маячила. Всё ещё могла что-то забрать. Сначала — внимание Артёма. Теперь — его брата? Это выглядело как насмешка. Как если бы Эля говорила: «Смотри, я могу взять любого из твоей жизни. Даже так переманить внимание».

— Интересно, — сказала Ирен ледяным тоном, стирая салфеткой кляксу под глазом. — Очень интересно.

Артём узнал иначе. Ему в спину тыкнул пальцем его же друг, Кирилл, хихикая:

— Слышь, Тёма, твой брат-ботаник, похоже, стал круче тебя. Эльку Струнбрич уже облизывает.

Артём, затягивавшийся у раздевалки, замер. Дым застрял в лёгких.

— Что?

— Да говорят, они там в кабинете... Ну, ты понял. Целовались, блин. Андрюшка-то, Андрюшка! Молодец, собака!

Артём не ответил. Он швырнул недокуренную сигарету на пол, раздавил её каблуком с такой силой, что пол хрустнул, и молча пошёл прочь. В груди клокотала бессмысленная, дикая ярость. Не к брату — к Эльвире. *«Целовалась. С ним. С этой тряпкой, этим ходячим учебником»*. Картинка вставала перед глазами: её наклонённое лицо, его самодовольное... Нет, не самодовольное. Голодное. Точно как у него самого, когда он смотрел на неё и отворачивался, боясь выдать себя. Получалось, брат оказался смелее? Или просто хитрее?

Он нашёл Андрея после уроков у шкафчиков. Тот неспешно складывал книги в рюкзак, на лице — странная, отрешённая улыбка.

— Андрей.

Брат обернулся. Улыбка не исчезла, а стала лишь чуть более осмысленной. Победной.

— Артём. Что хотел?

— Это правда?

— Что именно?

— Не тупи! — голос Артёма сорвался на рык, и пара проходящих первоклашек шарахнулась в сторону. — С Эльвирой! Целовался?

Андрей медленно закрыл дверцу шкафчика. Щёлкнул замком.

— А какое твоё дело, Артём? Ты же с Ирен. Или она уже не в счёт?

— Отвечай!

Молчание повисло между ними, густое и тяжёлое. Потом Андрей пожал плечами.

— Да. Целовался. Она сама подошла. Сама поцеловала. Есть проблемы?

Артём шагнул вперёд, сжав кулаки. Лицо Андрея исказила гримаса — не страха, а какого-то дикого восторга.

— Давай, — прошептал он. — Попробуй. Ударь меня. Покажи всем, какой ты крутой. А потом я расскажу маме и папе, *из-за коготы* это сделал. Из-за той самой девочки, в которую ты якобы не влюблён. И всё детство мы играли в следаков, найти Эльвиру.

Артём замер. Кулаки разжались. Ненависть, горячая и беспомощная, залила его изнутри. Он ненавидел этого заучку, который вдруг оказался не таким уж слабым. Ненавидел Эльвиру, которая всё портила. Ненавидел себя больше всего.

— Она тебя сожрёт и не подавится, — хрипло бросил он, отступая. — Ты для неё игрушка. Чтобы меня задеть.

— Может быть, — спокойно согласился Андрей, взваливая рюкзак на плечо. — А может, и нет. Но теперь она *моя* игрушка. Играть буду я. Не мешай.

Он развернулся и пошёл к выходу, оставив Артёма одного в опустевшем коридоре. Тот с силой пнул металлический шкафчик, оставив вмятину. Звук гулкого удара прокатился, как похоронный звон. Всё летело к чёрту. И лагерь, куда они все ехали, теперь казался не местом для веселья, а огромной, готовой захлопнуться ловушкой. И он, и его брат, и Эльвира — все были внутри, и выбраться уже не получалось.

Эля вышла из школы, чувствуя, как на неё пялятся. Шёпот за спиной был словно шелест ядовитых листьев. Елена тут же прилипла к ней, глаза круглые от любопытства.

— Ну? Ну что? Я видела, как ты вылетела из кабинета, как ошпаренная! Рассказывай!

Эля молча шла, ускоряя шаг. Губы всё ещё горели, а в ушах стоял низкий, влажный звук того поцелуя и его слова: *«Мы только начали»*.

— Эль, да ответь ты! Он что, языком тебя до позвоночника достал, что ты онемела?

— Отстань, Елена! — взорвалась Эля, и та отпрянула. — Всё было... Не так.

— А как?

Эля не знала, как. Страшно? Да. Противно? Нет. Именно это и пугало больше всего. Это не было похоже на те сухие, неловкие поцелуи с парнями на тусовках. Этом было... другое.

— Привет, шлюшки.

Они обернулись. Ирен стояла в нескольких шагах, заложив руки в карманы модной косухи. Её подруги маячили позади, как тени.

— Ой, извини, — сладко сказала Ирен, делая преувеличенно виноватое лицо. — Я не всех имела в виду. Только одну. Которая за подачки от ботаников губы раздаёт. Как дела, Эль? Вкусный был поцелуй? Говорят, от заучек слюнями всё лицо измазано, когда целуются. Правда?

Елена зашипела, как кошка, но Эля схватила её за локоть, сдерживая. Внутри всё было гармонично, но с Ирен сейчас связываться не хотелось. Но та искала повод.

— Иди своей дорогой, Ирен, — тихо, но чётко сказала Эля. — У тебя же есть своя жизнь. Артём, например. Или тебе мало?

Лицо Ирен исказилось. Упоминание Артёма, да ещё таким тоном, было точным ударом.

— Ой, а ты ещё и советы раздаёшь? — она сделала шаг вперёд. — Слушай сюда, принцесса. Ты думаешь, раз тронула его брата-дебила, то до меня как-то докопаешься? Он на тебя и смотреть-то не будет теперь. Ты для него грязь после этого. А мне плевать, с кем ты там развлекаешься. Главное — чтобы ты держалась от нас подальше. Поняла? В лагере твой номер не пройдёт.

— Угрожаешь? — в голосе Эли зазвенела сталь.

— Я констатирую факт, — Ирен сладко улыбнулась. — Лагерь — место маленькое. Леса тёмные. Всё может случиться. Особенно с такими... наивными, дурочками, как ты.

Она крутанулась на каблуке и пошла прочь, её «свита» бросила на них последние презрительные взгляды.

Елена выдохнула, словно только что всплыла из-под воды.

— Вот сука... Она реально психанула. Надо будет в лагере палку толстую найти, чтобы во всю её рожу могла отпечататься.

Но Эля её уже не слушала. Она смотрела на другой конец школьного двора. У забора, в тени голых деревьев, стоял Артём. Он курил, откинув голову, и смотрел прямо на неё. Даже с этого расстояния она почувствовала тяжесть его взгляда. Не ярость. Не презрение. Что-то более сложное. Разочарование? Досаду? Ревность?

Он медленно вынул сигарету изо рта, выпустил струю дыма и, не отводя глаз, провёл пальцем по своему горлу. Чёткий, угрожающий жест.

Потом он швырнул окурок, развернулся и скрылся за углом школы. Игра, которую она затеяла из глупого желания досадить, вдруг стала слишком реальной и слишком опасной. Она разворошила осиное гнездо, и теперь осы — все, до одной — были готовы её ужалить.

Вечером мама была особенно нежной. Накрыла праздничный ужин, хотя до отъезда ещё целый день.

— Моя девочка вырастет, — вздыхала она, глядя Элю по волосам. — Первая дальняя поездка без нас. Ты там будь осторожна, да? Держись подруг. И... Андрюши. Он мальчик хороший, надёжный.

— Мам, хватит уже про Андрюшу, — буркнул отец, ковыряя вилкой картошку. — Надоело.

— А что? Я рада, что она наконец с умными детьми общаться стала, а не с этими... шпанятами.

Эля молча передвигала картошку в тарелке из стороны в сторону. Каждое слово матери било точно в цель. *Надёжный*. Если бы она знала...

После ужина Эля заперлась в комнате. Она попыталась собрать вещи, но мысли путались. Всё валилось из рук. Она подошла к окну. На улице уже стемнело. Фонарь через дорогу отбрасывал жёлтое, болезненное пятно света на асфальт. И в этом пятне что-то двигалось.

Присмотревшись, она узнала фигуру. Андрей. Он стоял под фонарём напротив её дома, засунув руки в карманы, и смотрел вверх, на её тёмное окно. Он не махал, не пытался привлечь внимание. Просто стоял.

Эля резко дёрнула штору, закрыв её. Сердце бешено колотилось. Скоро её повезут в клетку. Самую охраняемую и не охраной, а Андрюшей. Под названием «Долина Мира».

Она полезла в карман рюкзака, висевшей на стуле, за телефоном, чтобы позвонить Елене, чтобы услышать хоть какой-то нормальный голос. В кармане её пальцы наткнулись на что-то постороннее, гладкое и круглое. Она вытащила.

Это была пуговица. Большая, деревянная. Она точно не была её. Эля перевернула. На обратной стороне, нацарапано чем-то острым, были выведены кривые, неровные буквы:

НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС.

Ледяная волна прокатилась по спине. Это была не шутка. Стиль, эти корявые буквы... Это было похоже на предупреждение.

Кто подсунул? Когда? Она никуда не ходила сегодня, кроме школы. Рюкзак был с ней всегда... Кроме того момента в раздевалке, когда она пошла в кабинет к Андрею. Рюкзак оставался там. На полу. Без присмотра.

Её взгляд снова, против воли, рванулся к окну. К щели между штор. Пятно света под фонарём был теперь пуст.

Андрея не было.

Но пуговица, холодная и чуждая, лежала на её ладони, как билет в один конец. И три слова на ней горели в темноте комнаты своим собственным, тусклым и зловещим светом.

НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС.

Сон не шёл. Эля ворочалась, сжимая в кулаке пуговицу до тех пор, пока деревянные края не впились в кожу. «Не лезь в лес». Что это значит? Лагерь «Долина Мира» стоял как раз в сосновом бору, если верить рекламным фото. Лес вокруг — его главная «фишка»: походы, костры, ориентирование.

Она включила телефон, залезла в поиск. Набрала название лагеря. Первые ссылки — официальный сайт с улыбающимися вожатыми, расписание смен, восторженные отзывы родителей. Полистала глубже. На каком-то городском форуме нашла старую тему, заброшенную года три назад: «А вас не смущает Долина Мира?» Сообщений всего пять. Одно было удалено модератором. Другое, от анонима: «Мой племянник ездил. Говорит, ночью в лесу огни видел. И звуки странные. Но детям велели молчать». Третье: «Легенды про кладбище — бред. Но место там и правда нехорошее. Старики говорят, земля там «ненасытная». Тему кто-то закрыл с пометкой «распространение непроверенной информации».

Эля выключила телефон. В темноте комнаты тикали часы. «Ненасытная земля». Слова Андрея про пропавших детей всплыли в памяти с новой силой. Он говорил об этом слишком спокойно. Как о факте. Не как о страшилке.

Она встала, подошла к окну, раздвинула шторы. Улица спала. Фонарь мигнул и погас, погрузив всё в синевагую предрассветную мглу. И тогда она увидела его снова. Не под фонарём, а прямо под её окном, в палисаднике. Андрей. Он сидел на корточках, спиной к дому, и что-то чертил на утопанной снежной корке. Длинной, прямой палкой. Эля не различала рисунок, но ритм его движений был гипнотически монотонным. Туда-сюда.

Он вдруг замер, словно почувствовал её взгляд. Медленно повернул голову. Его лицо в полумраке было бледным пятном. Он не улыбнулся. Поднял руку и поманил её к себе. Медленно, неотрывно глядя ей в глаза через стекло.

Эля отпрянула. Сердце замерло. Она дернула, закрыла шторы. Он сошёл с ума. Он реально сошёл с ума. Или... или он всегда был таким. А она просто не видела.

Глава 7

Утром, за завтраком, Элла заметила её бледность и синяки под глазами.

— Не выспалась, рыбка? Волнуешься?

— Да, — хрипло ответила Эля. — Мам... а если мне не понравится в лагере? Если я захочу домой?

Отец хмыкнул за газетой:

— Потерпишь недельку - другую. Какие там проблемы? Воздух, режим, компания. Лучше, чем тут по двору шляться.

— Но...

— Не капризничай, Эльвира, — мягко, но твёрдо сказала мать. — Ты же сама так хотела. Всё будет хорошо. Тем более, там Андрей будет, присмотрит.

Имя «Андрей» прозвучало как приговор. Эля поняла — жаловаться бесполезно. Они не увидят. Для них он — идеальный мальчик. Тихий, умный, из хорошей семьи. Их дочь в надёжных руках.

На школьном дворе царил суматоха. Группа ребят, едущих в лагерь, собиралась у старого жёлтого автобуса. Вожатые — двое уставших на вид студентов — перекрикивали список. Эля стояла в стороне с Еленой. Та тараторила без умолку, пытаясь разрядить напряжение.

— Смотри, вон наш вожак. Ничего такой, правда? Очки только портят.

— Лен, заткнись, — простонала Эля. Она видела всё.

Ирен, уже в новой модной куртке, висела на Артёме, как клещ. Тот стоял, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то поверх голов. Его взгляд пустой. Он будто выключился.

Андрей был уже в автобусе. Он сидел у окна и смотрел на Элю. Неподвижно, как и вчера ночью. Его лицо было спокойным, почти невыразительным. Он поймал её взгляд и очень медленно улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз. В глазах была та самая «система». Цепь, захватившая своё звено.

— Все по местам! — крикнул вожатый.

Елена потянула Элю за рукав.

— Пошли, что ли. Чего застыла?

Эля сделала шаг. Потом другой. Каждый шаг к открытым дверям автобуса казался шагом на эшафот. Она поднялась по ступенькам, и запах бензина, старой обивки и кислых яблок ударил в нос.

Елена занырнула на свободное сиденье к какой-то девочке из параллельного класса. Эля замерла в проходе. Свободные места были: одно — рядом с какой-то плачущей семиклашкой.

Другое... в самом конце. Рядом с Андреем. Он уже отодвинулся к окну, освобождая место. И смотрел на неё. Ждал.

«Не садись рядом с ним», — закричало внутри всё. Но ноги понесли её сами. Мимо испуганного взгляда Елены. Мимо ехидной усмешки Ирен. Мимо пустого, отвернувшегося к окну Артёма. Она шла по проходу, как по коридору к электрическому стулу.

И опустила на сиденье рядом с Андреем. Пахло его обычным запахом — чистый свитер, немного книжной пыли. И чем-то ещё. Холодным.

Автобус дёрнулся и зарычал мотор.

— Я знал, что ты сядешь ко мне, — тихо сказал Андрей, не глядя на неё. Он смотрел вперёд.

— Почему? — прошептала Эля, сжимая в кармане пуговицу.

— Потому что ты умная. Ты чувствуешь, где безопаснее.

— Рядом с тобой безопаснее? — в её голосе прозвучал сдавленный смешок.

Он наконец повернул к ней голову. Его глаза были тёмными, бездонными колодцами.

— Безопаснее, чем где бы то ни было ещё, Эля. Запомни это. Ты теперь под моей защитой. Пока ты со мной, с тобой ничего не случится.

Он произнёс это так просто, как будто говорил о погоде. Но в словах сквозила вторая часть обещания: *«А если отойдём — случится ... всё что угодно»*.

Автобус тронулся. Дома, родители, знакомые улицы поплыли за окном, становясь всё меньше. Эля прижалась лбом к сиденью перед ней. В отражении стекла она видела, как Андрей протягивает руку и поправляет прядь её волос, упавшую на лицо. Его пальцы коснулись кожи у виска. Холодные, как у покойника.

Она не отдернулась. Она смотрела, как в зеркале заднего вида маленькая, бледная девочка в жёлтом автобусе едет в сторону тёмного леса. А рядом с ней сидит тень, которая улыбается.

Ловушка, наконец, захлопнулась. И «Долина Мира» ждала их впереди, окутанная утренним туманом и тишиной, которая была громче любого крика.

Дорога казалась бесконечной. Автобус пыхтел, подпрыгивая на колдобинах, увозя их всё дальше от асфальта, от вышек сотовой связи, от всего, что напоминало о мире с правилами. За окном поплыли унылые поля, затем редкие перелески, и наконец, впереди, как тёмная стена, встал сплошной бор.

Эля пыталась не дышать, чтобы не чувствовать запах Андрея — этот странный, холодный металлический оттенок в его обычном аромате. Он сидел неподвижно, как истукан, уставившись в спинку впереди стоящего кресла. Но его рука лежала на сиденье между ними, ладонью вверх. Как будто ждал, что она положит туда свою.

Елена, сидевшая двумя рядами впереди, то и дело оборачивалась, её взгляд метался от Эли к Андрею и обратно.

С другой стороны прохода, через ряд, сидели Артём и Ирен. Артём уткнулся в наушники, закрыв глаза, делая вид, что спит. Но мышцы на его скулах играли. Ирен, обняв его руку, что-то шептала ему на ухо, бросая на Элю злые, торжествующие взгляды. Её слова долетали обрывками: «...скучно же... скоро приедем... погуляем...»

— Не смотри на них, — тихо сказал Андрей, не меняя позы. — Они — шум. Фон. Неважно.

— А что важно? — сорвалось у Эли.
Он медленно повернул к ней голову.

— Важно — где ты сейчас. И с кем.

В его глазах не было безумия. Была спокойная, леденящая уверенность. Та самая, что бывает у хирурга перед операцией или у палача перед казнью. Это было страшнее любой истерики.

Автобус резко свернул с грунтовки на узкую, разбитую лесную дорогу. Сосны сомкнулись над ними, закрыв небо. Свет стал зелёным, подводным. Воздух в салоне словно загустел.

— Эй, ребята, почти на месте! — крикнул с места один из вожатых, парень с косичкой.
— Готовьтесь к лучшей смене в вашей жизни!

Кто-то сонно захлопал. Кто-то застонал. Ирен фыркнула.

Андрей наклонился к Эле так близко, что его губы почти коснулись её. Дыхание было тёплым, но слова — холодными, как лёд.

— Когда выйдем, иди за мной. Не отходи. Лес здесь... старый. А то вдруг потеряешься.

— Потеряюсь? — едва слышно спросила она с недоумением.

Он отодвинулся, и в уголках его губ дрогнуло что-то вроде улыбки.

— Ты — со мной. Значит, не потеряешься.

Автобус плавно остановился на просторной солнечной поляне. Воздух был свежим, пахло сосной и тёплой древесиной. Лагерь «Долина Мира» оказался совсем не таким, как его малевала тревожная фантазия Эли.

Корпуса, аккуратно выкрашенные в голубой и бежевый, утопали в зелени. Вдалеке сияла гладь озера. На центральной площадке с новеньким флагштоком уже суетились вожатые в ярких футболках, раздавая указания. Звучали смех и крики других заезжавших групп — лагерь был большим, и смена обещала быть многолюдной.

Эля невольно выдохнула, чувствуя, как камень тревоги слегка сдвинулся с души. Может, всё не так страшно?

— Все сюда с вещами! Построение по корпусам! — крикнул знакомый вожатый с косичкой, и толпа зашевелилась.

Регистрация проходила бойко. За столом сидела улыбчивая женщина с бейджем «Начальник смены».

— Струнбрич Эльвира? Добро пожаловать! Корпус «А», комната 3. Девочки на втором этаже, — она протянула ключ с синим брелком.

— Андреев Андрей? Корпус «А», комната 4. Мальчики на первом. Вот ваш ключ, зелёный.

Ирен, стоявшая сзади, тут же вставила своё:

— О, как романтично! Под одной крышей. Удобно, Эль, если ночью уроки захочется позубрить. Или ещё чего-нибудь, покрепче.

Андрей проигнорировал её, взяв свой ключ и чемодан Эли.

— Провожу, — коротко сказал он.

Корпус «А» оказался крайним, но отнюдь не мрачным. Двухэтажное деревянное здание с резными наличниками выглядело уютным и очень чистым. Он стоял чуть в стороне от остальных, ближе к лесу, что делало его даже более привлекательным — тише и живописнее.

Внутри пахло свежевывытыми полами и хвоей. Солнечный свет лился из больших окон в просторном холле. Девочки-обитательницы уже шныряли по лестнице на второй этаж с чемоданами и визгом.

— Твой этаж, — кивнул Андрей на лестницу. — Моя комната здесь, на первом. Если что нужно — знаешь, где искать.

Его тон был обыденным, даже спокойным. Ничего зловещего. Он просто помог ей донести чемодан до второго этажа и указал на дверь с цифрой «3».

— Спасибо, — сказала Эля, чувствуя себя немного глупо за свои прежние страхи.

— Не за что. Отдыхай, разбирай вещи. Через час общий сбор на площади, — он повернулся к уходу, но задержался на секунду. — И, Эля... лес здесь красивый, но густой. Без вожатых далеко не уходи. Лагерь — он большой, можно заблудиться.

Он сказал это так, как мог бы сказать любой заботливый человек.

— Хорошо, — кивнула она.

— Отлично, — он слегка улыбнулся, и это была почти обычная, немного застенчивая улыбка. — Увидимся на сборе.

Он спустился по лестнице, и Эля зашла в свою комнату. Она оказалась светлой, с двумя кроватями, большим окном с видом на сосны и даже маленьким письменным столиком. Всё было чисто, опрятно и пахло свежестью.

Эля села на кровать и закрыла глаза. Тишина. Только далёкие голоса с улицы и шелест листвы за окном. Только уютная комната в красивом лагере.

Она открыла ладонь. В ней всё ещё лежала та самая деревянная пуговица. «НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС». Здесь, в этой солнечной комнате, она казалась просто куском старого дерева, деталью чьей-то глупой шутки или случайной потерей.

Эля сунула пуговицу в карман джинсов. «Бред, — сказала она себе. — Просто бред. Всё будет хорошо».

За окном пропела птица. Светлый, чистый звук. Эля улыбнулась, впервые за долгое время чувствуя лёгкость. Может, это и правда будет лучшая смена в её жизни.

Она встала, чтобы начать распаковывать вещи. За стеной, в соседней комнате, кто-то задвигал мебель. Обычные житейские звуки. Ничего более.

Общий сбор проходил на солнечной центральной площади. Человек сто ребят разного возраста, а может и больше, шумели, переговаривались, вожатые пытались навести порядок через мегафоны. Было по-летнему жарко, и настроение у большинства приподнятое, отпускное.

Эля стояла с Еленой, которая без умолку комментировала всех подряд.

— Смотри, вон тот вожатый, кажется, на тебя пялится. А вон Ирен уже флиртует с кем-то из старших отрядов. Не теряет времени.

Ирен и правда стояла чуть поодаль, демонстративно смеясь над чем-то, что говорил ей высокий парень. Артём наблюдал за этим с каменным лицом, засунув руки в карманы.

Начальник смены, та самая улыбчивая женщина, представилась Светланой Петровной и начала зачитывать списки по корпусам. Когда она добралась до корпуса «А», Эля насторожилась.

— Корпус «А»! Слушайте состав: Андреев Андрей, Андреев Артём, Глушкова Елена, Данисова Ирен, Гринвич Лейла, Ковалёв Кирилл, Рудчинков Макс, Струнбрич Эльвира... — она продолжила, но Эля уже не слышала.

Корпус «А» оказался не просто их тихим углом. Это был их мирок в миниатюре, целиком перевезённый сюда. Андрей и Артём. Она, Елена, Ирен и Лейла. Плюс Кирилл и Макс — те самые дружки Артёма, что всегда крутились вокруг него.

Елена ахнула:

— Офигеть, нас всех в одну банку! Это ж надо такому случиться!

Эля поймала взгляд Андрея через толпу. Он стоял чуть в стороне, и на его лице не было удивления. Лишь лёгкое, едва заметное удовлетворение, как у шахматиста, сделавшего верный ход. *Он что-то знал.*

Артём, услышав список, хмыкнул и бросил Ирен колкий взгляд:

— Ну что, будешь теперь на первом этаже со мной тусоваться или на втором к умницам наведываться?

Ирен фыркнула, но ответить не успела.

Светлана Петровна продолжала:

— ...Корпус «А» считается у нас спокойным, всегда ответственным. Поэтому старшим по корпусу назначается Андреев Андрей. Все возникающие вопросы и проблемы — сначала к нему.

Это назначение вызвало лёгкий ропот. Кирилл и Макс переглянулись с немым вопросом к Артёму. Тот лишь скривил губы в усмешке. *«Ботаник старшим. Ну конечно».*

Ирен не выдержала:

— А почему именно он? Мы все одного возраста!

— По рекомендации школы и родителей, — весело парировала Светлана Петровна. — Андрей у нас самый сознательный! На него можно положиться. И он не первый раз тут. А теперь, ребята, расходимся по корпусам, через полчаса — обед в столовой!

Толпа начала расходиться. Елена тут же прицепилась к Эле.

— Старший по корпусу! Да он теперь наш царь и бог в этих стенах. Ты только вдумайся! Теперь все мелкие бытовые вопросы — к нему. Ключи, расписание уборки, свет после отбоя... Без него теперь не вздохнуть, не пёрнуть. Охренеть!

По дороге к корпусу «А» к ним присоединилась Лейла, двоюродная сестра Елены. Она была наблюдательной девочкой.

— Привет, — сказала она подругам. — Весёлая компания у нас подобралась, да? Особенно рада видеть Ирен после всего.

— Родная, всё потом, — вздохнула Елена.

Войдя в холл корпуса, они застали там Кирилла и Макса, которые уже растаскивали свои чемоданы по комнатам первого этажа.

— Комнаты по два человека! — выкрикнул Кирилл. — Мы с Максом тут, в пятой. Артём, ты, выходит, с Андреем в четвёртой?

Артём, который как раз входил в дверь, замер.

— С кем?

— С Андреем, — повторил Макс, указывая на открытую дверь комнаты 4, где у окна уже стоял чемодан Андрея. — Вы ж братья. Логично же.

На лице Артёма промелькнуло что-то вроде отвращения и злорадства одновременно.

— О, отлично. Буду ночами формулы слушать. Просто сказка.

Андрей вышел из комнаты, держа в руках список и связку ключей. Он был совершенно спокоен.

— Правила корпуса: тишина после 23:00, уборка по графику, ключи от корпуса у меня. В случае проблем — моя комната, 4. Всё понятно?

Он обвёл взглядом всех, и его взгляд на секунду задержался на Артёме. — Всех устраивает?

— Абсолютно, — с фальшивой сладостью в голосе ответил Артём. — Мечтаю о совместном досуге.

Ирен, поднимаясь по лестнице на второй этаж, бросила:

— Не ругайтесь там, мальчики. Стены тонкие, нам подробности знать не к чему.

Эля с Еленой и Лейлой поднялись на второй этаж. Их комнаты оказались рядом: у Эли и Елены — №3, у Лейлы — №4, через стенку.

Пока Елена с визгом осваивала свою кровать, Эля подошла к окну. Вид был действительно красивым: сосны, тропинка, уводящая вглубь леса. Солнце играло в ветвях. Но теперь, зная, кто находится прямо под ней, в комнате 4, этот вид казался уже не таким безмятежным.

Они были здесь все вместе. Как будто сама судьба свела их в одном месте, под одной крышей. Артём и Андрей — в одной комнате. Ирен — рядом с ней, на одном этаже. Все старые обиды, ревность, напряжение — всё это теперь будет кипеть в замкнутом пространстве деревянного корпуса на краю леса.

Эля потрогала в кармане пуговицу. «Не лезь в лес», — напоминала она. Но самая большая опасность, похоже, была не в лесу. Она была здесь, внутри этих уютных, чистых стен. И у неё было имя, и оно сидело прямо под ней, в комнате с зелёным брелком, разбирая книги по полочкам и чувствуя себя в своей тарелке.

Столовая гудела, как гигантский улей. Запах борща и компота смешивался с гамом сотни голосов. Эля с Еленой и Лейлой, отстояв очередь с подносами, озирались в поисках свободного стола.

— Вон, кажется, свободно у окна, — указала Лейла.

Но пройти туда им не дали. Их путь преградила Ирен, которая шла под ручку с новой подружкой — рыжеволосой девицей в ярких носках, которую она уже представила как «Соноу из 11А». За ними следовали Кирилл и Макс, а чуть поодаль, с каменным лицом, шагал Артём.

— О, смотрите-ка, наше женское общество в полном составе, — сладко пропела Ирен, оглядывая Элю с ног до головы. — Устроились уже, принцесса? Комнатка ничего такая, да? Только тебе вид, наверное, не на озеро, а на лес. Ну, знаешь, для... романтического настроения с соседом снизу.

Елена закатила глаза:

— Ирен, да отцепись ты уже. Надоела.

— Я? Я ничего, — Ирен сделала невинное лицо. — Я просто за компанию беспокоюсь. Вдруг наш старший по корпусу ночью услышит, как ты по лесу гуляешь, и выйдет тебя оттуда выводить. С энциклопедией в руках. Романтика!

Её новая подружка Соня хихикнула.

Артём, проходя мимо, бросил, не глядя на Элю:

— Да уж, с энциклопедией или без — лишь бы не скучно было. А то в комнате с ботаником ночевать — можно и самому в говнянку превратиться. Только и слышно: «синус, косинус» да вздохи.

Кирилл и Макс громко загоготали. Артём позволил себе кривую усмешку. Было видно, что тема «комната с братом» его бесила.

— Может, хватит? — раздался спокойный голос сзади.

Все обернулись. Андрей стоял с подносом в руках. Он подошёл незаметно.

— Вы тут проход блокируете. И, между прочим, правила столовой: не шуметь и не мешать другим. Статья третья, если интересно.

Его тон был ровным, безразличным, но взгляд, скользнувший по Артёму и Ирен, был как лезвие.

— Ой, простите, ваше высокоумие, — закатила глаза Ирен. — Мы забыли, что вы тут главный по супу и тишине. Идём, Сонь, а то заразимся.

Она потянула подружку прочь, кинув Эле на прощание:

— Приятного аппетита, Эль. Кушай за двоих, не обляпайся.

Артём, бросая на Андрея взгляд, полный немого вызова, пошёл за остальными, пнув по пути ногой стул.

Андрей не обратил на это внимания. Он посмотрел на Элю.

— Свободное место есть за тем столом, — кивнул он в сторону угла, где действительно было пара свободных мест. — Если хотите.

Елена, не дожидаясь ответа, тут же потянула Элю и Лейлу в указанном направлении.

— Да, да, конечно! Спасибо, Андрюш!

Усевшись, Елена тут же начала шептать:

— Видала? Видала эту парочку? Артём просто зелёный от злости! Ему же теперь с Андреем жить! Это ж надо, так карта легла! Представляю, что там ночью творится.

— Помолчи уже, — прошипела Эля, но сама не могла оторвать глаз от братьев. Артём сел за стол напротив, рядом с Кириллом и Максом. Он что-то говорил им зло, отрывисто, жестикулируя. Время от времени его взгляд метнулся в сторону их стола. Нет, не на неё. На Андрея, который спокойно размешивал ложкой компот.

Андрей, чувствуя этот взгляд, поднял глаза. Братья на секунду встретились взглядами. Артём первый отвел глаза, с силой ткнув вилкой в котлету.

— Они друг друга ненавидят, — тихо сказала Лейла, наблюдая за этой немой сценой. — Как они в одной комнате уживутся?

— А может, это и к лучшему, — Елена наклонилась к Эле. — Пока они друг друга жуют, до тебя очередь не дойдёт. Хотя... — она кивнула в сторону Ирен, которая за соседним столом что-то громко и фальшиво смеялась, глядя на их компанию. — У тебя тут врагов побольше, чем в какой-нибудь компьютерной игре.

Андрей встал, закончив есть.

— После обеда — свободное время до вечернего мероприятия. Осмотрите территорию, но не ходите далеко. Лесная тропа начинается сразу за нашим корпусом, но дальше двухсот метров без вожатого лучше не ходить.

Он посмотрел прямо на Элю.

— Это важно. Даже если очень захочется посмотреть, что там дальше.

Он ушёл, унося свой поднос. Артём, увидев это, тут же что-то едко сказал своим друзьям, и они снова загоготали.

Эля вздохнула. Лагерь, солнце, озеро... И полная банка старых, прокисших конфликтов, которые теперь предстояло делить на двоих в тесных комнатах корпуса «А». И где-то там, за красивой лесной опушкой, начиналась та самая тропа. Та самая, в которую «не лезть». А вокруг неё кипели свои, человеческие джунгли, где каждый был готов укусить. И самыми опасными хищниками в них оказались не таинственные лесные твари, а те, кого она знала с детства.

После обеда солнце припекало по-настоящему летнее. Ребята из их корпуса разбрелись кто куда. Кирилл и Макс рванули к озеру с мячом. Лейла решила остаться в комнате — «перегрузиться от дороги». Елена же, разгоревшись от сплетен и интриг, схватила Элю за руку:

— Пошли! Осмотрим наши новые владения! Надо же знать, где что находится. Особенно — где Ирен будет тусоваться, чтобы не ходить по таким местам.

Они вышли на крыльцо корпуса «А». Отсюда открывался вид на уходящую вглубь соснового бора ухоженную тропинку с указателем «К озеру». С другой стороны корпуса, почти вплотную к лесу, начиналась другая, более узкая и не такая опрятная тропа. На её начале висел маленький, потрёпанный знак: «Экотропа. Проход только с сопровождающим».

Эля невольно потрогала карман с пуговицей.

— О, смотри-ка, запретка, — оживилась Елена. — Интересно, что там такого, что без присмотра нельзя?

— Может, болото, — пожала плечами Эля, стараясь звучать равнодушно. — Или скользкие камни.

В этот момент из-за угла корпуса вышли Ирен с Соней и Артём. Они явно что-то оживлённо обсуждали.

— ...ну я говорю, пошли глянем, что за фигня там, — доносился голос Ирен. — Знак как будто специально, чтобы народ цепляло. Наверняка ничего интересного.

— Ага, наверняка, — усмехнулся Артём, заметив Элю и Елену. Он тут же сменил тон на показно-равнодушный. — Чего уставились? Тоже по тропе грешных собираетесь прогуляться?

— Мы просто воздухом дышим, — парировала Елена. — Вам бы тоже не помешало — проветрить мозги.

Ирен фыркнула, но её внимание привлекло что-то позади девочек. На пороге корпуса появился Андрей. Он шёл не к ним, а к небольшому сараю с инвентарём, видимо, по какому-то делу. Но его появление заставило всех на секунду замолчать.

Артём, следивший за братом, вдруг громко и нарочно сказал, обращаясь к Ирен, но глядя на Элю:

— Ага, вот и наш надзиратель вышел. Проверить, все ли на месте. Может, уже списки сверяет, кто на прогулку пошёл без спросу. Эль, тебе, наверное, отпроситься надо, если куда собралась? А то вдруг забеспокоится.

Эля приподняла бровь, равнодушно смотря на Артёма.

— Мне никто ничего не должен разрешать, — сквозь зубы процедила она.

— Ну да, ну да, — Артём усмехнулся. — Самостоятельная. Только почему-то всё время рядом с ним трёшься. То уроки, то комнаты соседние, то вот он — вышел, а ты тут как тут..

— Артём, пойдём, — неожиданно резко сказала Ирен, прищутив глаза. — Чего к ней пристал? Пошли уже, а то Соньке надо потом маме звонить. Отчитаться.

Она потянула его за рукав, и троица, бросая колкие взгляды, двинулась по тропе к озеру.

Елена выдохнула.

— Ну и нервы у этого Артёма. Его как будто подменили. Раньше он тебя в упор не замечал, а теперь только и делает, что язвит.

— Ему брат покоя не даёт, — тихо сказала Эля, глядя, как Андрей, достав что-то из сарая, спокойно возвращается в корпус, абсолютно игнорируя их сцену. — А я просто... под обстрел попала.

— Ага, попала, так попала, — Елена подмигнула. — Мне кажется, он тебя по-прежнему в тайне кочет видеть рядышком. Просто теперь ещё и злится, что ты с его братом... ну, как бы это... коммуницируешь.

— Давай закончим этот разговор, — вздохнула Эля. — Мне не хочется об этом думать. Хочется, чтобы всё это прекратилось.

Они медленно пошли по главной аллее в сторону центра лагеря. Вдруг сзади раздались быстрые шаги. Оборачиваться не пришлось — они узнали лёгкую, семенящую походку.

— Девочки! Пойдите!

Это была Светлана Петровна, начальник смены. Она догнала их, немного запыхавшись.

— Вот и отлично, что вы мне попались. Эльвира, я как раз тебя искала. У нас небольшая просьба.

Эля насторожилась.

— Ко мне?

— Дело тебе. Видишь ли, у нас в лагере есть традиция — «Визитка отряда». Корпус «А» — он у нас хоть и разновозрастной, но компактный, почти готовый отряд. Мы думали, может, вы что-то подготовите? Номер небольшой. Ты же у нас творческая, я смотрю, в театральную школу ходила, на танцы, да и в конкурсах участвовала. Может, что-то с ребятами из корпуса поставишь? Андрей тебе поможет как старший.

Эля почувствовала, как у неё внутри всё опускается. Ещё больше времени с Андреем. На глазах у всего лагеря. И у Артёма с Ирен.

— Я... не знаю, — попыталась отказаться она. — Мы же только приехали, все незнакомые... — пыталась соврать.

— Вот именно! Завтра будет «Визитка». Успехов! — обрадовалась Светлана Петровна, как будто Эля сказала «да». — Чтобы сплотиться, познакомиться! Андрей уже согласился помочь с организацией. Я в тебя верю! Подумайте, можете песню, сценку, танец... что угодно! До ужина есть время обсудить с ребятами.

И она, весело помахав, побежала дальше.

Елена округлила глаза.

— Офигеть. Тебе и Андрею теперь квест «сплотить несплощаемое». В нашем-то зверинце. Это будет что-то. Представляю, как Ирен будет в сценке участвовать. Или Артём.

Эля просто стояла, чувствуя, как ловушка тихого, уютного корпуса «А» захлопывается ещё одним, прочным засовом. Теперь у неё было «дело».

Она посмотрела на корпус, такой безобидный на солнце.

Андрей собрал их всех перед ужином у крыльца корпуса «А». Солнце клонилось к вершинам сосен, отбрасывая длинные тени. Собралась вся обойма: Эля с Еленой и Лейлой, Ирен с Соней, Артём с Кириллом и Максом, и ещё пара ребят из других комнат, которые тоже попали в их «отряд». Все с неохотой и откровенным скучающим видом.

— Итак, — начал Андрей без предисловий, держа в руках тот же блокнот. — Светлана Петровна поручила нам подготовить «Визитку отряда» на мероприятие. Нужно что-то короткое, минут на пять. Предлагайте идеи.

Первой, как всегда, встряла Ирен, скрестив руки на груди:

— Ой, да зачем нам это? Мы что, в театральные приехали? Можно просто всем встать и хором сказать «Приве-е-ет».

— Не креативно, — тут же отрезал Кирилл.

— А тебе виднее, — фыркнула Ирен. — Тогда пусть наш «старший по творчеству» что-нибудь предложит.

Все взгляды устремились на Андрея. Он не моргнул.

— Я предлагаю структурированный мозговой штурм. Записываю все варианты, затем голосование.

— Ску-у-чно, — протянул Артём, не отрываясь от своего телефона. — Давайте уже что-нибудь дельное. Типа... пародии на вожатых.

Елена оживилась:

— О, да! Можно изобразить Светлану Петровну, как она мегафоном орёт!

— Или нашего вожатого с косичкой, — подхватила Лейла, — который всё время говорит «ребята, это же крутяк!».

Некоторых это даже развеселило. Но Андрей покачал головой.

— Рискованно. Могут обидеться. Нужно что-то нейтральное, но запоминающееся.

— Песню! — выпалил Макс. — Какую-нибудь известную, переделать слова под лагерь.

— Уже было миллион раз, — вздохнула Соня.

— Танец? — неуверенно предложила одна из девочек из соседней комнаты.

— А если кто-то не умеет? — тут же парировал другой парень.

Предложения сыпались, но каждое тут же разбивалось о чьё-то «не хочу» или «это глупо». Начинаясь обычная для таких собраний канитель. Эля молчала, наблюдая, как Артём постепенно отрывается от телефона. Его взгляд блуждал по собравшимся, и в глазах зрела знакомая искра.

— Значит так, — вдруг чётко сказал Артём, перебивая чей-то спор о пантомиме. — Все варианты — бред. Песни — для детсада, танцы — для амбициозных, пародии — для самоубийц. Давайте сделаем что-то живое. Сценку.

Все замолчали, смотря на него.

— Какую? — спросил Андрей, карандаш наготове.

— Из жизни, — Артём ухмыльнулся. — Например... как группа самых разных людей пытается придумать эту самую «визитку». Мета-сценка. Прямо как мы сейчас. Только смешнее.

Идея висела в воздухе. Она была... неожиданной.

— То есть, мы играем самих себя? — уточнила Елена.

— Ну, типа, — Артём вышел на импровизированную «сцену» перед крыльцом. — Вот я — скучающий хулиган, который только и делает, что всех критикует. — Он изобразил преувеличенно-скептическую мину. — Вот Ирен — светская львица, которой всё не нравится. — Ирен насупилась, но промолчала. — Вот Андрей — уважаемый председатель нашей гоп-стоп компашки. — Андрей не изменился в лице. — А вот Эля... — он сделал паузу, его взгляд упал на неё, — ...наш «творческий мотор», который пытается всех примирить и что-то придумать, а её не слушают.

Эля почувствовала, как на неё снова обращают внимание. Сценарий, где она была центром, заставил её напрячься.

— И что в итоге? — спросил Кирилл.

— А в итоге, — Артём развёл руками, — после всех споров и неразберихи, мы все внезапно хором говорим какую-нибудь простую и дурацкую фразу. Типа «Корпус «А» — ваша печаль!» или что-то в этом духе. И кланяемся. Весь юмор в том, что мы показываем наш бардак, но в конце концов — мы одна команда. Ну, типа этого.

Предложение повисло. Оно было странным, но в нём был и смысл. Это было про них. Это было легко. И в этом был Артём, который неожиданно предложил не саморазрушительный, а почти что... сплывающий вариант.

— Логично, — после паузы произнёс Андрей, делая запись. — Минимум реквизита, максимум узнаваемости. Каждый играет утрированную версию себя. Безопасно и соответствует задаче.

— То есть, я должна буду изображать саму себя? — скептически спросила Ирен.

— А что, сложно? — парировал Артём. — Тебе же это и в жизни удаётся замечательно.

Ирен бросила на него колкий взгляд, но промолчала. Она, кажется, не могла решить, что её больше бесит: сама идея или то, что её предложил Артём, разместив в центре этого пирога Эльвиру Струнбрич.

— А кто что говорит? — спросила Лейла.

— Импровизация в рамках образа, — пожал плечами Артём. — Главное — сохранять типажи. Я ною, Ирен брезгливо морщится, Андрей всё систематизирует, Эля пытается всех направить в конструктивное русло, а вы все, — он обвёл взглядом остальных, — массовка, которая поддерживает то одного, то другого.

Он посмотрел на Элю.

— Ну что, «творческий мотор», справишься? Или тебе не нравится?

Эля чувствовала взгляд Андрея. Он наблюдал, анализировал.

— ...Ладно, — сказала она. — Если все согласны.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Кирилл, — Всегда рады любой движухе. Значит, репетируем!

— Репетиция через сорок минут, после ужина, здесь же, — объявил Андрей, закрывая блокнот. — У всех будет время подумать над своими репликами. И, пожалуйста, — он бросил взгляд на Артёма, — без излишней... экзальтации. Мы представляем корпус, а не цирк.

— Естественно, — с фальшивой почтительностью ответил Артём.

Собрание распалось. Ирен, проходя мимо Эли, бросила сквозь зубы:

— «Творческий мотор». Ну да, конечно. Только мотор-то, я смотрю, на чужом топливе работает.

Эля предпочла не отвечать. Она смотрела, как Артём, обсуждая что-то с друзьями, удаляется к корпусу. Его идея была умнее, чем можно было ожидать. Она ставила их всех в равные условия, но при этом выдвигала её и его на первый план — как два полюса, вокруг которых всё крутится. Он не стал давить или унижать. Он предложил игру. Но в каждой игре Артёма всегда была ловушка. Вопрос был лишь в том, где она спрятана.

Андрей, поравнявшись с ней, тихо сказал:

— Интересный тактический ход. Сделать слабость — силой. Показать разброд, но преподнести его как изюминку.

— Ты это... одобряешь? — удивилась Эля.

— Я констатирую, — он пожал плечами. — Это эффективно. И, что важно, — он посмотрел на неё, — он не стал противопоставлять тебя всем. Он вписал тебя в общую схему. Это... разумно.

С этими словами он пошёл внутрь. Эля осталась на крыльце, глядя, как солнце окончательно прячется за соснами. Тактика. Игра. Разумность. Казалось, все вокруг играли в шахматы, пока она одна пыталась просто не упасть с доски. И с каждым ходом доска становилась всё уже, а фигур вокруг — всё больше.

Ужин в столовой прошёл шумно. За столиками кипели свои микрособытия. Эля сидела с Еленой и Лейлой, стараясь не смотреть в сторону Артёма, который устроился с Кириллом и Максом и продолжал что-то оживлённо жестикулировать — видимо, развивая свою режиссёрскую идею. Ирен с Соней хихикали в стороне, но их взгляды то и дело скользили по залу, словно выискивая новые мишени для обсуждения.

Андрей сидел за отдельным столиком с другими «старшими» из разных корпусов, погружённый в разговор с вожатым. Он изредка бросал взгляд на их часть зала, но его выражение лица ничего не выдавало.

После ужина, когда сумерки окончательно сгустились, а на небе зажглись первые крупные звёзды, корпус «А» собрался на крыльце на репетицию. Вожатые включили фонари, висящие на стене, бросив жёлтые пятна света на асфальтовую площадку перед крыльцом. Было прохладно, и многие из ребят накинули кофты.

— Итак, гении, — начал Артём, расхаживая перед «сценой». — Суть проста. Мы все стоим тут вразнобой. Я начинаю. Говорю что-то вроде: «Ну и зачем мы тут собрались, скучота смертная». Ирен, ты тут же подхватываешь: «Абсолютно согласна, мне бы лучше ногти пилить». Поняли? Преувеличиваем свои черты.

Он распределял роли быстро, уверенно, будто держал весь сценарий в голове. Кириллу и Максиму досталась роль «стаи», которая просто повторяет за Артёмом на разные лады. Лейле —

роль тихой девочки, которая всё время пытается всех помирить разумными предложениями, но её никто не слышит. Елене — роль подруги, которая мечется между поддержкой Эли и желанием присоединиться к «критикам».

— Эля, — Артём остановился перед ней. — Твоя задача — пытаться всех организовать. Говоришь что-то вроде: «Ребята, давайте сосредоточимся!», «Может, всё-таки попробуем?». Ты — голос разума, который тонет в этом хаосе. Но в итоге, после того как все переругаются, ты сдаёшься и говоришь что-то вроде: «Ладно, давайте просто скажем что-нибудь дурацкое и разойдёмся». И тут все дружно, как по команде, выпаливаем нашу финальную фразу.

— А какая фраза? — спросила одна из девочек.

— Придумаем в процессе, — махнул рукой Артём. — Что-нибудь короткое и бодрое. «Корпус А — чемпион!» или «Нас не догонят!». Не важно. Важна энергия.

Андрей стоял в стороне, прислонившись к косяку двери, с блокнотом в руках. Он не вмешивался, только изредка делал пометки.

— Начинаем с начала, — скомандовал Артём. — Становимся как попало. Эля, ты в центре.

Первая попытка была полной неразберихой. Все перебивали друг друга, смеялись, забывали реплики. Ирен с нарочной брезгливостью произносила свои фразы, глядя на ногти. Кирилл и Макс переигрывали, изображая туповатых головорезов. Елена путалась, кого ей поддерживать.

— Стоп! — Артём хлопнул в ладоши. — Кирилл, Макс, вы не гориллы в зоопарке, чуть сдержаннее. Ирен, брезгливость — да, но без вот этого вот... «я всех вас ненавижу». Эля, говори громче, уверенней! Ты же нас ведёшь в светлое будущее, а не на исповедь, в церковь!

Стоять в центре, под пристальными взглядами, и произносить наигранно-оптимистичные фразы было мучительно. Особенно когда она видела, как Артём наблюдает за ней — не как режиссёр, а с каким-то оценивающим, изучающим взглядом.

— Давай ещё раз, — сказал он, и в его голосе не было насмешки. Было требование. — С самого начала. И помните — это же про нас. Вкладывайте в это хоть каплю правды.

Вторая попытка пошла лучше. Реплики стали чёткими, появился ритм. Эля, взяв себя в руки, произнесла свои строки с вызовом, глядя прямо на Артёма, как будто и вправду пыталась его переубедить. Он в ответ ухмылялся и парировал с таким естественным сарказмом, что это даже перестало казаться игрой.

— Неплохо, — пробурчал он, когда они дошли до финальной части. — Теперь финальную фразу. Давайте что-нибудь... неожиданное. Не «чемпион», это банально. Что-нибудь из нашего быта.

— «Корпус А — отбой в 23:00!» — предложил Кирилл.

Все засмеялись.

— Слышь, начальство обидится, — покачал головой Макс.

— «Корпус А — все дома!» — крикнула Елена.

— Бред, — отрезала Ирен.

Артём задумался, его взгляд скользнул по крыльцу, по тёмным окнам корпуса, по силуэту Андрея в дверях.

— Я знаю, — сказал он медленно. — «Корпус А — граница на замке».

Фраза повисла в ночном воздухе. Она была странной. Не весёлой, не бодрой. В ней был какой-то... оттенок. Как будто он говорил не про дверь корпуса.

— Почему именно это? — тихо спросила Лейла.

— Потому что мы крайний корпус, — пожал плечами Артём, но его глаза блеснули в свете фонаря. — Мы на границе. Между лагерем и лесом. Так и скажем. Будет... с намёком.

Все переглянулись. Фраза была нестандартной, в ней присутствовала своя изюминка, своя мрачноватая крутость.

— Мне нравится, — неожиданно сказал Андрей со своего места. Он не смотрел ни на кого, поправляя очки. — Коротко, ёмко, соответствует нашему расположению. И не противоречит правилам.

Его одобрение, высказанное таким сухим, бюрократическим тоном, словно поставило точку. Фраза была принята.

— Отлично, — Артём выглядел довольным. — Тогда последний прогон. От начала до конца, с финальным криком. И чтобы все, включая массовку, кричали хором. Понятно?

Последняя репетиция прошла на удивление слаженно. Даже Ирен, скривив губы, выкрикнула финальную фразу вместе со всеми. Когда они хором прокричали «Корпус А — граница на замке!», эхо прокатилось по спящему лагерю и утонуло в тёмной стене леса.

Артём хлопнул в ладоши.

— Всё, свободны. Завтра вечером — выход. Не подведите.

Ребята стали расходиться, обсуждая репетицию. Эля собиралась уходить с Еленой, когда Артём окликнул её:

— Струнбрич, остановись.

Она обернулась. Он подошёл близко, так, что другие не слышали.

— Неплохо, — сказал он без ухмылки. Голос был низким, почти серьёзным. — На сцене держись прекрасно. Я думал, будешь мямлить передо мной. Ты же только безмолвные выкидоны умеешь крутить.

— Спасибо за лестную оценку, — съязвила Эля.

— Не за что, — он не обратил внимания на её тон. — Завтра главное — не тупить. И смотри... — он на секунду замолчал, его взгляд стал пристальным. — На сцене будь собой. Той, которая сегодня кричала, чтобы все замолчали. Она... подходит.

Он не стал ничего объяснять. Кивнул и пошёл в корпус, оставив Элю в полном недоумении.

Андрей, проходя мимо, остановился.

— Фраза про границу, — произнёс он задумчиво. — Интересный выбор. Почти... пророческий.

Он посмотрел на тёмный лес, затем на Элю.

— Иди спать. Завтра большой день. И помни, — он понизил голос, — какими бы ни были игры на сцене, настоящая граница проходит не там. Она здесь. — Он слегка ткнул пальцем себе в висок. — И её нужно охранять куда тщательнее, чем любую дверь.

С этими словами он исчез в темноте корпуса. Эля осталась стоять одна под звёздами, с чувством, что её только что посвятили в правила игры, смысла которых она по-прежнему не понимала. «Граница на замке». А где-то в темноте, за спиной, лес молчал, храня свои секреты.

Глава 8

Утро перед выступлением было странно спокойным. Солнце светило, птицы пели, и лагерь жил своей размеренной курортной жизнью. Но в корпусе «А» витало напряжённое ожидание. За завтраком все перешёптывались, обсуждая вечернее выступление.

Ирен, сидя за соседним столиком с Соней, громко заявила:

— Ну, надеюсь, сегодня наш «творческий мотор» не заглохнет по середине сцены. А то вчера на репетиции еле слова давила.

— Не переживай, — парировала Елена, не глядя на неё. — Главное, чтобы у некоторых «голос разума» не сорвался на визг.

Ирен только презрительно фыркать не забывала.

Артём сидел со своими друзьями, но был непривычно молчалив. Он разглядывал ложку, словно в ней было что-то невероятно интересное, а его взгляд время от времени скользил по залу, выхватывая то Элю, то Андрея. Андрей, как всегда, завтракал в одиночестве, погружённый в какую-то книгу, но Эля заметила, что он ни разу не перевернул страницу.

После завтрака Светлана Петровна объявила, что день будет свободным, чтобы отряды могли завершить подготовку. Ребята из корпуса «А» разбрелись кто куда. Кирилл и Макс рванули играть в футбол. Лейла ушла читать в комнату. Елена пыталась затащить Элю к озеру — «развеемся», но та отказалась. Ей нужно было побыть одной.

Она вышла на заднее крыльцо корпуса, туда, где начиналась та самая «экотропа» с запрещающим знаком. Утро полностью рассеяло ночные страхи. Тропинка, освещённая солнцем, казалась вполне безобидной и даже манящей. Воздух пах хвоей и влажной землёй. Эля присела на ступеньку, закрыла глаза и попыталась представить вечернее выступление. Крики, свет софитов, все эти лица... И Артём напротив, с его саркастичными репликами. «Будь собой», — сказал он. Какой?

— Искала уединения? — раздался спокойный голос.

Эля вздрогнула и открыла глаза. Андрей стоял рядом, держа в руках две пластиковые кружки с чем-то дымящимся.

— Чай, — пояснил он, протягивая одну. — Из термоса. Тут, в корпусе нашёл, кипяток налили в столовой.

Эля молча взяла кружку. Чай был крепким, сладким и неожиданно вкусным.

— Спасибо.

— Не за что. Волнуешься?

— Немного, — призналась она.

— Напрасно, — он присел рядом, но на приличном расстоянии. — Сценка простая. Главное — не смотреть в зал. Смотри на нас, на «сцену». Мы — твой мир в эти пять минут. Остальное — шум.

— Легко сказать.

— Ты же не первый раз на сцене, — он отпил из своей кружки. — Я лично не люблю публичных выступлений. Но это — игра по правилам. Правила известны, противники — тоже. В таких условиях проще.

Он говорил так, будто обсуждал математическую теорему. Без эмоций, чистая логика.

— Ты считаешь Артёма противником? — спросила Эля.

Андрей задумался.

— Соперником. В этой конкретной игре. У него своя цель, у меня — своя. У тебя — своя. Пока цели пересекаются на этом «поле» — мы играем вместе.

— А какая у него цель? — не удержалась Эля.

Андрей посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то вроде... усталой грусти.

— Доказать, что он может. Всегда. Во всём. Даже в том, что якобы неважно. Особенно в том, что неважно.

Он замолчал, и они сидели в тишине, слушая шелест листьев. Потом Андрей вдруг сказал:

— Эта фраза... «Граница на замке». Она тебе ничего не напоминает?

Эля нахмурилась.

— Нет. А что?

— Про запрет. Артём, сам того не ведая, возможно, обозначил самое важное. Наш корпус — последний рубеж. За ним — лес. А лес... он не просто деревья, Эля. Он живой. И у него свои законы. И одна из границ — это наш корпус. Наша... ответственность.

Его слова звучали не как мистическая страшилка, а как научный факт. От этого становилось ещё более не по себе.

— Ты это серьёзно?

— Я серьёзен всегда, — он поставил пустую кружку на ступеньку. — Просто имей в виду. Сегодня вечером, когда мы будем кричать эту фразу... мы не просто для зала её кричим. Мы её... провозглашаем. И некоторые вещи слышат такие провозглашения. И принимают к сведению.

Он встал.

— Не бойся сцены. Бойся беспечности. И помни — граница на замке только тогда, когда её охраняют. — Он кивнул и ушёл обратно в корпус, оставив Элю с холодной кружкой в руках и новыми, леденящими душу мыслями.

Вечером, перед самым выступлением, в их гримёрке (обычной классной комнате, отведённой под подготовку) царил нервная суега. Все переодевались в обычную одежду, но как-то по-особенному — ярче, заметнее. Ирен придиралась к своей причёске. Елена пыталась успокоить всех. Кирилл и Макс дурачились, надевая кепки задом наперёд.

Артём стоял у окна, глядя на площадь, где собирался зрители. Он был сосредоточен и молчалив.

— Все готовы? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вроде да, — ответила Лейла.

— Тогда слушайте последний наказ, — он повернулся. Его лицо было серьёзным, без тени обычной насмешки. — Забудьте, что это шутка. Вложите в это всё. Все свои обиды, весь свой характер, всю свою силу. Чтобы поверили. Чтобы запомнили. И главное — финальную фразу. Кричите так, как будто от этого зависит ваша жизнь. Потому что... — он запнулся, словно поймав себя на чём-то. — Потому что так оно и есть. Мы представляем не просто отряд. Мы представляем границу. Так давайте покажем, что она — нерушима.

Все замолчали, поражённые его тоном. Даже Ирен перестала вертеться перед зеркалом. В его словах была странная, почти зловещая убеждённость.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл Андрей.

— Нас вызывают. Через пять минут выход.

Его взгляд встретился с взглядом Артёма. Между братьями пробежала молчаливая, напряжённая искра понимания. Казалось, они оба знали что-то, чего не знали остальные.

— Пошли, — просто сказал Артём.

Они выстроились в коридоре. Сердце Эли бешено колотилось. Она чувствовала, как дрожат руки. Впереди слышались аплодисменты и голос ведущего, объявляющего номер.

— Не бойся, — прошептал кто-то рядом. Он стоял сзади, и его дыхание коснулось её затылка. — Я здесь.

И в этот момент не было ни ревности, ни страха. Была лишь странная уверенность, что он, со своей холодной логикой и непонятными знаниями, — единственная надёжная точка в этом безумии. Эля обернулась посмотреть на стоящего за собой. Она и не боялась сцены, Эля боялась другого.

— Корпус «А», на выход! — прошептал вожатый, открывая дверь на сцену.

Яркий свет софитов ударил в глаза. Гул зала обрушился на них. Эля сделала шаг вперёд. Вслед за Артёмом, который шёл впереди с таким видом, будто владел этим пространством с рождения. Игра началась. Самый важный спектакль в её жизни. Спектакль, где шутка о границе могла оказаться страшной правдой, а зрителями были не только люди в зале.

Их выход стал оглушительным успехом. Публика — сотня с лишним таких же подростков — оценила точную, немного утрированную пародию на самих себя. Когда Кирилл, изображая «туповатого сторонника Артёма», нарочно потерял равновесие и с грохотом рухнул на пол, увлекая за собой вскрикнувшую Виолетту, в зале взорвался хохот. Это была незапланированная, но блестящая импровизация, добавившая сценке живости.

Ирен с её брезгливыми репликами и Артём с убийственным сарказмом были бесподобны. Эля, забыв о страхе, вложила в свою роль «творческого мотора» всю накопившуюся за последние дни досаду и упрямство. Она кричала на Артёма так убедительно, что некоторые в первых рядах даже притихли. А когда вся их разрозненная группа в финале, после слов Эли «Ладно! Давайте просто крикнем что-нибудь и уйдём!», взорвалась хором: **«КОРПУС А — ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ!»** — зал взревел от восторга и аплодисментов.

Отходя со сцены под оглушительные овации, Эля чувствовала прилив адреналина и странной радости. Они сделали это. И сделали круто.

После того как все отряды представили свои «визитки», ведущий объявил следующую часть: придумать название и кричалку-лозунг для своего временного отряда. На подготовку — пятнадцать минут.

Андрей собрал их всех в тесный круг в углу актового зала, за кулисами. Воздух был густ от пота, нервного возбуждения.

— Предлагайте варианты, быстро, — сказал он, доставая блокнот. Глаза его горели холодным, сосредоточенным огнём — они выиграли первый раунд, и он намеревался выиграть и этот.

Предложения посыпались градом: «Молния», «Тигры», «Альфа» — всё банальное и надоевшее.

— Скучно, — отрезал Артём. Его щёки горели от сцены, волосы были в беспорядке. — Мы же уже заявили о себе как неформалы. Давайте что-то... с подвохом.

— «Граница на замке» — уже есть, — заметила Лейла.

— Это лозунг, наш, — парировал Андрей. — Нужно слово или короткая фраза. И тут Ирен, всё ещё высоко державшая нос после успеха, сказала с язвительной усмешкой:

— Давайте «Нелегалы». Раз мы на границе.

Все засмеялись, но идея была слишком дерзкой даже для них.

И тут Елена, глядя на Кирилла, который всё ещё потирал ушибленный локоть, вдруг выпалила:

— А давайте «Косолапые»! В честь нашего самого грациозного участника!

Кирилл скорчил гримасу, но все снова захихикали. Идея была абсурдной, но... в духе их сегодняшнего безумия.

— И кричалка! — подхватил Макс, вдохновлённый. — «Косолапые вперёд, нас никто не обойдёт!» Или... «Косолапые — сила, с нами вы непобедимы...!»

Предложение повисло в воздухе. Оно было глупым, смешным и идеально отражало тот хаотичный, но неудержимый дух, который они только что продемонстрировали. Даже Андрей, подумав, медленно кивнул.

— Принимается. Это запомнят. И это не противоречит общим правилам, так как является метафорой... своеобразной сплочённости.

Так отряд корпуса «А» стал «Косолапыми». Когда ведущий вызывал их для объявления названия, и они хором, с дурацкой серьёзностью, прокричали свой лозунг, зал снова покотился со смеху. Это была победа. Чистая, безоговорочная победа дурачества и искренности над шаблонами.

Когда жюри объявило результаты, никто не удивился: **Первое место — отряд «Косолапые», корпус «А»!**

Их окружили, хлопали по плечам, кричали. Ирен впервые за день улыбнулась настоящей, не ехидной улыбкой. Кирилл и Макс ревели как тюлени. Артём стоял чуть в стороне, с

той же странной, задумчивой удовлетворённостью на лице. Андрей, получив из рук Светланы Петровны грамоту, кивнул сдержанно, но уголки его губ дрогнули.

А потом ведущий, улыбаясь, объявил:

— И, как полагается после таких трудов — награда! Сегодня после ужина — ОТБОЙ ОТМЕНЯЕТСЯ! Дискотека у костра на главной площади! Не проспите!

После ужина на площади зажгли огромный костёр. Звучала громкая музыка, мерцали гирлянды. Победа и ощущение всеобщего праздника сняли многие барьеры. Даже ребята из разных корпусов смешались, танцевали, дурачились.

Эля стояла с Еленой и Лейлой на краю танцпола, потягивая сладкий напиток из пластикового стаканчика. Она чувствовала приятную усталость и лёгкость. Может, всё и правда будет хорошо? Может, лагерь — это просто лагерь?

— Эля.

Она обернулась. Артём стоял перед ней. Он был без своей обычной нарочной небрежности. Выглядел серьёзным, почти сосредоточенным.

— Можно тебя на минуту?

Елена и Лейла переглянулись, но отошли, давая поговорить.

Артём провёл её чуть в сторону, к краю освещённой площади, где свет костра уже терялся в тени деревьев. Шум музыки здесь был приглушён.

— Что хотел? — спросила Эля.

— Ничего, — сказал он, глядя не на неё, а куда-то в темноту за её спиной. — Просто хотел сказать... сегодня ты была огонь. На сцене. Прямо... настоящая.

— Спасибо, — удивилась она. — Ты тоже.

Он кивнул, но, казалось, не слышал. Потом его взгляд резко вернулся к ней, стал острым, пронзительным.

— Я тогда, на собрании... про поцелуй. Я думал об этом. Как о финале сценки. Но не для смеха.

Эля замерла. Сердце ёкнуло.

— Артём...

— Я не знал, когда это сделать, — перебил он, и в его голосе зазвучала какая-то странная, сдавленная торопливость. — Сначала думал — на сцене. Потом — после победы. Но сейчас... сейчас, кажется, самое время.

Он не дал ей опомниться. Одной рукой он взял её за подбородок — нежно, но твёрдо, заставив посмотреть на себя. В его глазах плясали отблески костра и что-то ещё — решимость, давно зревшая и наконец прорвавшаяся.

— Потому что завтра всё может измениться. А сегодня мы — победители.

И он поцеловал её. Не как в той детской фантазии о сценке, а по-настоящему. Твёрдо, властно, без тени сомнения или игры. В этом поцелуе была вся его накопившаяся злость, ревность, недосказанность и это странное, необъяснимое влечение, которое он так яростно отрицал. Эля на мгновение остолбенела, затем инстинктивно ответила на поцелуй, захваченная врасплох и этой внезапной волной чувств, которых она так долго ждала от него.

Время будто остановилось. Потом он резко отпустил её, отступил на шаг. Дышал тяжело.

— Вот, — хрипло выдохнул он. — Теперь ты знаешь.

И прежде чем она успела что-то сказать — сказать, крикнуть, ударить, — он развернулся и растворился в толпе у костра, оставив её одну на краю света и тени, с губами, всё ещё помнящими вкус его поцелуя, и в уме, взорвались тысяча вопросов.

Из темноты, из-за ствола сосны, на неё упала тень. Эля вздрогнула и обернулась. Неподвижный как изваяние, стоял Андрей. Он смотрел на неё. Не на Артёма, скрывшегося в толпе. На неё. Его лицо в полумраке не выражало ничего. Ни злости, ни удивления. Оно было пустым. Холодным. Как маска. Но в его глазах, отражавших далёкий огонь костра, бушевала целая вселенная из тёмного, немного понимания. Он всё видел.

Он медленно повернулся и ушёл в сторону корпуса, не сказав ни слова. А Эля осталась стоять, разрываясь между жаром на губах и ледящим холодом того взгляда. Победа внезапно обрела вкус пепла и предчувствия. Самая важная граница — та, что внутри, — только что была грубо нарушена. И сохранить её теперь казалось невозможным.

После того, как Артём растворился в толпе, Эля не побежала в корпус. Вместо этого она нашла в толпе взволнованные глаза Елены и махнула ей рукой. Елена тут же протиснулась сквозь танцующих.

— Что случилось? Ты белая как полотно! Артём опять что-то выкинул?

— Лен, мне нужно поговорить. Сейчас же.

Они отошли подальше от грохочущих колонок, к самому краю освещённой площади, где свет костра уже боролся с наступающей лесной темнотой. Сели на старый пень. И Эля выпалила всё. Про поцелуй. Про странные, пугающие слова Артёма. Про своё смятение.

Елена слушала, широко раскрыв глаза, не перебивая. Когда Эля закончила, она долго молчала, а потом выдохнула:

— Ва-у. То есть... он реально так... внезапно? После всех этих игр и уколов?

— Да, — Эля сжала руки в кулаки, чувствуя, как дрожь наконец начинает отпускать. Говорить об этом вслух было как вскрывать нарыв — больно, но становилось легче.

— И что ты чувствуешь? — осторожно спросила Елена.

— Не знаю! — Эля провела руками по лицу. — С одной стороны... это же он. Артём. Тот, кого я... Ну, ты знаешь. С другой... это было так... будто он не целовал, а ставил печать. «Моё». И от этого стало страшно. И будто я ему что-то должна теперь.

— Нихрена ты ему не должна, — твёрдо сказала Елена. — Это он на тебя набросился без предупреждения. Это он годами делал вид, что ты пустое место, а теперь, когда рядом появился Андрей, вдруг вспомнил, что ты есть. Это чистой воды ревность и желание всё испортить брату.

— Ты думаешь?

— Я в этом уверена! — Лена ткнула пальцем в воздух. — Он же видел, как вы с Андреем общаетесь, как он к тебе ходит домой. Для такого самовлюблённого придурка, как Артём, это плевков в его сторону. «Как это что-то, что могло быть моим, теперь крутится вокруг моего брата-ботана?». И вот он, бац, решил застолбить территорию. Самый примитивный способ.

Эля слушала, и кусочки пазла в голове начинали складываться. Да, это было на него похоже. Внезапно, импульсивно, грубо и эгоистично. Не от любви, а от желания всё контролировать, даже то, что ему, вроде бы, было не нужно.

— А что с Андреем? — спросила Елена. — Он видел?

— Видел, — прошептала Эля. — Стоял и смотрел.

— О боже... И что?

— Ничего. Просто смотрел. И ушёл. Это было... страшнее, чем если бы он устроил сцену. Лена поморщилась.

— Да, с Андреем это хуже. Он ничего просто так не делает. Он всё в своей голове пере-молотит, разложит по полочкам и вынесет вердикт. И этот вердикт будет тебе потом выдан, по ходу, когда ты меньше всего его ждёшь.

Они замолчали, глядя на огонь.

— Знаешь что, — вдруг решительно сказала Эля. — Хватит. Хватит с меня этих игр, этих выборов, этих взглядов. Я не игрушка, которую они могут перекидывать друг другу.

— Ура! Принцесса прозрела. — тихо воскликнула Елена. — Проснулась наконец-то!

— И первым делом, — Эля встала, — я устала от ядовитых комментариев одной особы. Как будто по сценарию, в этот момент мимо них, под руку с Соней, проходила Ирен. Увидев Элю, она замедлила шаг и сладко улыбнулась:

— О, а наши звёздочки тут о чём шепчутся? Может, о внезапных... вспышках чувств?

— Ирен, — сказала она спокойно, глядя ей прямо в глаза. — Если тебе так интересна моя личная жизнь, может, стоит завести свою? А то как-то грустно наблюдать, как ты пялишься в чужие, когда своя, видимо, пустует. Артём, кстати, только что ушёл... от меня. Может, дого-нишь, поговоришь? Раз уж тебя так всё волнует.

Ирен остолбенела. Её улыбка сползла с лица, как маска. Она явно не ожидала такого прямого и ядовитого ответа.

— Ты... ты не представляешь, о чём говоришь, — процедила она сквозь зубы.

— О, представляю, — парировала Эля. — Представляю даже слишком хорошо. Поэтому советую тебе занять свою территорию, а не рыскать по чужим. Это, между прочим, признак слабости.

Не дожидаясь ответа, Эля развернулась и пошла прочь. Елена, догнав её, хихикнула:

— Боже, я никогда не видела, чтобы у Ирен такое лицо было! Она сейчас лопнет от злости! Это было унижительно и гениально!

— Ну не зря я принцесса.

Они медленно пошли по тропинке к корпусу. Шум дискотеки остался позади. Впереди был тёмный, молчаливый корпус «А». И комната №4 на первом этаже.

— Что будешь делать с Андреем? — спросила Елена уже серьёзно.

— Ничего, — сказала Эля. — Мне нечего ему объяснять. Он не мой парень и не мой хранитель. И он не будет ставить меня перед каким-то выбором. Это моя жизнь.

Подойдя к крыльцу, она остановилась. Нашупала в кармане джинсов деревянную пуговицу. «НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС». Символ всех этих страхов, предупреждений, этой давящей тайны, которую ей пытались навязать. Она вытащила её и посмотрела на кривые буквы при свете фонаря. А потом, размахнувшись, швырнула её что есть силы в сторону леса, в ту самую тёмную полосу за запрещающим знаком. Пуговица бесшумно исчезла в черноте.

— Зачем? — удивилась Елена.

— Потому что я не собираюсь жить в страхе от какой-то дурацкой безделушки, — твёрдо сказала Эля. — И не собираюсь слушать ничьих страшилок. Лагерь — это лагерь. Лес — это лес. А я — это я. И свои решения я буду принимать сама.

Они зашли в корпус. В холле было тихо. Дверь комнаты Андрея была закрыта. Ни звука. Эля поднялась на второй этаж, чувствуя необычайную лёгкость. Она сбросила с себя груз чужих ожиданий, чужих игр, чужих предупреждений.

Лёжа в кровати, уже почти засыпая, она слышала, как Елена ворочается на соседней кровати.

— Эль?

— М... ?

— А всё-таки... что насчёт Артёма? Что ты ему скажешь завтра?

Эля улыбнулась в темноте.

— Завтра будет видно.

Она закрыла глаза. Впервые за долгое время сон достигал её быстро и без кошмаров. Снаружи, из глубины леса, куда улетела пуговица, донёлся лёгкий, почти невесомый шелест, будто что-то подняло её с земли и унесло с собой. Но Эля этого уже не слышала. Она спала. Крепко и спокойно. Готовясь встретить новый день, в котором она наконец-то стала главной героиней своей собственной истории, а не пешкой в чужой игре.

Интерлюдия: Мысли Артёма после поцелуя

Вкус её губ всё ещё стоял во рту — сладкий от детского шампанского, которым угощали победителей. Артём нёсся сквозь толпу у костра, расталкивая локтями танцующих, но не видел никого. В груди горело, разрывая лёгкие на части. Он остановился только за штабным домиком, в полной темноте, упёрся лбом в холодное бревно и зарычал от бессилия.

«Идиот. Чёртов идиот. Что я сделал? Что я наделал?»

Почему не раньше? Почему не тогда, когда она смотрела на него на школьном дворе с этой своей гордой, недоступной улыбкой, а он проходил мимо с друзьями и делал вид, что она пустое место? Почему не тогда, когда она смеялась над его дурацкими шутками в компании, а он отворачивался, чтобы не выдать себя? Почему сейчас — на глазах у всех, на глазах у брата, подлым, вороватым поцелуем, который ничего не меняет?

Потому что он — трус.

Мысль ударила его под дых, как его собственный кулак, который он так любил пускать в ход. Он привык думать о себе как о смелом, дерзком, том, кто не боится ни драк, ни начальства, ни последствий. Но перед ней... перед ней он всегда был трусом. Тряпкой.

Сколько раз он репетировал этот разговор? Лёжа в своей кровати, глядя в потолок и слушая, как Андрей за стеной шелестит страницами своих дурацких книжек. Он представлял, как подходит к ней после уроков, берёт за руку и говорит: «Слушай, Эль, а пошли куда-нибудь? В кино, в парк, просто так...» И каждый раз внутренний голос, трусливый и мерзкий, нашёптывал: «А если она пошлёт тебя? Засмеёт при всех? Скажет, что с такими, как ты, не дружат?»

И он не шёл. Он отталкивал её ещё сильнее, огрызался, проходил мимо, делал вид, что она для него — пустое место. Чтобы она не догадалась. Чтобы никто не догадался, что этот дерзкий хулиган, Артём, на самом деле сохнет по принцессе из Роксель-Парка. Что он боится её больше, чем любой драки.

«Герой, блин».

Он ударил кулаком по бревну так, что содрал кожу на костяшках, и даже не почувствовал боли. Тело словно онемело, вся боль была внутри. Он вспомнил её лицо в тот момент, когда его губы коснулись её. Удивление. Да, сначала было удивление. А потом... потом она ответила. На секунду, на одно бесконечное мгновение, она ответила. И в этом ответе не было игры, не было желания досадить Андрею. Было что-то настоящее, отчаянное, то, что он так долго хотел увидеть.

А что теперь? Теперь он — тот, кто набросился на неё, как зверь, урвав момент. А она — та, кого он целовал, как последний раз в жизни. И всё это видел Андрей. И она теперь, наверное, думает, что он просто хотел утереть нос брату, пометить территорию.

«Она так и думает, — понял он с внезапной, леденящей ясностью. — Она думает, что я такой же, как все. Что я просто захотел то, что принадлежит другому. Что я не умею по-другому».

Он сполз по стене на корточки, спрятал лицо в ладони. Горло сдавило спазмом, которого он не позволял себе с самого детства. Ему было плевать, что кто-то мог увидеть его таким. Потому что впервые в жизни он не знал, что делать дальше. Сказать ей всё? Рассказать про годы этой дурацкой, тайной, съедающей изнутри любви? Признаться, что он был просто напуганным мальчишкой? После того, как он это сделал, это будет выглядеть как жалкое оправдание.

«Андрей. — Имя брата вспыхнуло в мозгу раскалённым клеймом. — Он видел. Он теперь будет знать. И будет использовать это. Он всегда использует всё».

Но странное дело — в этой мысли не было привычной ярости к брату. Была тупая, гнетущая усталость. Андрей, с его мозгами, наверняка уже всё просчитал. Наверняка уже понял,

что это был не просто порыв. И будет давить. Только вот давить не на него, а на неё. Чтобы она сделала выбор. Чтобы загнать её в угол своей холодной логикой и своей... своей преданностью.

А он, Артём, чем ей поможет? Что он может дать, кроме своей злости и вечных проблем?

Из-за угла донеслись обрывки музыки и смех. Праздник жизни, который шёл без него. Он поднялся на ноги, чувствуя себя столетним стариком. Ладонь саднила, но он сжал её в кулак, позволяя боли отвлечь от того, что творилось внутри.

«Ты не заслужил её, — сказал он себе, глядя в пустоту перед собой. — Ты столько лет врал, притворялся, отталкивал. А теперь поздно. Теперь она сама выберет. И выбор этот будет не в твою пользу».

Он сделал шаг обратно к свету, к людям, к фальшивому веселью. Лицо его снова стало непроницаемой маской. Но внутри, под этой маской, впервые поселилась не злость, а холодная, тянущая пустота. Потому что он наконец-то понял: иногда самый большой страх — это не страх получить отказ. Это страх узнать, что ты сам всё испортил задолго до того, как решился признаться. И что этот приговор — окончательный и обжалованию не подлежит.

Глава 9

Артём так и не вернулся в корпус.

На рассвете, когда первые птицы только начали перекликаться, Эля услышала скрип входной двери внизу. Она подкралась к окну своей комнаты на втором этаже. В предрассветной сизой мгле она увидела, как из корпуса выходит Андрей. Он был одет в тёмные штаны и кофту. Он целенаправленно двинулся по тропинке, ведущей в лес, к тому самому запретному знаку «Экотропа».

Сердце Эли заколотилось. Она накинула первую попавшуюся кофту и, стараясь не скрипеть половицами, выскользнула из комнаты и спустилась вниз. Холл был пуст. Она вышла на улицу. Холодный утренний воздух обжёг лёгкие. Андрей уже скрылся за первым поворотом тропы. Эля, забыв про страх, побежала за ним.

Она шла не по тропе, а чуть в стороне, пробираясь между стволами, стараясь не шуметь. Лес в это время был странно безмолвен, будто затаив дыхание. Она шла минут десять, уже начала думать, что потеряла его, как вдруг услышала голоса. Глухие, прерывистые. Она пригнулась за толстый пень и заглянула в небольшую, скрытую от основной тропы ложбинку.

Там стояли Артём и Андрей.

Артём выглядел ужасно. Глаза красные, лицо осунувшееся, одежда в грязи и хвое. Кажется, он провёл в лесу всю ночь, слоняясь без цели.

— Где ты был? — спросил Андрей. Его голос был ровным, но в нём звучала сталь.

— Гулял, — хрипло ответил Артём. — Осваивал территорию. Твою территорию, что ли?

— Ты нарушил правило, — сказал Андрей, делая шаг вперёд. — И не только лагерное.

— Какое ещё правило, заучка? — Артём горько усмехнулся. — Правило, что Эльвира — твоя собственность? Твой маленький проект?

— Она под моей защитой, — холодно поправил Андрей. — А ты вчера нарушил границу. Не только физическую, зайдя в лес после отбоя. Ты нарушил договорённость. Ты внёс хаос.

— Договорённость? — Артём захохотал, и в смехе его слышались слова ярости и отчаяния. — Какую ещё договорённость? Ты что, с ней контракт подписал? Она живой человек, а не твоя библиотечная книга! И если она с кем-то целуется, то это её дело! Понимаешь? ЕЁ!

— Её наивность — её слабость, — невозмутимо продолжил Андрей. — А твоя импульсивность — твоя гибель. Ты думал, что этот... жест, что-то докажет? Это лишь подтвердило, что ты не способен мыслить стратегически. Ты действуешь, как животное, повинуясь сиюминутным порывам. А в этой игре так не выживают.

— Какая игра?! — взорвался Артём. — Ты о чём, вообще? О какой игре ты вечно говоришь?! Мы в лагере, блин! Не в твоих дурацких шахматах!

— Всё — игра, — тихо сказал Андрей. И в его тишине было больше угрозы, чем в крике брата. — Лагерь, лес, люди, чувства — всё поля и фигуры. И ты вчера сделал глупый, эмоциональный ход. И за это придётся ответить.

Артём, не выдержав, рванулся вперёд и с размаху толкнул Андрея в грудь.

— Отстань от меня со своей игрой! И от неё отстань!

Андрей отшатнулся, но не упал. На его лице впервые появилась эмоция — холодное, безжалостное раздражение.

— Физическое насилие. Примитивно. Ожидаемо от тебя.

Артём, ослеплённый яростью, бросился на него с кулаками. И тут произошло то, чего Эля не ожидала. Андрей не стал уворачиваться или драться в ответ как уличный боец. Его движения были резкими, точными, лишёнными лишней энергии. Поймал занесённую руку Артёма, резко вывернул её, заставив того вскрикнуть от боли, и толчком отбросил его на землю. Артём грузно рухнул на ковёр из прошлогодней хвои.

Он попытался подняться, но Андрей был уже над ним, прижимая коленом к земле.

— Видишь? — спокойно произнёс Андрей, даже не запыхавшись. — Твоя сила — грубая, неуправляемая. Моя — точная. Основанная на знании. Ты проиграл ещё до того, как начал.

— Отпусти! — хрипел Артём, пытаясь вырваться.

— Я отпущу, — сказал Андрей. — Но сначала ты услышишь. Лес уже слышит. Он знает тебя теперь. Знает твой гнев, твою боль, твою слабость. И он всё помнит. Если ты ещё раз переступишь черту — не я буду тебя наказывать. Он. И его наказание будет куда страшнее.

Он с силой надавил коленом, заставив Артёма задохнуться, а потом резко отпустил и встал. Артём лежал, судорожно хватая ртом воздух, не в силах подняться. Не столько от боли, сколько от унижения и леденящего ужаса, который посеяли в нём слова брата.

— Возвращайся в лагерь, — сказал Андрей, отряхивая руки, будто стряхивая пыль. — Скажешь, что заблудился. Если запомнил дорогу. А если попробуешь рассказать про нашу беседу... ну, ты понял. Лес — ненадёжный свидетель. А твоё состояние спишут на испуг и дезориентацию.

Он развернулся и пошёл обратно к тропе. Пройдя мимо пня, за которым пряталась Эля, он на секунду остановился. Не глядя в её сторону, он произнёс так тихо, что она едва расслышала:

— Урок для двоих. Надеюсь, усвоен.

И скрылся среди деревьев.

Эля, окоченев от ужаса, смотрела, как Артём, рыча от боли и ярости, медленно поднимается на колени. Его лицо было искажено не только болью, но и чем-то сломанным внутри. Он что-то бормотал себе под нос, глядя в землю. Потом поднял голову и уставился в ту сторону, куда ушёл Андрей. В его взгляде не было прежнего вызова. Был животный, первобытный страх. И ненависть. Глубокая, бессильная ненависть.

Он не пошёл по тропе. Он пополз, а потом, спотыкаясь, побрёл глубже в лес, в противоположную сторону, будто пытаясь убежать от самого себя, от брата, от всего, что произошло.

Эля сидела за пнём, не в силах пошевелиться, пока холод не начал проникать до костей. Она только что увидела не драку. Она увидела демонстрацию силы. Холодной, расчётливой, нечеловеческой. И поняла, что выброшенная пуговица и её вчерашнее решение быть независимой ничего не значили. Настоящие правила диктовал тот, кто знал лес и не боялся использовать его как оружие. И нарушение этих правил каралось не насмешкой или обидой.

Она тихо выбралась из своего укрытия и побежала обратно к лагерю, чувствуя, как ледяной ужас плетётся за ней по пятам, цепляется за одежду, шепчет на ухо голосом шелестящих листьев: «Усвоила урок? Усвоила?»

Корпус «А» был ещё пуст. Она влетела в свою комнату, заперла дверь и прислонилась к ней, пытаясь перевести дыхание. В окно било утро. Яркое, солнечное, лживое. В этом свете всё увиденное казалось кошмарным сном. Но царапины на её руках от веток и холод, намертво впившийся в сердце, говорили об обратном.

Артёма нашли позже. Спустя несколько часов. Спутанного, в разодранной одежде, с пустым, невидящим взглядом. И когда его увозили в больницу, Эля стояла в толпе и видела, как Андрей наблюдает за этим с крыльца корпуса. Его лицо было спокойным. Будто он просто наблюдал за логичным завершением эксперимента.

Он встретился с её взглядом и едва заметно кивнул. Не со злорадством. С удовлетворением учёного, чья гипотеза блестяще подтвердилась. Урок, действительно, был для двоих. И Эля поняла его суть слишком хорошо: в игре, которую затеял Андрей, неповиновение было смертельно опасно.

Глава 10

Артём вернулся в лагерь быстрее, чем кто-либо ожидал. Уже к вечеру следующего дня его привезли обратно на попутной машине лесников. Он был *злой*. Злость исходила от него волнами, плотными и едкими, как дым после пожара.

Медик в лагерном медпункте, осмотрев его, лишь развёл руками. Ссадины, пара синяков от падений, переохлаждение лёгкой степени — типичные последствия ночи, проведённой в лесу без подготовки. Психиатр из райцентра, выслушал историю о «заблудившемся подростке» и порекомендовал наблюдение, но не увидел причин для госпитализации. «Острая реакция на стресс, — сказали они. — Пусть отдохнёт в привычной среде».

Его вернули в корпус «А». И с этой минуты тишина в нём стала иного качества. Раньше это было затишье от страха и непонимания. Теперь это была тишина перед бурей, натянутая, как струна.

Артём смотрел *сквозь* людей, особенно сквозь Андрея. Его глаза были узкими щелями, из которых лился концентрированный яд ненависти, замешанной на унижении и животном страхе, который он яростно пытался подавить. Он не лежал пластом. Он двигался резко, отрывисто, будто его тело было переполнено невыплеснутой энергией удара, который он так и не смог нанести.

Ирен, увидев его, попыталась подойти со своим обычным ехидством:

— Ну что, путешественник, нагулялся? Лесные духи нам привет передавали?

Артём медленно повернул к ней голову. Он ничего не сказал. Просто посмотрел. И этого взгляда хватило, чтобы Ирен отшатнулась и замолчала, побледнев. В нём не было угрозы именно ей. В нём было обещание тотального разрушения всему, что встанет на пути. И она инстинктивно поняла, что сейчас лучше не нарываться на разгневанного Артёма.

Андрей встретил возвращение брата со своей обычной ледяной невозмутимостью. Он был в холле, когда Артёма провожали в комнату.

— Рад, что ты вернулся, — сказал он ровным голосом, будто комментируя погоду. — Правила корпуса, напомню, в силе. И расписание.

Артём остановился перед ним. Они стояли так близко, что, казалось, воздух между ними трещал от статики.

— Ты... — голос Артёма был низким, хриплым от холода и немой ярости. — Ты запла-тишь. За всё. Ты понял меня? Ты не уйдёшь отсюда таким же.

— Угрозы — признак слабости, Артём, спокойнее надо быть, — ответил Андрей. — Не нарушай правила. Советую отдохнуть. Ты не в форме.

Он развернулся и ушёл в сторону кухни, оставив Артёма стоять посреди холла с сжатыми кулаками, дрожащими от бессильной злобы. Все присутствующие замерли, чувствуя, как напряжение сгущается до физически осязаемого.

Эля наблюдала за этой сценой со второго этажа, опершись о перила. Она видела не двух братьев, ссорящихся из-за нелепой обиды. Она видела двух противников на войне, правила которой знал только один. И этот один только что продемонстрировал, что даже открытая ярость и угрозы не могут его поколебать. Он был за своей броней логики, расчёта и чего-то

ещё, чему она не могла дать имени. А Артём оставался снаружи — раненый, злой, опасный, но предсказуемый и, увы, проигрывающий.

Вечером того же дня, когда все разошлись по комнатам, Эля спустилась вниз за водой. В полумраке холла, у большого окна, она увидела Артёма. Он стоял, прижав лоб к холодному стеклу, и смотрел в чёрный квадрат ночного леса. Его плечи были напряжены, спина — прямая, как струна.

— Артём, — тихо позвала она.

Он не обернулся.

— Он говорил правду, — прошептал Артём, и его голос звучал глухо, будто из глубины колодца. — Про лес. Там... там не просто темно. Там *слушают*. И всё слышат.

Он наконец повернулся к ней. В тусклом свете дежурного фонаря его лицо выглядело измождённым.

— И он с ними на «ты». Понимаешь? Он не просто заучка. Он... не знай кто, связанный с этим лесом. Для чего-то. И ты теперь в центре этого. Из-за тебя всё.

«Из-за тебя». Слова прозвучали как обвинение, но в них не было злобы к ней. Была констатация страшного факта.

— Что мне делать? — вырвалось у Эли.

Артём горько усмехнулся.

— Беги. Если сможешь. Но я теперь думаю... — он снова посмотрел в окно, на лес. — ...что от него уже не убежать. Он выбрал тебя. И он своих не отпускает. А если попробуешь уйти... лес уже знает твой запах. И мой тоже.

Он оттолкнулся от подоконника и, не глядя на неё, побрёл в сторону своей комнаты. Дверь в №4 была приоткрыта. Из щели лился слабый свет и доносился мерный, механический звук — Андрей что-то писал, царапая ручкой по бумаге. Артём остановился перед дверью, сжал кулаки, всем телом демонстрируя желание вломиться туда и всё разнести. Но не сделал этого. Он словно уткнулся в невидимую стену. С глухим стоном ярости он развернулся и ушёл на крыльцо, хлопнув наружной дверью.

Эля осталась стоять одна в холле, между комнатой, где холодный разум строил свои планы, и дверью, за которой бушевала беспомощная ярость. И снова, как и в ночь после поцелуя, она почувствовала себя пешкой. Но теперь доска стала ещё страшнее, а игроки — ещё безжалостнее. И бежать было действительно некуда. Лес окружал лагерь со всех сторон.

Глава 11

Эля проснулась от чувства, что за окном кто-то есть. Не просто шорох или шелест, а присутствие. Множественное, тихое, но от этого ещё более зловещее.

Она осторожно подкралась к окну и замерла, вжавшись в стену рядом с рамой.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь редкие облака, серебрил край поляны и первые ряды сосен. И по самой границе света и тени, прямо вдоль стены их корпуса, двигались фигуры.

Это были люди. Или то, что когда-то ими было. Дети и взрослые, мужчины и женщины. Они шли молча, друг за другом, медленной, неторопливой процессией. Их одежда была странной — не походной и не пионерской, а какой-то потрёпанной, вневременной, будто они вышли из разных эпох и собрались здесь.

Но больше всего пугали их движения. Они не шагали, а словно *плыли*, отрывая ноги от земли неестественно плавно и ставя их обратно с едва заметным, но отчётливым щелчком, будто суставы были туго скреплены. Руки висели вдоль тела неподвижно, головы были чуть наклонены вперёд, лица скрыты тенью. Ни шёпота, ни вздоха, ни звяканья. Только этот мерный, призрачный скрежет шагов и лёгкий шелест ткани по траве.

Эля насчитала семь фигур. Девочка в платье с оборками, мальчик в коротких штанишках, женщина в длинной юбке, двое подростков... Они не смотрели по сторонам, не поворачивали голов. Они просто шли. Мимо корпуса «А». Мимо неё. Их путь лежал вдоль всей границы лагеря, в сторону дальних лужаек.

Одним из последних шёл высокий мужчина в потёртом пиджаке. И когда он поравнялся с её окном, он медленно, с трудом, будто против воли всего своего тела, повернул голову. Лунный свет упал на его лицо. Оно было бледным, восковым, с закрытыми глазами. Но Эля почувствовала, как по её спине пробежали ледяные мурашки — ей показалось, что под тонкими веками он *смотрит* прямо на неё. Потом его голова с тем же механическим усилием вернулась в исходное положение, и он поплыл дальше, догоняя процессию.

Через несколько минут они скрылись в чаще, и ночь снова стала просто ночью. Но ощущение их холодного, безжизненного присутствия висело в воздухе, как морозный туман.

Эля отползла от окна и села на кровать. Это не было игрой воображения. Это были они. Пропавшие? Те самые, о которых говорили в легендах? Заблудившиеся и не нашедшие дороги назад? Или что-то худшее?

На следующее утро в лагере гудели. Несколько человек из корпусов «Б» и «В», чьи окна тоже выходили на лес, говорили о «ночных прогулках». Кто-то видел «бледных людей», кто-то слышал «тихие шаги». Вожатые, уже уставшие от странностей «Долины Мира», списывали всё на коллективную внушаемость и усталость. «Ребята, вы друг у друга на нервы действуете! Кому-то померещилось, все подхватили».

Но за завтраком Эля видела, как Андрей внимательно слушал эти перешёптывания. Он не вмешивался, не комментировал. Он просто сидел, попивая чай, и его взгляд был отстранённым, аналитическим — как у учёного, наблюдающего за ходом предсказанного эксперимента. Он *ждал*, когда эти разговоры дойдут до него.

Артём, сидевший напротив, ел молча, уставившись в тарелку. Но его кулаки на столе были сжаты до белизны костяшек. Он тоже видел. Или слышал. И в отличие от других, он *знал*. Знает, что это не галлюцинация.

После завтрака Эля не выдержала. Она поймала Андрея, когда он выходил из столовой.

— Кто они? — выпалила она, опуская формальности. — Те, что ходили ночью?

Андрей остановился и посмотрел на неё. В его глазах не было удивления.

— Смотрящие, — тихо ответил он. — Те, кто когда-то не послушался правил. Кто решил, что запреты — для других. Они теперь — часть системы. Часовые. Они патрулируют границы, напоминая о цене любопытства.

— Они... живы? — прошептала Эля.

— Они — здесь, — уклончиво ответил Андрей. — Этого достаточно. Они не причинят вреда, если не нарушать порядок. Они лишь... обозначают территорию. И напоминают, что обратной дороги для них уже нет. — Он наклонился чуть ближе. — Ты ведь не хочешь к ним присоединиться, правда, Эля? Так что запомни: граница там, где мы её... договорились. И соблюдать её нужно неукоснительно. Иначе лес пополнится ещё одним безмолвным стражем. На этот раз, возможно, кем-то знакомым.

Он кивнул и пошёл прочь, оставив её с леденящим душу предупреждением. Эля обернулась и увидела, как за ней наблюдает Артём. Его лицо было искажено не страхом, а яростным, бессильным пониманием. И знал наверняка, с какими силами вступил в противостояние его брат. И какую цену может потребовать лес за очередную «провокацию».

Эля дождалась, когда Артём выйдет из столовой. Он шёл не спеша, в отличие от его обычной размашистой походки. Он выглядел... собранным. Его осанка была прямой, лицо задумчивым, почти спокойным. Только в глубине глаз, в их тёмной синеве, колыхалось что-то беспокойное, как подёрнутая рябью вода над глубокой впадиной.

Она нагнала его на тропинке к корпусу.

— Артём.

Он обернулся. Увидел её, и в его взгляде мелькнуло не удивление, а скорее — ожидание.

— Ты их видел? — спросила Эля прямо, опустив голос.
Артём кивнул, один раз, коротко и твёрдо.

— Видел.

— И как ты...?

— Бегал от них по лесу, ночь, ничего толком не видно. Задел что-то ногой и упал, — перебил он её, голос ровный, без паники. — Споткнулся. Они окружили. Стояли молча. С закрытыми глазами. Шипели. Как змеи. — Он говорил отстранённо, как будто рассказывал чужую историю. — Думал, всё. Но тут раздался свист, как будто собаку хозяин позвал. Короткий. Как сигнал. Они застыли. Развернулись и ушли. Я встал и пытался выйти из леса, заблудился. Утром пришёл Андрей. Сказал: «Обход окончен. Возвращайся в лагерь». И всё. — Артём опустил подробности драки с братом, которую видела Эля своими глазами.

Он замолчал, и его задумчивый взгляд скользнул по её лицу, остановившись на губах. Эля почувствовала, как по её коже пробежал лёгкий, предательский трепет. В его взгляде не было той прежней дерзкой жажды. Было что-то другое. Сильная, железная сдержанность, которую он раньше в себе показывал.

Его губы приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но слова застряли. Он сделал едва заметное движение в её сторону — не порывистое, а медленное, как будто преодолевая грави-

тацию. Воздух между ними сгустился, наполнившись невысказанным — воспоминанием о том поцелуе, о жажде, которая их свела.

Артём поднял руку. Чтобы провести пальцами по своему собственному виску, как будто смахивая навязчивую мысль.

— Нельзя, — сказал он тихо. Была усталая, кристальная ясность. — Он заключил со мной договор. Я не нарушаю его правил — они не трогают меня. Я не трогаю тебя — он не даёт им команды. Всё просто. — Он посмотрел на неё, и в его глазах на мгновение вспыхнула старая, знакомая искра. — Слишком просто, чтобы рисковать.

Он опустил руку и отступил на шаг, восстанавливая безопасную дистанцию.

— Так что держись подальше, Эля. От меня. Потому что я теперь — часть его системы. И если ты подойдёшь слишком близко... система сработает. И вряд ли я смогу уцелеть второй раз.

Он развернулся и пошёл к корпусу тем же медленным, уверенным шагом. Он не выглядел побеждённым. Он выглядел... принявшим правила. Самые страшные правила, которые только можно вообразить. И в этом холодном принятии было что-то куда более пугающее, чем любой испуг или ярость. Это означало, что игра изменилась. И что в новой игре Артём, возможно, только что сделал свой первый, самый важный ход — выйдя из неё, чтобы защитить. И, оставив Элю одну лицом к лицу с тем, кто эти правила, возможно, и написал.

Ярость кипела в Эле, горячая и слепая. Она увидела Андрея с крыльца корпуса — он сидел на скамейке у самого края поляны, у озера, спиной к лагерю, и что-то сосредоточенно писал в своём проклятом блокноте. Это спокойствие, эта отстранённость взбесили её окончательно.

Она сошла с тропинки и пошла прямо по мокрой от росы траве, не глядя под ноги. Подойдя к нему сзади, она схватила его за воротник футболки и дёрнула со всей силы.

Это выглядело нелепо и жалко. Андрей лишь слегка качнулся, даже не обернувшись сразу. Он был выше и крепче, её попытка выглядела как нападение котёнка на дога.

— Эльвира, — произнёс он спокойно, наконец отрываясь от записей. — Ты испортишь страницы. Здесь важные расчёты.

— Какие ещё расчёты?! — закричала она, отпуская его воротник и отступая на шаг. Её голос дрожал от негодования. — Ты что, совсем спятил?! Ты запрещаешь Артёму ко мне подходить? По какому праву? Кто ты такой вообще?!

Андрей медленно закрыл блокнот, сунул его в задний карман штанов и наконец повернулся к ней. На его лице не было ни гнева, ни раздражения. Была лишь едва уловимая, кривая усмешка в уголках губ, будто он наблюдал за интересным, но предсказуемым экспериментом.

— По праву старшего по корпусу, — начал он ровным тоном.

— Да пошёл ты со своим корпусом! Это не про правила! Это про личное! Ты ему нашептал какой-то бред про «систему» и «договор»! Ты натравил на него этих... этих своих ночных приятелей!

— Они не мои «приятели», — поправил он её. — Это объективная реальность данного места. Я лишь объяснил ему правила взаимодействия с ней. Для его же безопасности. И твоей.

— Моей? Моей безопасности?! — Эля фыркнула. — Ты запрещаешь твоему брату подходить ко мне из-за моей безопасности? Это же бред!

— Всё верно, — кивнул Андрей, как будто она произнесла неопровержимую истину. — Ему нельзя к тебе подходить. В особенности — после того поцелуя в классе физики. Эля остолбенела. Она не ожидала, что он заговорит об этом так прямо.

— ...Что?

— Ты сама подошла. Ты сама поцеловала. После этого я, если ты помнишь, сказал: «Мы только начали». Я логично предположил, что это означает начало взаимоотношений. — Он говорил с ледяной, неопровержимой логикой, как будто доказывал теорему. — Ты стала моей девушкой. Следовательно, другие мужские особи, особенно те, кто проявлял к тебе ранее нездоровый интерес, должны держать дистанцию. Это базовые принципы социального взаимодействия. Артём нарушил их у костра. За что и понёс ответственность. Теперь он усвоил урок.

Эля смотрела на него, не веря своим ушам. В его голосе не было ревности, страсти или обиды. Была лишь холодная констатация фактов, выстроенных в безупречную, но абсолютно чудовищную конструкцию.

— Я... я твоя девушка? — она с трудом выдавила из себя. — Ты с ума сошёл! Это был просто... благодарственный поцелуй! Подарок! За твою помощь!

— А мои чувства, что? — парировал он, и его глаза на мгновение стали твёрже. — Они константа. А твой поступок — переменная, которую я ввёл в уравнение. Уравнение приняло вид. Отменить его теперь нельзя. Только решать.

— Решать? Что решать?!

— Будущее. Наше с тобой. Здесь, в рамках правил этого места. Я предлагаю стабильность. Защиту. Знание. В обмен на твою лояльность и соблюдение оговорённых границ. — Он посмотрел на неё без тени насмешки, с какой-то странной, пугающей серьёзностью. — Артём предлагает хаос. Импульсивность. Которые в условиях «Долины Мира» равносильны самоубийству. Ты умная девушка. Выбор должен быть очевиден.

Эля отступила ещё на шаг. Её гнев сменился леденящим ужасом. Он не шутил. Он не манипулировал в привычном смысле. Он действительно видел мир как систему уравнений, а её — как переменную, которую нужно правильно вписать в свою формулу.

— Ты... ты ненормальный, — прошептала она.

— Нормальность — понятие относительное, — пожал он плечами. — Здесь, у леса, нормальны другие законы. Я их понимаю. Поэтому я — самый нормальный человек в радиусе десяти километров. И самый безопасный для тебя.

Он вытащил блокнот из кармана, снова открыл его.

— Теперь, если твой эмоциональный выплеск закончен, у меня есть работа. График дежурств на следующую неделю требует оптимизации. — Он поднял на неё взгляд. — И, пожалуйста, впредь соблюдай дистанцию. Физические контакты без моего разрешения — тоже нарушение правил. Для твоей же безопасности, разумеется.

Он развернулся и снова уткнулся в блокнот, явно считая разговор исчерпанным. Эля стояла, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Он не просто угрожал. Он предлагал «делку».

В его извращённой логике это была защита. А отказ... отказ означал войну не с ним, а со всей той тихой, шипящей реальностью, что бродила по лесу ночами и слушалась его приказа. Она была в ловушке чужого, ледяного рассудка.

Эля ворвалась в корпус «А» как ураган. Она проигнорировала испуганный взгляд Лейлы в холле и влетела в свою комнату на втором этаже. Елена как раз разбирала какие-то вещи, напевая что-то под нос.

— Ленусик! — выдохнула Эля, захлопывая дверь. — Ты не поверишь, что сейчас произошло!

Елена обернулась, и её глаза округлились от возбуждения. Она тут же уселась на кровать, готовая слушать самую сочную сплетню смены. Эля, не в силах стоять, зашагала по комнате, жестикулируя, и выпалила всё. Про разговор с Артёмом. Про его странное спокойствие и «договор». Про свою ярость и выяснение отношений с Андреем у озера. И самое главное — про его чудовищную, ледяную логику, в которой она теперь была его «девушкой» по умолчанию, а Артём — опасным нарушителем границ.

Елена слушала, не перебивая, её лицо менялось от удивления к недоумению, а потом к какому-то странному, заинтересованному любопытству. Когда Эля закончила, выдохнув: «Он совсем спятил!», Лена медленно покачала головой.

— Вау, — прошептала она. — Я знала, что он странный, но не думала, что настолько... загадочный. Это как в книжке какого-нибудь психологического триллера. Ты в самом центре сюжета!

— Елен, это не сюжет! Это реальность! — почти закричала Эля. — Он договорился с лесом! С этими... ходячими! Он их свистом отзывает, как собак! И теперь он построил в голове какую-то схему, где я — его собственность!

— Ну, собственность — это сильно сказано, — задумчиво протянула Елена. — Скорее... ценный актив. Ключевая переменная в его уравнении, как он и говорит. — Она улыбнулась, видя отчаянный взгляд подруги. — Не кипятись! Я просто пытаюсь понять его логику. Она же железная, да? В своём роде. Если отбросить жуть и мораль, всё сходится.

— Какая разница, сходится или нет?! Мне от этого не легче! Что мне делать?

Елена замолчала, обдумывая. Потом её лицо озарилось хитрой, почти восторженной улыбкой.

— Я думаю... я знаю, как его усмирить.

— Как? — насторожилась Эля.

— Очень просто. Сыграть по его правилам. Но перевернуть их с ног на голову.

— Ты о чём?

— Он считает тебя своей девушкой, потому что ты его поцеловала, верно? И требует лояльности и соблюдения границ. Так дай ему это. Частично. — Лена подмигнула. — Стань для него... непредсказуемой переменной. Не той, что встала в нужную ячейку, а той, что ломает всё уравнение.

— Я уже ломаю! Я же на него наорала!

— Это эмоции. Это он просчитал. Он ждёт истерики, сопротивления, слез. А ты дай ему... холодный расчёт. Свой. Ты же не дурочка. Ты видишь, как он мыслит. Начни мыслить так же.

Эля смотрела на подругу, не понимая.

— Например? — неуверенно спросила она.

— Например... потребуй встречных условий. Ты говоришь, он предлагает «стабильность и защиту» в обмен на лояльность? Отлично. Скажи, что тебе нужны доказательства этой защиты. Конкретные. Не просто слова про ночных монстров. Что-то реальное, что докажет его силу и... полезность для тебя. — Глаза Елены блестели азартом. — Скажи... не знаю... что тебя донимает Ирен своими намёками. И пусть он с ней «разберётся» по-своему, тихо и эффективно. Не угрозами, а так, чтобы она сама отстала. Если он действительно контролирует тут всё, это будет для него пара пустяков. А ты увидишь, на что он способен на самом деле. И сохранишь лицо — ты не сдалась, ты вступила в переговоры.

Идея была настолько безумной и опасной, что у Эли перехватило дыхание.

— Ты предлагаешь мне натравить его на Ирен?

— Я предлагаю тебе проверить его в деле и поставить его силу себе на службу, — поправила Елена. — И заодно — очертить свои границы. Ты же не будешь просто сидеть сложа руки. Ты поставишь условия. Скажешь: «Хорошо, Андрей, я принимаю твои правила. Но вот мои. Первое: Ирен оставляет меня в покое. Второе: Артёму не причиняется вред, пока он сам не начнёт. Третье: я не твоя собственность, я — твой союзник на этих условиях. Не согласен — никакой сделки». — Лена выдохнула. — Он же логик. Он поймёт выгоду. Союзник надёжнее пленника. А ты... ты получишь передышку и время, чтобы понять, как со всем этим быть дальше. И главное — ты выйдешь из роли жертвы. Ты станешь игроком.

Эля молчала, обдумывая этот безумный план. Страшно? Безумно страшно. Играть в такие игры с тем, кто имеет власть над тем что в лесу... Но альтернатива была ещё страшнее: пассивно ждать, когда его ледяная логика окончательно заключит её в невидимую клетку. Или бунтовать и рисковать стать целью для тех, кто ходит в темноте.

Она посмотрела на Елену.

— А если... если он откажется? Или сделает что-то ужасное с Ирен?

— Тогда ты узнаешь его истинное лицо, — серьёзно сказала Лена. — И поймёшь, что имеешь дело с монстром. И будешь действовать соответственно. Бежать, рассказывать. Я не знаю. Но сейчас... сейчас у тебя есть шанс использовать его странность в своих интересах. Это как... приручить очень опасную, но умную змею. Только с помощью логики, а не флейты.

Эля глубоко вздохнула. Сердце бешено колотилось. План был безумным. Но он был *планом*. Действием. А не ожиданием.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я попробую. Но если что-то пойдёт не так...

— Я с тобой, — тут же сказала Елена. — Мы обе будем в курсе. И если что... мы найдём способ. В конце концов, мы же «Косолапые». Только вперёд!

Она обняла подругу. Эля чувствовала, как дрожь в её руках немного утихает. Страх никуда не делся. Но к нему добавилось что-то ещё — острое, холодное любопытство и тень надежды. Может, Елена права? Может, единственный способ бороться с безумием — это при-

нять его правила, а потом переписать их под себя? Предстоящий разговор с Андреем теперь казался не просто конфронтацией. Это был первый ход в новой, смертельно опасной партии. И на этот раз она не собиралась быть просто пешкой.

Эля не стала ждать. Адреналин и решимость, подогретые словами Елены, ещё кипели в крови. Она вышла из корпуса и увидела Андрея на том же месте у озера. Он сидел, устремив взгляд на воду, его поза была собранной и безмятежной.

Она подошла прямо к нему.

— Андрей. Нам нужно поговорить.

Он медленно перевёл на неё взгляд. — Говори.

— Ты предлагаешь сделку. Защиту и стабильность в обмен на мою лояльность.

— Корректно, — кивнул он.

— Хорошо. Я готова её рассмотреть. Но на моих условиях. — Эля выдохнула и начала загибать пальцы. — Первое. Ирен отстаёт от меня. Полностью и навсегда.

Андрей чуть склонил голову.

— Ликвидация источника психологического дискомфорта. Выполнимо. Второе?

— Второе. Артёму не причиняется вред. Он получает такую же защиту, как я, если даст слово не нарушать твои правила.

— Нестабильный фактор, — заметил Андрей, — но управляемый при должном контроле. Принято, при условии его согласия.

— Я с ним поговорю, — быстро сказала Эля.

— Не рекомендую личных бесед. Я передам условия через нейтральный канал, — парировал Андрей. — Следующий пункт?

Эля собралась с духом.

— Третье. Я — не твоя девушка. Я — твой союзник. Мы сотрудничаем на равных в рамках этих правил.

Андрей смотрел на неё долго и пристально. Казалось, он сканировал её на предмет скрытых мотивов. Наконец, он медленно покачал головой. Лёгкая, почти невидимая улыбка тронула его губы.

— Союзники, Эля? Союзники мне не нужны.

Эля замерла. — Что?

— Союзники — это переменные, которые могут изменить значение в любой момент. Они вносят хаос. Мне нужна... константа. — Он посмотрел на неё прямо, и в его обычно ледяных глазах вспыхнуло что-то тёплое, странное и пугающее. — Я согласен на твои первые два условия. Но третий — меняю.

Он встал, сократив дистанцию. Эля невольно отступила на шаг.

— Я согласен на всё, в случае, если ты согласна быть моей девушкой. А не предлагаемым тобой союзником. И вести себя, как моя девушка. — Его голос был тихим, но в нём не было привычной безэмоциональности. В нём была... жажда. — И чтобы ты ответила мне честно на один вопрос, прежде чем дашь ответ.

Он сделал паузу, и воздух между ними стал густым и тяжёлым.

— Когда ты меня поцеловала в классе физики... или вообще когда-нибудь рядом со мной... в тебе просыпались ко мне какие-нибудь чувства? Хотя бы намёк на что-то... приятное? Не из благодарности. А просто так.

Вопрос повис в воздухе, неожиданный и острый, как лезвие. Эля растерялась. Она ждала логики, расчёта, торга. А не этого — сырого, человеческого, уязвимого вопроса из самых глубин его странной души.

Он ждал ответа, не отводя взгляда.

Эля почувствовала, как комок подкатывает к горлу. Она вспомнила моменты: его увлечённые рассказы, его сосредоточенный профиль у окна, странное спокойствие, которое он дарил, даже его пугающую, но искреннюю заботу. Да, были моменты, когда он не казался ботаном. Он казался... интересным. Глубоким. И даже привлекательным в своей странности. Но это было не то чувство, которое она испытывала к Артёму. Это было что-то другое. Сложное. Запутанное страхом и непониманием.

— Я... — начала она, запинаясь. — Не знаю, Андрей. Были моменты, когда ты... не был мне неприятен. Когда было интересно. Но...

— Но этого недостаточно, — закончил он за неё, и в его глазах на секунду мелькнула тень той самой боли, которую он так тщательно хоронил под слоями логики. Он отступил, и его лицо снова стало маской. — Тогда моё встречное предложение отклонено. Союз невозможен. И, следовательно, остальные условия теряют смысл.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! — вырвалось у Эли. — А что с... четвёртым пунктом? Я хотела...

Он обернулся, и его взгляд снова стал ледяным и всевидящим.

— Четвёртый пункт? Это визит к патрулю? — он слегка поднял брови. — Это было условие для союзника. Для того, чтобы получить доступ к элементам системы, нужно быть частью системы. На своих условиях. Ты отказалась от моих. Следовательно, доступ закрыт. Подумай ещё раз, Эля. Но недолго. Статус «чужого» здесь — самый опасный из всех.

Он ушёл, оставив Элю в полной растерянности. Её хитрый план разбился о простую, жуткую человеческую правду: Андрею не нужны были союзники. Ему нужна была любовь. Или хотя бы её видимость, встроенная в его большую, но чёткую систему. Лес, со своими безмолвными стражами, ждал за спиной, дыша ледяным, сладковатым запахом хвои и вечной темноты.

Возвращаясь в корпус, Эля чувствовала себя так, будто прошла через мясорубку. Мысли путались, от холодной ясности Андрея остался лишь неприятный осадок и леденящее осознание тупика. Она толкнула дверь и замерла на пороге.

В холле, у подножия лестницы, стояли Артём и Андрей. Они не дрались, не спорили. Они просто стояли друг напротив друга, и напряжение между ними было настолько плотным,

что казалось, его можно потрогать. Артём стоял, скрестив руки, с тем же новым, задумчивым и злым выражением. Андрей — в своей обычной бесстрастной позе, но его взгляд был пристальным, оценивающим.

Когда дверь открылась, они оба, как по команде, повернули головы и посмотрели на неё. Взгляды были разными: у Артёма — быстрая, сложная вспышка (злость, досада, что-то ещё), у Андрея — холодный, безразличный аналитический взгляд, будто он видел в ней только переменную, которая не вписалась в уравнение. Но в этом синхронном повороте голов было что-то жуткое. Будто они только что говорили о ней. Или мерились, кому она теперь «принадлежит» в этой их извращённой системе отсчёта.

Эля сглотнула комок в горле, проигнорировала их и быстро прошла мимо, устремившись к лестнице. Она чувствовала их взгляды на своей спине. В своей комнате её ждала Елена, которая что-то искала в шкафу.

— Елен, идём гулять, — бросила Эля, не здороваясь.

Тон её голоса заставил Елену тут же обернуться.

— Что случилось? Ты как после похорон.

— Сейчас расскажу. Просто... выйдем отсюда.

Они вышли на улицу и пошли по главной аллее, подальше от корпуса «А». Только когда за спиной остались другие корпуса и весёлые крики ребят у спортивной площадки, Эля выдохнула и выложила подруге всё: свой ультиматум, встречное предложение Андрея и его жуткий, уязвимый вопрос.

Елена слушала, широко раскрыв глаза, и время от времени ахала.

— Офигеть, — прошептала она, когда Эля закончила. — Он прямо... предложил тебе встречаться. Взамен на защиту. Это как... средневековый брак по расчёту, только с лесными призраками вместо приданого.

— Это не смешно, Лен, — мрачно сказала Эля. — Он ненормальный.

— Ну да, ненормальный! — воскликнула Елена, но в её голосе звучало не осуждение, а какое-то странное восхищение. — Конечно, не сказка. Больше на хоррор смахивает. Но, понимаешь... — она остановилась и взяла Элю за руку. — Он же не страшнее Артёма. По-своему. Артём может врезать, нахамить, поступить как эгоистичный козёл. Андрей... он не ударит. Он просто построит вокруг тебя невидимую тюрьму из правил, где всё будет «для твоей же безопасности». И будет искренне считать, что делает тебе хорошо. В этом, по-моему, даже есть что-то... романтическое. В своём извращённом ключе.

— Романтическое?! — Эля вырвала руку. — Ты слышишь себя?

— Слышу! — парировала Елена. — И я вижу, как на него смотрят другие девчонки в лагере. Не шарахаются. Засматриваются. Высокий, умный, загадочный, лицо ничего так... если бы не эти его «тараканы», за ним бы очередь выстраивалась. А ты... — она вздохнула с преувеличенным сожалением, — ...ты, как всегда, раздолбаев любишь. Ярких, дерзких, которые потом делают тебе больно. А тут предлагают стабильность, безопасность и... ну ладно, не любовь в классическом понимании, а какую-то свою, дикую преданность. И ты отказываешься!

— Он хочет, чтобы я притворялась! Чтобы я вела себя, как его девушка, без всяких чувств!

— А что, нельзя попробовать? — Елена развела руками. — Могла бы и потерпеть! Сказать «да», получить защиту для себя и Артёма, посмотреть на его «патруль», а там... мало ли. Может, привыкнешь. Может, и правда что-то проснётся. А если нет — всегда можно будет... ну, я не знаю, сбежать, когда лагерь кончится. Но сейчас-то здесь, в этой дыре, он — царь и бог. И ты только что отказалась от самого надёжного щита в этом королевстве.

Эля молчала, глядя под ноги. Безумная логика Елены имела какой-то извращённый смысл. Это был практичный, почти циничный подход. Но внутри всё сжималось от отвращения. Притворяться? Целовать его, держать за руку, делать вид, что она счастлива, зная, что он свистит в лес, чтобы отозвать призраков? Это казалось хуже любого открытого противостояния.

— Я не могу, — тихо сказала она. — Это будет ложь. А он... он почувствует.

— Ну, может, и почувствует, — пожала плечами Елена. — Но, может, ему будет достаточно и видимости. Он же сам просил хотя бы «намёка» на что-то приятное. Значит, понимает, что полной взаимности нет. Он готов на крохи. А ты даже крох дать не хочешь.

Они дошли до озера и сели на ту самую скамейку, где недавно сидел Андрей.

— Что же теперь? — спросила Эля, чувствуя себя потерянной.

— Теперь, — вздохнула Елена, — ты в статусе «чужой». Как он и сказал. И надо надеяться, что Ирен сама как-нибудь отвяжется, Артём не нарвётся на неприятности, а ночные прогулки обойдут наш корпус стороной. Иначе... — она кивнула в сторону тёмного леса, — ...иначе тебе останется только бежать к нему и соглашаться на любые условия. Потому что воевать с лесом, который слушается его, у тебя никаких шансов. Ты же не лесная фея.

Они сидели молча, глядя на воду. Солнце уже клонилось к вершинам сосен, отбрасывая длинные тени. Вечерело. А ночь в «Долине Мира» была уже не просто темнотой. Она была полем действий для сил, хозяина которых Эля только что отвергла. И теперь ей предстояло провести эту ночь в ожидании. В ожидании, не станет ли она следующей, кого утром найдут бледной и молчаливой, или следующей, кто присоединится к безмолвной процессии, бродящей по краю света между лагерьем и вечностью.

Придя с закатом в комнату, девочки замерли на пороге. На каждой тумбочке у кроватей аккуратно стояли одноразовые контейнеры из столовой. Внутри — котлеты, пюре, салат, даже пара пирожков. Всё свежее, ещё тёплое. Рядом с контейнером Эли лежала сложенная пополам записка. Без подписи, ровным, узнаваемым почерком: **«Вы пропустили ужин»**.

— О-о-ой! — протянула Елена, хлопая в ладоши. — Смотри какой он, заботливый! Угадал, что мы не пошли! И еду принёс! А, может, даже специально попросил на кухне!

— Может, это не он, — без особой веры в голосе сказала Эля, но сердце ёкнуло.

— А кто ещё? — фыркнула Елена. — Ирен? Она бы крысиный яд подмешала. Кирилл с Максом? Они бы сами всё сожрали. Это он. Твой «ненормальный». Демонстрирует заботу. Это ж часть его «условий»! Обеспечивает безопасность и базовые потребности. Чётко по пунктам.

Эля молча взяла записку. Ничего лишнего. Ни намёка на эмоции. Констатация факта и действие. Ужасающе логично. И от этого ещё более жутко. Она машинально открыла контейнер. Пахло столовской едой. Но есть почему-то не хотелось.

Пока Елена с восторгом уплетала свой ужин и продолжала расписывать «скрытые плюсы» отношений с Андреем («Представляешь, тебе никогда не придётся думать, что поесть! Он всё рассчитает по калориям и БЖУ!»), Эля сидела на кровати и смотрела в окно на темнеющий лес.

Примерно через двадцать минут в дверь постучали. На пороге стоял Макс, один из друзей Артёма. Выглядел он немного не в своей тарелке.

— Э... привет. Мы тут в холле... правду или действие собрались. Кирилл, Лейла, я... Артём тоже подошёл. И... Андрей, — он как-то странно ковырнул носом, произнося последнее имя. — Играем. Приходите, если хотите.

Елена тут же вскочила, сметая крошки.

— Конечно идём! Правда или действие — это же классика! Пошли, Эль, развеемся!

Эля не хотела. Мысль сидеть в одной комнате с обоими братьями, которые сейчас находились в каком-то хрупком, зловещем перемирии, вызывала недомогание. Но сидеть одной в комнате с призрачным ужином от Андрея было ещё страшнее. Она кивнула и, вздохнув, поплелась за Максом.

В холле первого этажа, на полу, на разбросанных подушках, уже сидели: Кирилл, Лейла, Артём и Андрей. Артём сидел спиной к окну, поджав ноги, и смотрел в пол. Андрей сидел напротив, в идеально прямой позе, как будто на деловых переговорах. Между ними была ощутимая пустота.

— О, наши прекрасные дамы! — крикнул Кирилл, явно уже чем-то разогретый. — Садитесь, начинаем! Бутылка уже крутится!

Елена уселась рядом с Лейлой, Эля — чуть в стороне, между Еленой и пустым пространством. На полу стояла пустая бутылка. Кирилл крутанул её.

Бутылка, пошатавшись, указала на Лейлу.

— Окей, Лейла, правда или действие? — спросил Кирилл.

— Правда, — тихо сказала Лейла.

— Кого в нашем корпусе считаешь самым странным?

Лейла покраснела, её взгляд метнулся к Андрею, потом к Артёму.

— Э... всех по-своему, — выдавила она.

— Не катит! Конкретно! — засмеялся Кирилл.

— Кирилла, — быстро сказала Лейла, глядя на него. Все засмеялись, Кирилл скорчил обиженную гримасу.

Следующий ход — бутылка указала на Макса. Он выбрал действие. Кирилл заставил его спеть куплет гимна с пафосом оперного певца. Получилось дурашливо, напряжение немного спало.

Потом бутылка указала на Артёма. Все затихли.

— Правда, — хрипло сказал он, не глядя ни на кого.

Вопрос задал Кирилл, но было видно, что он нервничает.

— Ты... э... в лесу той ночью. Что самое страшное увидел?

Артём медленно поднял голову. Его взгляд встретился со взглядом Андрея, сидевшего напротив. В воздухе снова запахло статикой.

— Что они с закрытыми глазами видят лучше, чем мы с открытыми, — отчеканил Артём. Ответ повис в тишине. Никто не засмеялся.

Бутылку крутанул Андрей. Его движение было точным, почти механическим. Бутылка остановилась на Эле.

Все посмотрели на неё.

— Правда или действие, Эльвира? — спросил Андрей. Его голос был ровным, без намёка на что-либо.

— Правда, — сказала Эля, чувствуя, как у неё вспотели ладони.

Андрей не спешил. Он смотрел на неё своими всевидящими глазами.

— Вопрос: если бы не было внешних угроз, вроде леса или... принудительных обстоятельств, ты бы продолжила общение со мной после школы? На основе тех «интересных моментов», которые были между нами.

Вопрос был как удар ниже пояса. Точно в цель. Он проверял. Искал в её прошлом ответе крупницу искренности. Игра превратилась в поле боя.

Эля почувствовала, как на неё смотрят все. Артём уставился в пол, но его плечи напряглись. Елена затаила дыхание.

— Я... — начала Эля, запинаясь. — Не знаю. Может быть. Если бы... если бы всё было по-другому.

Ответ был уклончивым, но не ложным. Андрей кивнул, как будто получил ожидаемые данные, и больше не настаивал.

Ход перешёл к Эле. Она крутанула бутылку так сильно, что та прокатилась по кругу и, замедлившись, указала прямо на Андрея.

В холле стало так тихо, что было слышно, как за окном скребётся ветка по стене.

— Правда или действие, Андрей? — спросила Эля, и в её голосе прозвучал вызов.

— Правда, — ответил он без колебаний.

Эля задумалась на секунду. Сотни вопросов вертелись в голове: «Что они такое?», «Как ты это сделал?», «Что ты со мной сделаешь?». Но она выбрала другой.

— Ты боишься чего-нибудь? Не абстрактно. Конкретно. Здесь и сейчас. Андрей не моргнул. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Да, — ответил он чётко.

Все ахнули. Даже Артём поднял глаза.

— И чего? — не удержалась Елена.

— Я боюсь, — продолжил Андрей, глядя прямо на Элю, — непредвиденной переменной. Которая может разрушить идеально выстроенную систему. Которая действует не по логике, а по непросчитываемой, хаотичной воле. Такую переменную невозможно контролировать. А

всё, что нельзя контролировать, представляет угрозу. Здесь и сейчас. — Он сделал небольшую паузу. — И такой переменной в данный момент являешься ты, Эльвира.

Ответ повис в воздухе, холодный и беспощадный. Это не было признанием слабости. Это была констатация угрозы. И Эля поняла — в его мире страх был не эмоцией, а идентифицированным риском. И она только что официально получила этот статус. Самый опасный в его вселенной.

Игра после этого быстро сошла на нет. Все разошлись по комнатам под каким-то гнетущим, невесёлым впечатлением. Эля поднималась на второй этаж, чувствуя на спине два взгляда: колючий, злой взгляд Артёма и холодный, аналитический — Андрея. Она была не просто «чужой». Она была «угрозой системе». А с угрозами, как она начинала понимать, здесь разбирались самым решительным образом. Вопрос был только в том, каким методом выберет хозяин леса.

Глава 12

На следующее утро Андрей, как старший по корпусу, собрал всех перед завтраком.

— Сегодня наш корпус «А» дежурный в столовой. Распределение обязанностей: Кирилл и Макс — вынос мусора и поднос посуды от столов. Лейла и Елена — расстановка столовых приборов и салфеток. Ирен и Соня — помощь на раздаче. Артём — контроль за порядком в зале. — Он сделал небольшую паузу, его взгляд скользнул по Эле. — Эльвира и я будем отвечать за финальную уборку и подготовку к следующему приёму пищи — протирку столов, мытьё рабочих поверхностей. Остальным помощь на кухне.

Елена тут же подмигнула Эле: «Видишь? Прямо рядом. Работа в паре. Он не отстаёт». Эля лишь вздохнула. Протирать столы рядом с ним целый день казалось не работой, а продолжением вчерашней игры в «правду или действие», только без возможности выбрать «действие».

Столовая после завтрака превратилась в шумный, липкий от каши и компота ад. Корпус «А» носился как угорелый. Кирилл с Максом гремели подносами, Ирен с преувеличенной брезгливостью раздавала хлеб, Артём мрачно расхаживал между столами, раздражаясь на каждого, кто громко чавкал.

Андрей и Эля работали молча. Он методично, без суеты, двигался от стола к столу, опрыскивая поверхность чистящим средством и вытирая её до зеркального блеска. Эля шла следом, собирая крошки и расставляя салфетницы. Он не смотрел на неё, но его присутствие было плотным, всеобъемлющим. Казалось, он знает, где она находится, даже не поворачивая головы. Он был её тенью, тихой, эффективной и неотступной.

Между завтраком и обедом у них был перерыв. Девочки из их корпуса решили провести его на площадке с уличными тренажёрами у спортивного поля. Эля, Елена и Лейла пошли туда, чтобы хоть ненадолго сбежать от запаха еды и этого давящего молчания.

Площадка оказалась оживлённой. Там уже занимались ребята из других отрядов, в том числе пара старшеклассников — высокий, спортивный парень из корпуса «Г» по имени Денис и его друг. Увидев подходящих девочек, Денис улыбнулся и громко позвал:

— Эй, «Косолапые»! Идёте качаться? Есть свободная вертикальная тяга!

Елена, всегда общительная, тут же подхватила:

— Да мы вообще чемпионы! Эль, пойдём, покажу, как надо!

Эля, радуясь возможности отвлечься, с улыбкой подошла к тренажёру. Денис, явно заинтересованный, стал её подстраховывать, шутливо комментируя:

— Смотри, не сорви спину, а то на танцах вечером не потанцуешь!

— Не переживай, — парировала Эля, пытаясь подтянуться, и у них завязался лёгкий, беззаботный разговор.

Она не заметила, как с края площадки, рядом со стволом широкой сосны, за ними наблюдает Андрей. Он пришёл не заниматься. Он просто стоял, засунув руки в карманы, и смотрел. Его лицо было, как всегда, спокойным, но в глазах, обычно таких пустых, зажёгся странный, холодный огонёк. Он следил за каждым движением Дениса, за каждой улыбкой Эли, за тем, как тот парень коснулся её руки, поправляя хватку.

Елена, оглянувшись, первая его заметила.

— Ой, смотри, — толкнула она Элю локтем. — Твоя тень прибыла. И, кажется, батарейки у неё сели в негатив.

Эля обернулась и встретилась с его взглядом. Это был не просто взгляд. Это был взгляд *оценки*. Как будто он не видел парня, а видел угрозу. Непредвиденную переменную, внедрившуюся в его систему.

Когда перерыв закончился, и они пошли обратно к столовой, Андрей молча влился в их группу, встав между Элей и Еленой. Он ничего не сказал, но его молчание было громче крика.

Обед прошёл в том же режиме: суета, работа, его незримое, но осязаемое присутствие в полуметре от неё. Но после обеда, когда они остались вдвоём вытирать последние столы, Андрей нарушил молчание. Его голос был тихим, ровным, но в нём впервые зазвучала не логика, а нечто иное — плохо скрываемая, острая горечь.

— Вертикальная тяга, — произнёс он, не глядя на неё, протирая один и тот же участок стола с навязчивой тщательностью. — Интересное упражнение. Требуется помощи партнёра для правильной техники. Особенно для новичков.

— Он просто помог, — сказала Эля, чувствуя, как назревает скандал на пустом месте.

— «Он». Денис. Из корпуса «Г». Средний балл — 3.8. Увлекается футболом и, судя по частым визитам на эту площадку, демонстрацией своей мышечной массы. — Андрей отложил тряпку и наконец посмотрел на неё. Его глаза были ледяными. — Ты с ним раньше общалась?

— Нет. Впервые сегодня.

— И уже позволила физический контакт.

— Он поправлял хватку! Это же нормально!

— В рамках его «нормальности», возможно, — парировал Андрей. — Но не в рамках наших договорённостей. Напоминаю, ты находишься под моей защитой. А это подразумевает определённые... ограничения в общении с нестабильными элементами извне.

Эля вспыхнула от возмущения.

— Каких ещё ограничений?! Мы же не о чём не договорились вчера! Ты сам сказал — никакого союза!

— Защита остаётся, — жёстко сказал он. — Пока ты в пределах моего корпуса и моей ответственности. Тем более я обещал твоей маме. А его действия — угроза стабильности. Он отвлекает. Вносит хаос. Заставляет тебя улыбаться. — Последняя фраза вылетела с такой неожиданной, детской обидой, что Эля на секунду опешила.

— Андрей, мы просто разговаривали! Я улыбаюсь многим!

— Не так, — прошептал он, и его пальцы сжали край стола. — Не так, как вчера, когда говорила со мной. Тогда у тебя были только страх и осторожность. А ему... ему ты улыбалась легко. Без причины. Это нелогично. И это... — он запнулся, подбирая слово, и в его голосе впервые прозвучала настоящая, неконтролируемая эмоция, — ...неприятно.

Он выдохнул и отступил на шаг, беря себя в руки. Маска логики начала наползать обратно, но трещина была видна.

— Поэтому, в качестве дополнительного правила дежурства: на оставшиеся смены ты работаешь только в непосредственной близости от меня. И любые контакты с представителями других корпусов, особенно мужского пола, сводятся к необходимому минимуму. Всё ради безопасности системы. И твоей, разумеется.

Он не дал ей возразить, взяв свою тряпку и направившись к следующему столу. Эля стояла, поражённая. Это была уже не холодная стратегия. Это была ревность. Дикая, иррациональная, встроенная в его больную логику, но ревность. Он воспринял простую, мимолётную улыбку незнакомому парню как личное оскорбление, как угрозу своему «праву» на неё. И теперь его «защита» грозила превратиться в настоящую тюрьму, где каждый её взгляд будет подконтролен, а каждая улыбка — проанализирована на предмет лояльности.

Вечернее дежурство прошло в гнетущем молчании. Андрей не отходил от неё ни на шаг, физически блокируя любой возможный контакт с кем-либо. Когда мимо проходил Денис с подносом и кивнул Эле, Андрей просто поднял голову и уставился на него своим безэмоциональным, ледяным взглядом. Денис, почувствовав неладное, поспешил ретироваться.

Возвращаясь в корпус, Эля чувствовала себя не просто уставшей. Она чувствовала себя пойманной. Он не отпустил её, даже получив отказ. Он просто сменил тактику. Теперь он не предлагал сделку. Он её диктовал. А лес за окном, тёмный и безмолвный, казалось, одобрительно молчал, наблюдая за тем, как его хозяин наводит порядок в своей маленькой, хрупкой, человеческой вселенной.

— Один только день закончился. Я не выдержу три дня с ним! — крикнула Эля, едва захлопнув дверь комнаты после дежурства. Неглухое эхо прокатилось по коридору второго этажа.

Елена, уже валявшаяся на кровати, подняла брови.

— Ну и дела. Тогда, гений, меняй тактику. Не давай ему тебя пасти, как овцу. Привлекай его к своим занятиям. Тягай его везде с собой, а не он тебя. Сделай его своим спутником, а не надзирателем. Может, ему самому надоест.

— Ему? Надоест? — скептически фыркнула Эля, но мысль засела. Это был ход. Не защищаться, а наступать. В рамках его же правил.

Ночью она снова услышала шипение. Оно доносилось из леса, но на этот раз казалось ближе, будто кто-то обходил сам корпус, скребясь ветками по стенам. Эля прижалась к подушке, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Он не шутил. Его «патруль» работал. И она была теперь не просто «чужой». Она была объектом повышенного внимания.

Глава 13

Утром второго дня дежурства Андрей встретил её у входа в столовую с тем же непроницаемым видом.

— Сегодня график: завтрак, уборка, обед, глубокая очистка кухонных поверхностей, ужин, — отчеканил он, как робот.

— Хорошо, — кивнула Эля, стараясь звучать нейтрально. — Но в перерыв я иду на тренажёры. И тебе тоже надо отдохнуть. Пойдѐшь со мной.

Андрей на секунду замер, его мозг явно обрабатывал неожиданное предложение.

— Физические упражнения в перерыве повышают эффективность дальнейшей работы, — констатировал он наконец. — Рационально. Я согласен.

И снова этот день был похож на предыдущий: запах еды, шум, его неотступное присутствие в полуметре. Но теперь Эля чувствовала не только давление, но и странное любопытство — как он поведѐт себя вне стен столовой, в «еѐ» зоне.

В перерыв она, Елена и Лейла направились к спортивной площадке. Эля оглянулась — Андрей шѐл в нескольких шагах сзади, как верный, но угрюмый пѐс.

На площадке снова было людно. Эля заметила, как взгляд Андрея мгновенно сканирует толпу, выискивая того самого Дениса. Того не было. Но были другие парни, другие взгляды, брошенные в её сторону.

Эля почувствовала, как внутри всё сжимается от той же безысходности. Он снова будет стоять и смотреть. Считать. Анализировать. Она посмотрела на Елену взглядом загнанного зверя и, не выдержав, резко развернулась. Она прошла несколько шагов по травке и остановилась прямо перед Андреем.

— Пойдѐм, или так и будешь тут стоять, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. Голос дрогнул, но она не опустила взгляд. — Побудь с нами. Я тебя приглашаю. Это лучше, чем наблюдать, а потом ревновать.

Слово «ревновать» повисло между ними, острое и неприкрытое. Андрей не отреагировал на него, но его зрачки чуть расширились. Он молча кивнул и последовал за ней к свободному турнику.

Поначалу было неловко. Андрей стоял рядом, пока Елена показывала упражнения, и наблюдал с тем же научным интересом, с каким изучал бы редкое насекомое. Но когда Эля, запыхавшись, соскочила с турника и сказала: «А теперь твоя очередь. Продемонстрируй нам свои умения», что-то изменилось.

Андрей посмотрел на турник, затем на свои руки. Он молча подошѐл, взялся за перекладину и сделал несколько подтягиваний. Движения были не силовыми, как у спортсменов, а удивительно плавными, точными, с идеальной амплитудой. Мускулы на его спине и плечах, скрытые обычно мешковатыми свитерами, напряглись, обрисовав чѐткий, сухой рельеф. Он соскочил так же бесшумно, и, видимо, почувствовав, что футболка мешает и прилипла к телу, машинальным движением снял её через голову, бросив на ближайшую скамейку.

На лице Елены, наблюдавшей за этим, появилась откровенная мимика очарования.

— Вот это да... — пробормотала она, подходя к Эле и толкая её локтем. — Смотри-ка, а он... не тощий книжный червь, оказывается. Вот это пресс... я такой только в журналах видела.

Эля и сама не могла отвести глаз. Она знала, что он силѐн — видел, как он уложил Артѐма. Но видеть эту силу, воплощѐнную в таком... эстетически совершенном виде, было

неожиданно. Андрей, не обращая внимания на их взгляды, подошёл к брускам и начал отжиматься. Каждое движение было выверенным, без единого лишнего усилия, будто его тело было идеальным механизмом.

И тут началось. Сначала просто увеличилось количество взглядов, брошенных в их сторону. Потом девочки с соседнего тренажёра начали перешёптываться, открыто разглядывая Андрея. Кто-то из парней присвистнул одобрительно: «Ничего себе, Андрей!». Две девочки из старшего отряда, проходя мимо, замедлили шаг, и одна из них, рыжая, откровенно облизнула губы.

— Смотри-ка, — прошипела Елена Эле на ухо. — А твой «загадочный» оказывается ещё и конфетка. Публика оценила.

В этот момент по дорожке от корпусов шла Ирен, ведя под руку всё ту же Соню. Увидев группу у тренажёров, она замедлила шаг. Её взгляд скользнул по Эле, по Елене, и остановился на Андрее. На его обнажённом торсе, на чётких мышцах, работающих в такт движениям. На её обычно язвительном лице мелькнуло что-то вроде удивления, а затем — холодного, расчётливого интереса. Она не сказала ни слова, лишь приподняла бровь, как бы заново оценивая ситуацию, и продолжила путь, бросив на прощание многозначительный взгляд.

Андрей, закончив подход, выпрямился. Он был слегка запыхавшимся, кожа на плечах и груди поблёскивала на солнце. Он не искал одобрения, не смотрел на зрителей. Он просто повернулся к Эле.

— Достаточная демонстрация? Или есть другие тренажёры, эффективность которых ты хочешь проверить?

Он говорил с ней, но его плоская, безэмоциональная маска была надета обратно. Однако Эля заметила, как его взгляд на секунду задержался на лицах перешёптывающихся девочек, а затем вернулся к ней. В его глазах не было удовольствия от внимания. Скорее, подтверждение. Подтверждение того, что он обладает качествами, которые могут привлекать. И что он демонстрирует их ей. По её приглашению.

Остаток дня дежурства прошёл в странной атмосфере. Андрей по-прежнему не отходил от неё, но теперь это не казалось таким удушающим. Он был спокоен, почти... удовлетворён. А вокруг них в столовой уже витали новые сплетни: «Видела Андрея из корпуса «А» на площадке? Да он просто огонь!», «А я слышала, он с Элей Струнбрич встречается... так что, у нас нет шансов».

Эля чувствовала себя в центре нового вихря. Она хотела сделать его своим спутником, чтобы ослабить контроль. Но вместо этого она невольно выставила его на всеобщее обозрение, превратила в объект желания. И теперь внимание было приковано к ним обоим. К ним, как к паре. И пока она размышляла, не усугубила ли она всё, Андрей, вытирая последний стол, тихо произнёс, не глядя на неё:

— Метод «интеграции в социальную активность» дал неожиданные побочные эффекты. Но общий показатель моего присутствия рядом с тобой перестал восприниматься как исключительно карательный. Это можно считать тактическим успехом.

Он посмотрел на неё, и в уголке его глаза дрогнула та самая, едва уловимая искорка.

— Завтра, в последний день дежурства, предлагаю продолжить практику. Для закрепления результата.

Эля молча кивнула. Она поймала себя на мысли, что боится уже не только его. Она начала бояться того внимания, которое теперь будет окружать их обоих. И того, как он, с его холодным, всевидящим умом, начнёт этим вниманием управлять. Лес с его шипением казался теперь не самой страшной угрозой. Самой страшной угрозой становился сам Андрей, который только что понял все её умыслы.

Глава 14

Третий день дежурства начался с того, что Елена, едва проснувшись, тут же завела свою шарманку.

— Эль, представляешь, я вчера всю ночь во сне турник видела. И на этом турнике — он. Как мускулы играют... Ух! — она свистнула, не стесняясь. — Говорила тебе — не страшный. А ты смотришь на него как на лабораторную крысу. Ему бы только свитерок поменять, очки на линзы... Да он бы всех местных кентов за пояс заткнул! И главное — не выпендривается. Секретная мощь, я понимаю!

— Лена, помолчи ты, — проворчала Эля, натягивая футболку, но краем уха она слышала голос подруги и невольно представляла ту же картину: точные, сильные движения, тень мышц под кожей...

— А чего молчать? Девочки вчера аж слюной давились! И Ирен, ты видела её рожу? Как будто жвачку проглотила. Теперь она будет не на Артёма глазеть, а на твоего учёного. Хотя... твой ли он? — Елена подмигнула. — Ты же его вчера сама на люди вытащила. Теперь он у всех на виду. Конкуренция, детка!

Они вышли из комнаты и направились к столовой, продолжая разговор. Эля, увлечённая, не заметила, как из тени у двери из своего номера вышел Андрей и беззвучно влился в шаги позади них. Он слышал каждое слово.

— ...Просто я не понимаю, — продолжала Елена, размахивая руками. — Вот такой парень рядом — умный, сильный, за тебя горой (ну, в своём, конечно, стиле), и ты нос воро-тишь! Да я бы...

— Ты бы что? — раздался ровный, спокойный голос прямо у неё за спиной.

Елена взвизгнула и подпрыгнула, как ошпаренная. Эля резко обернулась. Андрей стоял в двух шагах, его лицо было бесстрастным, но глаза внимательно изучали Елену.

— Я... э... я бы... поблагодарила за заботу о подруге! — выпалила Елена, краснея до корней волос и расплылась в дурацкой улыбке. — И... и позавтракала бы! Срочно! Бегу!

Она рванула вперёд, оставив Элю наедине с Андреем. Тот не спеша поравнялся с Элей.

— Интересные данные, — произнёс он задумчиво. — Восприятие моей физической формы со стороны сверстников женского пола вызывает положительную эмоциональную реакцию. Ранее этот параметр не учитывался в расчётах. Спасибо Елене за полевое исследование.

Эля промолчала, чувствуя себя неловко. Он слышал всё.

Третий день дежурства прошёл под знаком этих невысказанных «данных». Андрей работал так же методично, но теперь его присутствие ощущалось иначе. Он не просто был рядом — он был *заметен*. Девочки из других корпусов, приходившие в столовую, задерживали на нём взгляд, перешёптывались. Парни оценивающе косились. Андрей игнорировал это с ледяным равнодушием, но Эля видела, как он иногда слегка выпрямляет спину или чуть медленнее проводит тряпкой по столу, демонстрируя ту самую «секретную мощь» в действии. Он не наслаждался вниманием. Он его *использовал*. Как новый инструмент в своей системе.

На перерыве они снова пошли на площадку. На этот раз толпа была больше. Словно слух о «горячем ботанике» разнёсся по лагерю. Андрей, уже без лишних слов, снял футболку и начал свою размеренную, гипнотизирующую силой тренировку. Он отжимался на бру-

сьях, подтягивался, делал скручивания. Вокруг собрался большой кружок зрителей. Денис, тот самый парень с первого дня, стоял чуть в стороне, с явным недовольством на лице.

Эля стояла с Еленой, чувствуя себя одновременно и частью этого спектакля, и его зрителем. Она ловила на себе взгляды других девочек — завистливые, любопытные. «Она с ним?» — читалось в этих взглядах. Андрей, закончив подход, подошёл к ней, игнорируя всех остальных. На его лбу блестели капельки пота.

— Достаточно? — спросил он, глядя только на неё.

— Да, — кивнула Эля. — Пойдём, попьём воды.

Он взял свою футболку, но не стал надевать, перекинул через плечо, и они пошли к фонтанчику, оставляя за собой шёпот и вздохи.

Вечернее дежурство было последним. Когда они вымыли последний стол и вынесли мусор, Андрей объявил:

— Дежурство корпуса «А» завершено. Замечаний нет. Все свободны.

Все, измученные, поплелись к выходу. Эля задержалась, чтобы поправить скатерть. Андрей ждал её у двери.

— Три дня наблюдений, — сказал он, когда она подошла. — Вывод: твой метод «интеграции» имеет право на существование. Уровень моего стресса от наблюдения за твоим взаимодействием с другими мужскими особями снизился на 37%. Так как часть их внимания теперь перенаправлена на меня.

Он говорил об этом как о научном открытии. Эля смотрела на него, и впервые за эти три дня её охватило не отвращение или страх, а что-то вроде усталого восхищения. Он был гениален и абсолютно одинок в своём извращённом мире формул.

— Андрей... — начала она.

— Не надо, — мягко прервал он. — Эмоциональный анализ лучше проводить на свежую голову. Иди отдыхай. И помни — дежурство закончилось. Но правила — остаются.

Он кивнул и вышел в наступающие сумерки.

Ночь. Эля лежала на кровати, слушая ровное дыхание Елены. Было тихо. Слишком тихо. Лес за окном молчал.

И тогда она их услышала. Шаги. Тяжёлые, мерные, знакомые. Они шли не вдоль леса. Они шли *по территории лагеря*. Медленно, с того жутким, механическим скрежетом. От корпуса к корпусу.

Эля подскочила и подбежала к окну. В лунном свете она увидела их. Те же бледные, безжизненные фигуры. Но теперь их было больше. И они не просто проходили мимо. Они *останавливались* у каждого корпуса, кроме их — «А». Замирали на несколько минут, будто прислушиваясь, а потом шли дальше. Как будто проводили инспекцию. Как будто проверяли, все ли на месте. Все ли соблюдают правила.

Их процессия обошла весь лагерь и скрылась в лесу со стороны дальних лужаек. Тишина вернулась, но теперь она была зловещей.

Эля отползла от окна и села на кровать. Теперь она понимала. Дежурство в столовой было не наказанием. Это была привилегия. Пока они были вместе, под его неусыпным взглядом, они были в безопасности. «Патруль» обходил их стороной. Но теперь дежурство закончилось. Они

снова стали просто обитателями лагеря. И ночные стражи снова начали свои обходы. Проверять границы. Ищущие нарушителей.

Она вспомнила слова Андрея: «Правила остаются». И поняла, что самое страшное правило только что проявилось во всей своей ледящей красоте: ночь принадлежала ему и его безмолвной армии. А они, живые, были лишь гостями в этом царстве. Гостями, чьё право на покой и безопасность нужно было ежедневно заслуживать. И она потеряла свой «пропуск» — его постоянное, дневное присутствие. Что теперь будет ночью, оставалось только гадать, прислушиваясь к скрежету шагов за тонкой стеной, отделяющей сон от вечного.

Глава 15

Эля проснулась от резкого, металлического скрежета в ушах. Не от будильника. Это трещал по всему лагерю старый, хриплый громкоговоритель.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ ОТРЯДАМ! — голос звучал непривычно напряжённо, без тени утренней бодрости. — СРОЧНЫЙ ОБЩЕЛАГЕРНЫЙ СБОР НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ! ПОВТОРЯЮ: ВСЕ ВЫХОДИМ НА ПЛОЩАДЬ! БЕЗ ОПОЗДАНИЙ!

Сердце Эли ёкнуло и упало куда-то в ледяную пустоту. Сбор. Срочный. Это не расписание на день. Это что-то случилось.

В корпусе поднялась суматоха. Спросонок ругались, кто-то бегал в туалет, кто-то пытался натянуть джинсы наизнанку. Елена, с тушью под одним глазом, выпалила:

— Что за драма? Подъём в семь утра — это уже жестоко, а тут ещё и сбор!

— Тише, — прошипела Лейла, уже одетая и бледная. — Разбудили всех. Значит, серьёзно.

Через пятнадцать минут вся «Долина Мира», от мала до велика, толпилась на площади. Солнце только поднималось, воздух был свеж и холоден. На импровизированной сцене, рядом с флагштоком, стояли Светлана Петровна, несколько вожатых с озабоченными лицами и... двое незнакомых мужчин в строгих, не походных костюмах. Один держал в руках папку.

Тишина наступила сама собой, подавленная всеобщим ожиданием.

— Доброе утро, ребята, — начала Светлана Петровна, но её улыбка была натянутой. — К сожалению, у нас небольшая непредвиденная ситуация. Произошло... происшествие. Вчера ночью из лагеря исчез один из воспитанников.

По толпе прокатился гул. Эля почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Это Саша Гуров из корпуса «Г», — продолжала, и её голос дрогнул. — Он не вернулся после отбоя в свою комнату. Его отсутствие обнаружили утром. Поиски на территории лагеря ничего не дали. — Она сделала паузу, чтобы собравшиеся вникли. — Это очень серьёзно. Поэтому сегодня весь день отменяются все запланированные мероприятия. Мы проводим повторные, более тщательные поиски по всему лагерю и ближайшему лесу. Все отряды будут разбиты на группы с вожатыми. Никто не отлучается самостоятельно! Ни шагу за территорию без сопровождения! И, пожалуйста, — она посмотрела в толпу, — если у кого-то есть какая-то информация, любая, даже самая незначительная, немедленно к нам.

Один из мужчин в костюме, видимо, кто-то из районной полиции или администрации, вышел вперёд:

— Мы просим всех сохранять спокойствие и быть внимательными. Если видели Сашу вчера вечером, если он что-то говорил, если заметили что-то странное — говорите. От этого сейчас многое зависит.

Объявление повисло в воздухе, тяжёлое и зловещее. Пропал. Из корпуса «Г». Того самого, где был Денис. Эля машинально начала искать глазами Андрея в толпе. Она нашла его быстро. Он стоял чуть в стороне от своего корпуса, один. Не с вожатыми. Просто стоял и смотрел на сцену. Его лицо было абсолютно спокойным, но его глаза... Его глаза медленно сканировали толпу. Он не выглядел удивлённым. Он выглядел... подтверждающим.

Корпус «А» объединили с «Б» и под руководством двух вожатых отправили прочёсывать дальние лужайки, спортивные площадки и окрестности озера. Работа была нервной и бесполезной. Все ходили, кричали «Саша!», заглядывали под каждый куст, но в душе уже понимали — если бы он был здесь, его бы нашли утром.

За завтраком, который прошёл в гробовой тишине, Эля сидела, уставившись в тарелку. Рядом Елена что-то шептала Лейле:

— Говорят, он пошёл в лес за шишкой для поделки. Вожатым так сказал его сосед по комнате. А потом не вернулся...

— В лес, — тихо повторила Лейла. — После отбоя.

Эля подняла глаза и встретилась взглядом с Андреем. Он сидел за своим отдельным столиком и смотрел прямо на неё. Он медленно, почти незаметно, покачал головой.

После завтрака поиски продолжились. Их группа теперь обследовала лесную опушку вдоль «экотропы». Именно там висел запрещающий знак. Вожатые нервно поглядывали в чащу, но дальше ста метров заходить запретили.

Эля шла чуть позади всех, рядом с Еленой. Вдруг она почувствовала чей-то взгляд и обернулась. За большим дубом, в десяти метрах от тропы, стоял Андрей. Он не участвовал в поисках со своей группой. Он просто стоял и смотрел на лес. А потом, поймав её взгляд, он очень чётко, только для неё, провёл пальцем по своей шее.

Ледяная волна страха накрыла Элю с головой. Он не просто знал. Он *понимал*. Нарушитель вышел за границу. Ночной патруль сработал. А теперь он демонстрировал ей эффективность системы. На живом, вернее, на уже неживом примере.

Весь день прошёл в этом кошмаре. Поиски, шёпоты, нарастающая паника среди младших отрядов. К вечеру приехала ещё одна машина с серьёзными людьми и собаками. Собак повели в лес. Лагерь погрузился в состояние осады.

Перед ужином Светлана Петровна снова вышла к всем. Она выглядела уставшей.

— Поиски продолжаются, ребята. Но на сегодня — всё. Просим всех вернуться в корпус. Сегодня будет усиленный контроль после отбоя. И ещё раз — НИКОМУ не выходить из корпусов после отбоя. Это не шутки.

Ужин прошёл ещё тише, чем завтрак. Даже Кирилл и Макс не смели громко разговаривать. Артём сидел, уткнувшись в тарелку, его лицо было жёстким. Он тоже понимал. Ирен, напротив, была неестественно тихой и бледной, её взгляд постоянно скользил по окнам, выходящим в лес.

Эля поднималась в свою комнату, когда её окликнули.

— Эльвира.

Это был Андрей. Он стоял в тени лестницы.

— Сегодня ночью, — сказал он тихо, без предисловий, — будет максимальная активность. Они проверят каждый корпус. Всех. Убедятся, что больше нет желающих нарушить режим. — Он сделал шаг вперёд, и его лицо осветилось тусклым светом лампы. — Наш корпус будет под особой защитой. Но для надёжности... твоя дверь должна быть заперта. И окно закрыто на щеколду. Не выглядывай. Не слушай. Какими бы голосами они ни звали. Поняла? А лучше спи крепко.

Он говорил не как угрожающий. Как врач, дающий инструкции перед опасной процедурой.

— Это... это он, да? — прошептала Эля. — Тот мальчик. Они его...

— Нарушитель был изолирован системой, — перебил он, не позволяя договорить. — Теперь система проводит профилактику. Чтобы не было новых нарушителей. Всё логично. Спокойной ночи, Эля. И помни о правилах. Теперь они важнее, чем когда-либо.

Он растворился в темноте коридора, оставив её одну с леденящим душу знанием. Сегодня ночью лес придёт в гости. Не просто пройдёт мимо. Он будет проверять. И тот, чья дверь окажется незапертой, чей разум окажется достаточно любопытным, чтобы выглянуть, может стать следующим «нарушителем». Следующим, кого утром объявят пропавшим. А завтра на сборе скажут, что поиски продолжаются, но надежда тает с каждым часом. Потому что надежды нет. Есть только система. И её безжалостный, безглазый патруль.

Ночь прошла как один долгий, тревожный сон. Эля заперла дверь на ключ, закрыла окно на щеколду, как велел Андрей, и легла, натянув одеяло на голову. Она слышала их. Шёпот. Прямо за дверью, в коридоре. Неразборчивые, тягучие голоса, которые звали не по именам, а какими-то странными, ласковыми прозвищами: «Девочка... выходи... поиграем...», «Кто тут не спит? Открой...». Пол под дверью скрипел под чьими-то тяжёлыми, волочащимися шагами. Один раз кто-то мягко, но настойчиво постучал в дверь — три медленных удара. Эля замерла, не дыша. Стук не повторился. Шаги отдалились. Елена на соседней кровати посапывала, погружённая в непробудный сон невинности.

Глава 16

Утром, перед самым завтраком, Эля, ещё дрожащая от ночных звуков, решила. Она спустилась на первый этаж и заглянула в комнату №4. Дверь была приоткрыта.

Внутри царил идеальный порядок. Артём сидел на своей кровати, зашнуровывая кроссовки. Его движения были резкими, злыми. Андрей стоял у тумбочки, методично раскладывая в рюкзак книги и блокноты. Они не разговаривали. Воздух в комнате был густым от невысказанного.

— Можно войти? — тихо спросила Эля.

Артём вздрогнул и поднял на неё глаза, полные привычной уже смеси ярости и усталости. Андрей медленно обернулся, его лицо было чистым холстом — без эмоций, без вопросов. Он кивнул.

Эля вошла и, не раздумывая, присела на край кровати рядом с Артёмом, а не рядом с Андреем. Она почувствовала, как Артём напрягся, но не отодвинулся.

Она смотрела на них по очереди: на сломленного, но всё ещё опасного хулигана и на холодного, всевидящего учёного, который держал весь лес. И поняла, что Елена была права по-своему. Играть в их игру на их поле — бесполезно. Нужно взорвать само поле. Переписать правила одним нелогичным, безумным ходом.

— Я хотела вам сказать, — начала она, и голос её звучал удивительно ровно, хотя внутри всё дрожало, — что вы мне оба нравитесь.

В комнате воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как за окном пролетает муха. Артём замер с полузавязанным шнурком, его пальцы застыли. Он смотрел на неё, как будто она только что заговорила на древнем языке.

Но самое интересное произошло с Андреем. Его лицо, эта всегда безупречная маска, дрогнула. Брови приподнялись. Он медленно поставил книгу на тумбочку, повернулся к ней всем корпусом и уставился. В его глазах, этих бездонных колодцах логики, промелькнуло что-то, что можно было принять за системный сбой. Его «процессор», как сказала бы Елена, явно завис. Он анализировал фразу, ломал её на составляющие, искал логику, скрытый смысл, тактический ход — и не находил. Это было чистое, эмоциональное заявление. А для него такие вещи были равносильны компьютерному вирусу.

— Уточни, — наконец выдавил он из себя, и его голос звучал чуть хриплее обычного. — «Нравитесь» — в каком значении? Как социально приемлемые особи? Как полезные союзники? Или... — он запнулся, впервые подбирая слово с видимым трудом, — ...в эмоционально-романтическом контексте?

Артём нашёл дар речи первым.

— Ты чего, совсем с катушек съехала? — прохрипел он. — После всего, что он... после всего, что было?

— После всего, — твёрдо повторила Эля, глядя теперь на Андрея. — Он сильный. Умный. И знает, как выжить здесь. А ты... — она перевела взгляд на Артёма, — ...ты другой.

Это было как бросить гранату в тихий пруд. Артём просто сидел, не в силах ничего сказать, его щёки залила тёмная краска. Андрей медленно провёл рукой по лицу, будто стирая невидимую пыль с сенсоров.

— Это противоречит базовым принципам моногамных отношений в рамках социальной группы, — произнёс он, но в его тоне не было уверенности. Была та самая «зависшая» нота. — И создаёт нестабильность. Непредсказуемость.

— А мне надоела ваша предсказуемость, — парировала Эля, вставая. — Ваши правила, ваши границы, ваша война из-за меня, как из-за игрушки. Я не игрушка. И у меня могут быть свои чувства. Сложные. Запутанные. Вот такие.

Она посмотрела на обоих, давая словам осесть.

— Так что теперь вы знаете. Думайте, что хотите. Но это моё правило. Первое и пока единственное. А теперь я пойду завтракать.

Она вышла из комнаты, оставив за спиной гробовую тишину и двух абсолютно ошарашенных парней, чья тщательно выстроенная система координат только что дала глобальный сбой.

На завтраке она отыскала Елену и вытащила её подальше от столовой.

— Ты что, опять бледная как смерть? — спросила Елена. — Ночью опять что-то было?

— Было, — кивнула Эля. — Но не это главное. Я только что наговорила им.

— Кому «им»?

— Андрею и Артёму. Вместе. В их комнате.
Елена округлила глаза.

— И??? Ты жива? Что сказала?!

— Что они оба мне нравятся.

На лице Елены застыла гримаса полнейшего, беспредельного восторга и ужаса одновременно. Она схватилась за голову.

— Ты... ты гений! Ты безумный, самоубийственный, гениальный псих! — зашептала она, тряся Элю за плечи. — Ты взорвала их вселенную! Одной фразой! Двум врагам! Одновременно! Это... это уровень мастерства! Это как в покере пойти ва-банк с двумя тузами в руке! Е!

— Лен, они не в покере! Один может лесными призраками командовать, а второй на кулаки ползет!

— Именно поэтому это гениально! — Елена почти прыгала на месте. — Ты подкинула им такую дилемму, что им теперь не до войны друг с другом! Им теперь надо решать, что делать с ТОБОЙ! Андрей будет сутками анализировать, как это вписывается в его «систему», а Артём будет рвать и метать, но не сможет просто взять и отшить тебя, потому что ты сказала, что он тебе нравится! Это чистый, непревзойдённый хаос! И ты его создала!

Эля смотрела на восторженную подругу, и постепенно её собственная дрожь стала утихать, сменяясь странным, леденящим спокойствием.

Последствия её заявления проявились не сразу, но стремительно.

За завтраком Артём и Андрей не появились. Эля видела, как Кирилл и Макс, вернувшись из столовой с подносами, таинственно перешёптывались, бросая на неё странные взгляды. Лейла, сидевшая с ними, позже рассказала: «Они там в комнате. Молчат. Артём как будто кипятком облитый, туда-сюда ходит. Андрей сидит и в стену смотрит. Ничего не едят. Кирилл пытался шутку вставить — его чуть не прибили оба».

Первым «на люди» вышел Артём. Он появился перед обедом на спортивной площадке, где корпус был по расписанию. Но он не играл в футбол с Кириллом и Максом. Он в одиночку и с такой яростью лупил по мячу, будто тот был воплощением всех мировых проблем, что даже его друзья предпочли держаться подальше. Время от времени он останавливался, тяжело дышал и сжимал кулаки, глядя куда-то в сторону корпусов.

Андрей же вышел из комнаты только к обеду. Он выглядел... собранным. Слишком собранным. Его движения были ещё более отточенными и безжизненными, чем обычно. Он сел за свой отдельный столик, но не ел. Он открыл блокнот и что-то быстро, почти лихорадочно, строчил в нём. Изредка он поднимал голову и его взгляд, холодный и сканирующий, находил Элю. Но в нём не было ни злости, ни ревности. Был чистейший, неразбавленный *анализ*. Он изучал её как сложную, вновь обнаруженную аномалию.

В столовой царило напряжение, осязаемое как густой туман. Кирилл и Макс, всегда громкие, разговаривали вполголоса. Ирен, заметив странную атмосферу, пыталась вставить колкость в адрес Эли, но, не получив поддержки даже от Сони, замолчала. Все чувствовали, что в корпусе «А» что-то сломалось, и никто не хотел быть тем, на ком сорвётся сорвавшаяся с цепи шестерня.

После обеда Эля с Еленой пошли к озеру. Они сидели на том самом пне, и Елена без усталости комментировала каждое движение «объектов наблюдения».

— Смотри, смотри! — тыкала она пальцем. — Твой «ледяной царь» вышел. Идёт к лесу. Не к тропе, а прямо к деревьям. Стоит и смотрит. Будто совещается с начальством. Или жалуется, что подопытная крыса устроила бунт в лаборатории.

Андрей действительно стоял у самой кромки леса, спиной к лагерю, неподвижный, как изваяние. Казалось, он слушал тишину, или, наоборот, что-то в неё транслировал.

— А Артём, — продолжала Елена, — похоже, решил выбить дурь физическим трудом. Он уже третий час долбит по тому несчастному мячу. Если он его не лопнет, то точно психику себе повредит. Может, тебе к нему подойти? Разрядить обстановку?

— Нет уж, — покачала головой Эля. — Сказала, что сказала. Теперь пусть переваривают.

Но её спокойствие было показным. Внутри всё сжималось в тугую, тревожный узел. Она бросила вызов двум силам, природу которых до конца не понимала. Что, если реакцией будет не замешательство, а нечто худшее? Что, если Андрей, не сумев вписать её в свою логику, просто... устранит «нестабильную переменную»? Или Артём, взбешённый и униженный, решит, что лучше уничтожить то, что нельзя иметь одному?

Вечером, когда стемнело, к ней подошла Лейла.

— Эля, — тихо сказала она. — Андрей просил передать. Он хочет поговорить. Один на один. У озера. Через полчаса.

Елена, услышав это, схватила Элю за руку.

— Не ходи! Это ловушка! Он же сейчас в состоянии... ну, в своём, странном состоянии. Может, решит тебя «оптимизировать».

— Если бы он хотел что-то сделать, он бы не предупреждал, — задумчиво сказала Эля. Парадоксально, но в этом была его логика. — Я пойду.

— Я буду неподалёку! — заявила Елена. — С криком «Пожар!», если что.

Он ждал её на берегу. В лунном свете его лицо было бесстрастным.

— Ты пришла, — констатировал он. — Хорошо.

— Говори.

Он начал свой анализ, говорил о противоречии, о дисбалансе, о необходимости модифицировать систему. Эля слушала, и внутри росла дерзость.

Когда он закончил, она не ответила. Вместо этого она сделала шаг вперёд, потом ещё один, и села к нему на колени, обвила его шею руками. Он замер. В его глазах — сбой системы. Шок.

— Я хочу видеть этих ночных, — прошептала она ему прямо в ухо.

Он вздрогнул всем телом. Его дыхание сперло. Мгновение он просто сидел, парализованный потоком новых, ошеломляющих данных: её вес на его коленях, тепло её кожи, запах шампуня, губы у самого уха. Потом его руки, висевшие неловко по бокам, медленно, почти нерешительно, поднялись и легли на её бока.

— А на что ты ещё готова, — прошептал он в ответ, и его голос звучал хрипло, непривычно, срываясь на низких нотах, — чтобы я согласился? Раскручивай.

Это был не отказ. Это был торг. Но торг с позиции, где он впервые чувствовал себя не всесильным логиком, а вовлечённой стороной.

Эля отодвинулась совсем немного, чтобы видеть его лицо. Его глаза горели в темноте, в них не было привычного льда. Был азарт. Голод. И тень того самого, человеческого смятения.

— На что? — переспросила она.

— Нет, — вдруг резко сказал он, и его пальцы слегка впились в её бока, не давая отдалиться. — Это не работает. Эмоциональный шантаж — переменная с высоким коэффициентом ошибки. Я не могу принять решение на таких условиях.

Казалось, он вернулся к себе. Но его руки не отпускали её.

— Тогда чего ты хочешь? — выдохнула Эля, чувствуя, как под его пальцами бегут мурашки по её спине.

Он притянул её чуть ближе, его лицо теперь было в сантиметрах от её.

— Предложение всё то же, — прошептал он, и его голос был низким, властным, но без прежней отстранённости. В нём звучала хрипая, тёмная нота владения. — Ты становишься моей девушкой. По-настоящему. Не для тактики. Не для игры. А для того, чтобы это... — он слегка потряс её за талию, заставив её вздрогнуть, — ...было моим правом. А не твоей уловкой.

Его руки, лежавшие на её боках, обхватили её талию полностью, сильные, уверенные, властные. Он приподнял её, буквально приподнял над своими коленями, посадив перед собой, но теперь она сидела выше, а он смотрел на неё снизу вверх, и в этом было что-то невероятно доминирующее. Его пальцы впились в её тело сквозь тонкую ткань футболки, и каждый нерв Эли кричал об этой внезапной, абсолютной физической власти. Он не причинял боли. Он демонстрировал силу. И право.

— Ты хочешь видеть ночную стражу? — продолжил он, не отпуская её, его губы почти касались её подбородка. — Это привилегия самого высокого уровня доступа. Уровень доступа, который есть только у меня. И у той, кто будет со мной одной системы. — Он медленно провёл большим пальцем по её ребру, и она замерла. — Ты готова заплатить такую цену? Не намёками. А полностью. Без права на отступление. Без... Артёма в твоих мыслях.

Он наконец замолчал, его дыхание было горячим и неровным. Его руки всё ещё сжимали её талию, и в этом захвате было что-то первобытное, окончательное. Он ждал. Он ставил ультиматум не как логическую задачу, а как вызов на поле, где он впервые чувствовал себя не только умом, но и телом. И телом — сильнее.

Эля сидела в его железной хватке, её сердце колотилось бешено. Она хотела его запутать, а он взял и резко, грубо упростил всё до базовых, животных терминов: «моё» и «не моё». И

теперь ей нужно было решить, готово ли её тело, её жизнь стать платой за билет в самое сердце его леденящего ужаса. Его глаза, горящие так близко, ждали.

Эля сидела в его железной хватке, её разум метался. Логика? Её не было. Была только паника и отчаянная попытка выиграть время, найти слабинку, за которую можно зацепиться.

— А ты больше ничего не хочешь? — выдохнула она, и её голос прозвучал выше, почти истерично. Она пыталась шутить, вернуть всё в поле абсурда, где можно торговаться. — Хочешь, я тебе Ирен отдам на съедение? — Слова сорвались, нелепые.

Руки Андрея на её талии не дрогнули, но его глаза сузились. Он изучал её. Видел панику за этой дурацкой бравадой.

— Ирен, — произнёс он медленно, как бы пробуя это слово на вкус, — Ты уходишь от вопроса.

Он был прав. Она уходила. Она пыталась подменить страшную реальность дешёвым фарсом.

— Что ты ещё хочешь? Кроме этого... — она не смогла даже повторить «стать моей». — Кроме всего этого...

Он помолчал, его пальцы слегка разжались, но не отпустили. Казалось, он снова что-то вычисляет, но на этот раз не в блокноте, а здесь, в темноте, глядя на её испуганное лицо.

— Я хочу, — начал он тихо, и его голос снова приобрёл ту странную, неотрывную серьёзность, — чтобы ты перестала бояться меня.

Эля замерла.

— Ты боишься леса. Боишься ночных стражей. Боишься последствий. Но больше всего, — он притянул её ещё на сантиметр ближе, и его лоб почти упёрся в её плечо, — ты боишься *меня*. Не как угрозы. А как... явления. Ты смотришь на меня как на ошибку природы. На сломанный механизм. Я это вижу.

Он поднял голову, и в его взгляде было что-то ранимое, спрятанное за тысячей слоёв льда.

— Я хочу, чтобы ты смотрела на меня и видела не алгоритм. Не монстра. Я хочу, чтобы ты видела *меня*. Андрея. Который сидит здесь, держит тебя, и которому... — он замолчал, с трудом подбирая слова, — ...которому не всё равно, что ты чувствуешь. Даже если я не всегда понимаю *что* именно. И я хочу, чтобы в ответ ты перестала играть. Перестала притворяться. И сказала мне правду. Честно. Сейчас. Не для выгоды. А потому что это — правда.

Он ждал. Его требование было страшнее любого ультиматума о власти или отношениях. Он требовал от неё человечности. Той самой человечности, в которой он сам был так безнадежно плох. Он просил её научить его, что это такое — быть просто человеком с другим человеком. И в качестве платы за этот урок предлагал ключи от самого страшного своего царства.

Эля смотрела в его глаза, и её собственный страх начал таять, сменяясь леденящим изумлением. Он был гениален. Он только что поставил её в тупик не силой, а признанием своей слабости. Своей неполноценности. И просьбой о помощи.

Что она могла ответить? Сказать, что он пугает её? Это и так было правдой. Сказать, что в нём есть что-то притягательное? Тоже правда. Сказать, что мысль о том, чтобы «принадлежать» ему, сводит с ума от ужаса и... какого-то тёмного, запретного любопытства? И это было правдой.

Она медленно выдохнула. Её руки, всё это время висевшие вдоль тела, поднялись и легли поверх его рук на её талии. Чтобы прикоснуться.

— Я... боюсь, — начала она, и голос её был тихим, но уже без истерики. — Боюсь тебя. Боюсь той силы, которую ты держишь в руках. Боюсь, что стану частью этого... и перестану быть собой. Но... — она зажмурилась, собираясь с духом, — ...но ты прав. Ты не просто алгоритм. Когда ты рассказываешь о звёздах или смотришь на меня так, как будто видишь насквозь... ты интересный. Ты... настоящий. В своей странности. И я не знаю, что это — симпатия, влечение или просто желание понять. Но это есть.

Она открыла глаза. Он смотрел на неё, не мигая. Его лицо было напряжённым, будто он ловил каждую вибрацию её голоса, каждую микроскопическую переменную в её выражении.

— Это... достаточно, — наконец произнёс он хрипло. — Это — входные данные. Их достаточно для начала новой итерации.

Его руки на её талии разжались, но не убрались. Одна из них медленно поднялась и коснулась её щеки. Его пальцы были тёплыми и гладкими.

— Условия новые, — сказал он. — Ты даёшь мне шанс. А я... я показываю тебе всё. Всё, что есть. Ночных стражей. Принципы системы. Цену правил. И свою... ненависть к хаосу. Ты увидишь, почему я такой. И тогда... тогда ты решишь. Остаться. Или уйти. Но если уйдёшь... — его взгляд стал твёрже, — ...ты всё забудешь. Лес позаботится об этом.

Это было не предложение руки и сердца. Это было предложение вступить в сделку с дьяволом, где платой за знание была либо вечная верность, либо вечное забвение.

Эля медленно кивнула. Она уже зашла слишком далеко, чтобы отступить.

— Когда? — прошептала она.

— Сегодня. После полуночи. Я приду за тобой. — Он отпустил её совсем, и она почувствовала внезапный холод там, где секунду назад было тепло его рук. — А теперь иди. Сегодняшняя ночь... будет длинной.

Он отступил в тень и растворился в направлении леса, оставив её одну на берегу. Эля стояла, обхватив себя руками, пытаясь осмыслить только что заключённый договор.

Эля стояла у окна, когда в комнату, не постучав, вошёл Андрей. Ровно в полночь. Он был одет в тёмную, не походную одежду, лицо в лунном свете казалось вырезанным из бледного камня.

— Пойдём, — сказал он просто.

Они вышли из корпуса. Ночь была безлунной и неестественно тихой, будто лес затаил дыхание. Андрей шёл уверенно, его рука крепко держала Элю за локоть, направляя сквозь знакомую ему, но невидимую для неё сеть троп. Они углубились в чащу дальше, чем когда-либо заходили поисковые группы. Воздух стал гуще, холоднее, пахнущим не хвоей, а сырой землёй и тлением.

Он остановился на небольшой поляне, окружённой гигантскими, замшелыми соснами. Здесь царила абсолютная тишина.

— Сейчас, — прошептал Андрей и поднял руку к губам.

Раздался тот самый короткий, пронзительный свист. Металлический, будто лезвие, рассекающее тишину.

И они пришли.

Сначала из-за деревьев показались знакомые силуэты. Те же бледные, застывшие фигуры с закрытыми глазами. Они выходили медленно, беззвучно, и встали полукругом, обращённые к ним. Их было человек десять. Дети, подростки, взрослые. Эля узнала того мальчика в коротких штанах и женщину в длинной юбке.

Андрей обнял её за талию одной рукой, прижав к себе, не давая отступить. Его хватка была железной, но не болезненной — скорее, утверждающей власть и обеспечивающей безопасность одновременно.

— Смотри, — прошептал он ей в волосы. — Смотри и запоминай.

И тогда стража начала меняться.

Это было не мгновенное превращение. Это был медленный, мучительный процесс распада, показанный в обратной перематке, а затем снова вперёд. Сначала их бледная, восковая кожа начала терять гладкость. Появились морщины, трещины, как на старой краске. Потом эти трещины углубились, превратившись в гниющие язвы. От пальцев на руках начали отслаиваться ногти, медленно, один за другим, падая на мох беззвучно. Волосы у одной из девочек стали сухими, как солома, и начали осыпаться клочьями, обнажая желтоватый, истончённый череп.

Но самое ужасное произошло с их лицами. Веки, которые были просто закрыты, будто впали внутрь глазниц. А из-под них по щекам, медленно, вязко, поползли струйки чёрной, засохшей субстанции. Рты, которые были сжаты, истончились, обнажив дёсны и почерневшие, крошащиеся зубы. От одного из подростков, стоявшего ближе всех, отвалился кусок щеки. Не с кровью. С сухим, деревянным хрустом, обнажив нижнюю челюсть и пучок серых, высохших мышечных волокон. Он не упал. Он просто стал частью лесной подстилки.

От них пахло. Не просто смертью. Застойным болотом, плесенью на забытых в погребе овощах и чем-то сладковато-приторным.

Это были не призраки. Это были трупы. Ходячие, медленно разлагающиеся, но удерживаемые на ногах какой-то непостижимой, злой волей этого места. Или его.

Эля не смогла сдержать тихого, сдавленного всхлипа. Она вжалась в Андрея, прижалась лицом к его груди, но он не дал ей спрятаться.

— Нет, — сказал он твёрдо, поворачивая её голову обратно. — Ты должна смотреть. Ты хотела. Это цена. Цена неповиновения. Они не умерли здесь. Они... остались. Лес не убивает. Забирает душу, а оболочку оставляет служить вечным смотрящим на границе. Они всё чувствуют. Всё помнят. Но не могут говорить. Не могут плакать. Только смотреть своими пустыми глазницами и охранять.

Один из «стражей», мужчина в потрёпанном пиджаке, сделал шаг вперёд. Его движение было скрипучим, будто суставы были не смазаны столетиями. Он остановился в метре от них и медленно, с трудом, повернул свою полуразрушенную голову. Из чёрных глазниц, казалось, на них смотрело само небытие. Андрей не дрогнул. Он смотрел на него прямо, и его рука на талии Эли сжалась сильнее.

— Он пропал в 2005-м, — тихо сказал Андрей. — Пошёл в лес за грибами и заблудился. Нарушил правило. Не вернулся. Теперь он — часть системы. Как и они все.

Эля смотрела на эти пустые, разлагающиеся лица, и её охватил ужас не перед смертью, а перед вечностью в таком состоянии. Быть запертым в своём же теле, которое медленно превращается в прах, но при этом быть вынужденным вечно брести по одному и тому же кругу... Это было хуже любого ада.

— Зачем... зачем ты мне это показываешь? — прошептала она, её голос сорвался.

— Чтобы ты поняла, — ответил он, и в его голосе впервые зазвучала не логика, а тяжесть, древняя и страшная. — Я не мучитель. Я хранитель. Я слежу за тем, чтобы таких, как они, не становилось больше. Правила — не прихоть. Это береговая линия между жизнью и вот... этим. Я держу границу. А они — мои солдаты. Моя армия из тех, кого граница не удержала.

Он снова свистнул, коротко. Стражи замерли, а затем, так же медленно и беззвучно, стали растворяться между деревьями, унося с собой запах тления и немой укор.

Когда последний силуэт исчез, на поляне снова стало просто темно и тихо. Но тишина эта теперь была наполнена только что увиденным кошмаром.

Андрей всё ещё держал её, но теперь его хватка стала не железной, а... удерживающей. Будто он сам нуждался в этой точке опоры в мире, который только что ей показал.

— Теперь ты знаешь, — сказал он просто. — И теперь ты понимаешь, почему нельзя нарушать правила. Ни тебе. Ни кому другому.

Эля молчала. Она прижималась к нему, и её дрожь была уже не только от страха. От ужаса — да. Но также от странного, ледящего осознания. Он был не монстром. И его холодная логика, его жестокие правила — были единственным барьером, отделявшим живой лагерь от этой поляны вечного, мучительного караула. И теперь выбор, который он ей дал, обрёл новое, невыносимо тяжёлое измерение. Стать его девушкой — означало не просто подчиниться. Это означало принять эту реальность. Принять его как хранителя этого ада на земле. И, возможно, однажды самой стать его правой рукой в этом бесконечном, безмолвном дозоре.

Глава 17

История появления сил у Андрея началась с шахматной доски и мальчика в идеально сидящем костюме, которого звали Виктор.

Это случилось шесть лет назад. В один из скучных воскресных дней, когда Артёма забрала бабушка, а родители были заняты, Андрей отправился в тихий городской парк, чтобы почитать. На пустой скамейке возле самого старого дуба в парке уже сидел мальчик. Он выглядел на его возраст, но был одет не по-детски безупречно: тёмно-синий костюм с галстуком, начищенные до зеркального блеска туфли. На коленях у него лежала изящная шахматная доска из тёмного дерева с фигурами, которые казались вырезанными из слоновой кости и чёрного обсидиана.

— Играешь? — спросил мальчик, поднимая на Андрея спокойный, изучающий взгляд. Голос у него был ровным, без детских интонаций.

Андрей, всегда тянувшийся ко всему интеллектуальному и упорядоченному, кивнул. Так началась их странная дружба. Виктор появлялся всегда неожиданно, всегда один, и всегда с этой шахматной доской. Он играл виртуозно, но не с холодным расчётом взрослого гроссмейстера, а с какой-то иной, глубокой стратегией, будто видел на десять ходов вперёд не только на доске, но и в самой ткани реальности.

— Это не просто игра, — сказал как-то Виктор, расставляя фигуры для новой партии. Его пальцы скользнули по деревянной доске. — Это модель. Мир — большая доска. Всё связано. Всё — ходы. Даже листья на деревьях падают по правилам.

Они встречались каждый день на протяжении почти месяца. Виктор никогда не говорил о себе, о семье, о школе. Их разговоры крутились вокруг игр, логики, закономерностей. Он задавал странные вопросы: «Чувствуешь ли ты, как земля под тобой стонет?», «Можешь ли ты предсказать, куда упадёт шишка с этой сосны?».

А потом, в один из дней, Виктор принёс другую игру. Не шахматы. Это была самодельная карта на пергаментной бумаге, изображавшая причудливый лабиринт леса с ручьями, холмами и особыми точками, помеченными рунами. Фигурок было две: резной деревянный волк и фигурка мальчика из тёмного воска.

— Это игра в реальность, — объяснил Виктор. — Ты ведёшь мальчика через лес. Но лес здесь — не декорация. Он живой. У него есть память. И он помнит каждого, кто ступал на его тропы.

Правила были сложными, почти мистическими. Нужно было не просто бросать кубик, а «чувствовать» лес, предугадывать его настроение. Виктор водил пальцем по карте, и казалось, что линии на ней слегка светятся.

— Вот смотри, — говорил он. — Если твой мальчик пойдёт здесь, у старого пня, лес подаст знак. Шум ветра изменится. Это будет стоить тебе хода. Но если ты поймёшь знак и ответишь... ты получишь доступ к его памяти.

Андрей, увлечённый, погрузился в игру. Это была лучшая головоломка, которую он когда-либо решал. Постепенно, играя, он начал замечать странные вещи в реальности. Он мог, глядя на дерево, почти точно сказать, здорово ли оно. Мог, находясь в парке, с закрытыми глазами указать, где находится дуб, за которым они играли. Это было похоже на обострившуюся интуицию, но Андрей, рационалист до мозга костей, считал это просто развитой наблюдательностью.

Последняя их встреча состоялась за день до летних каникул. Виктор был необычно серьёзен.

— Наша игра подходит к концу, — сказал он. — И пора сделать последний ход. Настоящий.

Он положил на доску не фигурку, а небольшой, гладкий камень с вырезанным на нём знаком, похожим на сплетение корней.

— Это не фигура. Это ключ. Лес, с которым мы играли... он настоящий. Он ждёт, временно, нового зрителя. Того, кто понимает правила. Кто видит систему. — Виктор посмотрел на Андрея, и в его глазах впервые промелькнуло что-то древнее и недетское. — Я должен уходить. Моя партия здесь закончена. Но игра продолжается. Возьми ключ. Он уже часть тебя. Ты научился слушать лес на карте. Теперь ты сможешь слушать настоящий.

Андрей, скептически улыбнувшись, взял камень. Он был тёплым. В тот же миг в ушах отозвался тихий, глубокий гул, как отдалённый шум океана в раковине. Картина перед ним на секунду поплыла, наслоившись на образ карты из игры: он *видел* энергетические линии парка, узлы силы у старых деревьев, тихие тропы памяти.

Когда видение прошло, Виктора уже не было. Только шахматная доска лежала на скамейке. Больше Андрей его никогда не видел.

Сила не обрушилась лавиной. Она проросла, как семя. Андрей, с его пытливым умом, воспринял её не как магию, а как новую, неизученную физику мира — экосистему данных, с которой можно взаимодействовать. Он начал экспериментировать, вести записи, строить гипотезы. Он понял, что «ключ» открыл ему доступ к некоему природному «интерфейсу», к сети памяти и энергии, опутывающей живые места, особенно древние леса.

Впервые он попал в «Долину Мира» два года назад, Андрей уже знал основы. А здесь, в этом аномальном месте, построенном на «нервном узле» этой системы, его скрытые способности расцвели в полную силу. Он не просто чувствовал лес — он мог через концентрацию отдавать простейшие команды патрулям, читать «историю» места, чувствовать нарушение границ.

Так сила, переданная через игру обманным путём (Виктор так и не объяснил истинной цены «ключа»), попала в руки идеального пользователя — пытливого, системного ума, который не испугался, а принялся изучать, развивать и использовать её. Но Андрей всё ещё не понимал главного: в этой игре он был не игроком, а одной из фигурок на доске. А Виктор, мальчик в костюме, был не его другом, передавшим ему часы над миром.

Глава 18

Новый воспитатель прибыл в «Долину Мира». Это была не запланированная замена — просто один из вожатых младших отрядов сломал ногу на спортивной эстафете, и из райцентра срочно прислали временную замену.

Его представили на утренней линейке. Высокий, стройный мужчина лет двадцати пяти, с аккуратной тёмной шевелюрой и пронзительными серыми глазами. Он носил не спортивную форму вожатого, а тёмные брюки и белую рубашку с закатанными до локтей рукавами — вид деловой, но расслабленный. Он улыбался, но улыбка не доходила до глаз.

— Меня зовут Виктор Сергеевич, — сказал он спокойным, негромким голосом, который, однако, было слышно на краю площади. — Буду с вами до конца смены. Надеюсь на взаимопонимание.

Взгляд его, скользнув по строю, на долю секунды остановился на Андрее. И в этом взгляде не было вопросительной неопределённости, с которой обычно смотрят на новых людей.

Андрей, стоявший в шеренге корпуса «А», почувствовал холодный укол в голову. Не страх. Скорее — сбой в системе. Резонанс. Энергетический «гул» леса, к которому он уже привык, на секунду исказился, затих, а потом вернулся с новой, чуждой гармоникой — низкой, властной.

Весь день Виктор вёл себя безупречно: проводил игры, помогал на кухне, шутил с детьми. Но Эля, проходя мимо штабного домика после обеда, увидела, как он стоит на крыльце и смотрит в сторону их корпуса.

Она ускорила шаг, но чувство беспокойства не отпусало.

Вечером, после ужина, Эля отпросилась у вожатой прогуляться — ей нужно было побыть одной, чтобы переварить разговор с Андреем. Она вышла на задний двор корпуса «А», к той самой границе, где начинался лес. Стояла, смотрела на тёмную стену деревьев, когда услышала голоса.

За углом корпуса, в глубокой тени, где свет фонаря не доставал, стояли двое. Андрей и... Виктор Сергеевич. Новый воспитатель. Они разговаривали не как взрослый и ребёнок. Они разговаривали как равные. Или как старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки.

Эля инстинктивно замерла, затаив дыхание.

— ...стабильность системы нарушена, — говорил Андрей. Его голос звучал не по-детски твёрдо, но в нём слышалась напряжённая, почти металлическая нота. — Колебания амплитуды на тридцать процентов выше нормы после последнего инцидента.

— Норма — понятие растяжимое, — ответил Виктор. Его голос был тем же, что и у мальчика в парке: спокойным, ровным, не оставляющим места для возражений. — Система адаптируется. Или отторгает лишнее. Твоя задача — помочь ей в этом, а не жаловаться на перегрузки. Но прежде чем мы перейдём к текущим проблемам, давай решим вопрос принципиальный. Мне нужен ключ обратно.

Тишина повисла густая, как смола.

— Что? — выдавил из себя Андрей. В его голосе прозвучало неподдельное изумление.

— Камень, который я тебе дал. Он выполнил свою задачу — пробудил в тебе восприятие и связал с местом. Теперь его нужно вернуть. Он не предназначен для постоянного ношения... дилетантами.

— Ты шутишь? — голос Андрея стал ниже, опаснее. — Ты вручил мне это, не объяснив ничего. Я шесть лет учился с этим жить, чтобы понять систему, чтобы наладить хоть какой-то контроль! А теперь ты просто приходишь и говоришь «верни»?

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Виктор. — Аренда закончилась. Условия изменились. Ситуация здесь стала... сложнее, чем я предполагал. Ключ нужен мне. Твоё даль-

нейшее взаимодействие с системой будет происходить уже без костылей. Если ты, конечно, на это способен.

— Нет, — отрезал Андрей. Слово прозвучало как щелчок затвора. — Это не костыль. Это интерфейс. Без него я не смогу удерживать патрули, не смогу читать сигналы с достаточной точностью. Я же сказал — система нестабильна. Забрать ключ сейчас — всё равно что отключить систему охлаждения у перегретого реактора.

— Значит, ты признаёшь, что не справляешься без игрушки? — усмехнулся Виктор. — Жаль. Я думал, ты проявил больше... самостоятельности. Ладно. Отказ принят к сведению.

Он сделал паузу, и в темноте зажглась крошечная искра — он прикурил сигарету. Оранжевый огонёк осветил на мгновение его спокойное, почти безразличное лицо.

— Но знай, Андрей, — продолжил он, выпуская струйку дыма, — ты пожалеешь об этом отказе. Глубоко и искренне. Потому что ключ — это не только доступ. Это и предохранитель. Пока он у тебя, ты связан с системой напрямую, без фильтров. А я, как прежний хранитель, сохраняю за собой право... вносить коррективы в её работу. И в твоё самочувствие. Ты стал переменной в моём уравнении, мальчик. И непредсказуемые переменные либо обезвреживают, либо выводят из уравнения. Учти это.

В этот момент Эля неосторожно переступила с ноги на ногу, и под её кроссовком хрустнула сухая ветка.

Звук был негромким, но в ночной тишине он прозвучал как выстрел.

Оба — и Андрей, и Виктор — разом повернули головы в её сторону. Андрей вздрогнул, его лицо на секунду исказила гримаса чего-то, похожего на панику. Но Виктор лишь улыбнулся. Медленно, оценивающе. Его серые глаза, казалось, видели её даже в этой густой тени.

— О, — произнёс он мягко, и его взгляд скользнул с неё на Андрея и обратно. — А у нас тут подслушивают. Нехорошо. — Пауза. И затем, с лёгкой, почти отеческой усмешкой, он добавил, кивая в сторону Эли: — **Твоя. Симпатичная.**

Слово «твоя» он произнёс не как вопрос, а как констатацию факта. С оттенком собственности, которое он приписывал Андрею. И в этом было что-то глубоко пугающее.

Андрей резко шагнул вперёд, заслоняя Элю от взгляда Виктора, хотя она всё ещё была в десяти шагах.

— Она не имеет к этому отношения! — рявкнул он, и в его голосе теперь бушевала неконтролируемая ярость, смешанная с отчаянным страхом — не за себя, а за неё.

— Всё в этой долине имеет отношение ко всему, дорогой хранитель, — парировал Виктор, его улыбка стала шире. — Особенно то, что ты сам привязал к себе эмоциональной связью. Приятно познакомиться, Эльвира. Андрей много... просил за тебя у системы. И теперь, отказавшись вернуть ключ, он сделал тебя не просто переменной. Он сделал тебя уязвимостью. Запомни это.

Он потушил сигарету, раздавив её каблуком с таким же спокойным, методичным жестом.

— На сегодня, думаю, достаточно. Освойся с мыслью, Андрей. Ты сделал свой выбор. Теперь пожинай последствия. И готовься. Лес скоро покажет тебе, что значит быть хранителем без настоящей власти. Спокойной ночи.

Он развернулся и неспешной, уверенной походкой пошёл в сторону штабного домика, растворившись в темноте.

Когда его шаги затихли, воцарилась гробовая тишина. Андрей стоял, не двигаясь, спиной к Эле. Его плечи были напряжены до предела, кулаки сжаты до предела.

— Уходи, — наконец прошипел он, не оборачиваясь. Голос был полон такой бездонной, леденящей тоски и ярости, что Элю передёрнуло. — Сейчас же. И не подходи ко мне. И не задавай вопросов.

— Андрей, что происходит? Кто он? Что за ключ?.. — начала Эля, но он резко обернулся.

Его лицо в полумраке было искажено. Это не была ярость Андрея — горячая, взрывная. Это была ярость загнанного в угол зверя, который только что понял, что его ловушка — часть более крупного капкана.

— Это конец, Эля! — его шёпот был хриплым, словно содранным с голосовых связок. — Он не воспитатель! Он — предыдущий. Он пришёл забрать. И раз я не отдал... — Он задохнулся, проводя рукой по лицу. — Теперь он будет ломать всё. Всё, что связано со мной, всё, что я пытался защитить и строить, чтобы сдержать... станет мишенью. Ты слышала? Уязвимость. Так что сделай мне одолжение — исчезни из поля зрения.

Он больше ничего не добавил. Резко развернулся, шагнул к чёрному провалу двери корпуса и скрылся внутри, хлопнув дверью так, что стекло задребезжало.

Глава 19

Утро началось с хаоса. Резкий, пронзительный звук сирены разорвал предрассветную тишину, а через десять минут по громкой связи затрещал искажённый паникой голос начальницы смены: «Всем оставаться в корпусах! Немедленно! Воспитателям проверить наличие детей по спискам!»

Эля, выпрыгнувшая из кровати от этого крика, подбежала к окну. По территории лагеря метались фигуры вожатых. У штабного домика стояли два полицейских «уазика» с мигалками. В воздухе висело то самое, густое и липкое, чувство настоящей беды, которое не спутаешь с учебной тревогой.

Снизу, из холла, доносились обрывки фраз, выкрикиваемые перепуганными голосами:

«...из корпуса «В»... целая комната...»

«...и вожатый Вадим... его койка пустая...»

«...две девочки и мальчик... и взрослый...»

Пропало пятеро детей и один воспитатель. За одну ночь. Без звука, без следов.

Елена, бледная как полотно, влетела в комнату.

— Эль, ты слышала? Это ж... это ж они, да? Те самые, которые ходят? Может, они теперь и днём выходят?

Эля не ответила. Она быстро натянула джинсы и толстовку и, не обращая внимания на вопросительные крики Лены, вышла в коридор. Она не пошла к выходу — туда уже сгрудилась толпа перепуганных детей. Она спустилась по лестнице и, не стучась, резко распахнула дверь комнаты №4.

Внутри было полутемно, шторы не раздвинуты. Оба брата были полуголые, только в боксёрах, застигнутые врасплох пробуждением от сирены. Артём сидел на кровати, потирая глаза, его волосы торчали во все стороны. Андрей стоял у окна, вглядываясь сквозь щель в шторах в происходящее снаружи. На его лице не было ни паники, ни удивления. Было напряжённое, болезненное сосредоточение, как у человека, который пытается поймать далёкую, почти неслышную радиоволну.

Они оба резко повернулись на скрип двери. Увидев Элю, Артём опешил, потом его губы растянулись в сонной, нагловатой ухмылке. Андрей лишь сузил глаза.

Эля закрыла за собой дверь и, не отрывая взгляда от Андрея, сказала чётко и без предисловий:

— Это они. Ты в курсе?

Андрей медленно оторвался от окна. Его взгляд был пустым, уставшим.

— Я не вижу, что это они, — ответил он тихо, голос хриплый от недосыпа. — Что-то изменилось. Паттерн нарушен. Раньше они просто патрулировали, маркировали. Теперь... сигналов нет. Ни тревоги, ни притяжения, ничего. Тишина. Полная. — Он провёл рукой по лицу. — Как будто систему... отключили от источника. Или перевели на другой канал. С приездом Виктора.

Эля, не смущаясь их полуголым видом, села на край кровати Артёма, прямо напротив Андрея. Она чувствовала, как Артём замер, почувствовав её близость.

— Значит, у тебя забрали контроль? — сказала она, глядя прямо в глаза Андрею.

Он кивнул, один раз, коротко и резко. Это был жест поражения.

— Похоже, что так. «Пожалеешь об отказе». Он не шутил. Он просто... отозвал полномочия. Или перекрыл мне доступ. Лес теперь молчит для меня. А значит, я не знаю, что там происходит. Не знаю, они ли это забрали людей, или что-то ещё.

Воцарилась тяжёлая пауза. Их трое в полумраке комнаты, а снаружи — паника, полиция и пропавшие. И где-то здесь, среди них, — Виктор, спокойный кукловод.

И тут Артём нарушил тишину. Он откинулся на подушку, заложив руки за голову, и его голос прозвучал с неприкрытой, язвительной усмешкой:

— Ну что ж, братец. Поздравляю. Теперь ты как все. Обычный. Без своей личной армии шепчущих пеньков и дохляков в лесу.

Андрей повернул к нему голову. На его обычно бесстрастном лице дрогнула мышца.

— Артём, не сейчас.

— А когда? — Артём приподнялся на локте, его глаза блеснули злорадством. — Мне, по-твоему, не интересно? Вчера ты был царём и богом, строил всех по струнке, свистел когда хотел — и тебя слушались призраки. А сегодня что? Сидишь у окна, как побитая собака, и не можешь даже сказать, твои ли тени пошли на прогулку с детками и вожатыми. Где твоя «система», а? Где твои «правила»? Здулся, что ли, твой контроль?

— Заткнись, — сквозь зубы процедил Андрей. Но в его голосе уже не было прежней, железной уверенности. Была голая нервозность.

— Ой, прости, великий хранитель! — Артём развёл руками с преувеличенным сожалением. — Не расслышал. Ты, наверное, мысленно команду мне отдаёшь, а я не слушаюсь. Потому что твой мысленный пульт, похоже, на батарейках. И батарейки сели. Или их кто-то спёр.

Эля видела, как Андрей сжимает кулаки. Его спокойствие, та самая ледяная броня, дала трещину. Сквозь неё пробивалось что-то тёмное и яростное — не только от бессилия, но и от того, что это бессилие выставляют на показ. И особенно — перед ней.

— Не трогай его, Артём, — твёрдо сказала Эля.

Артём перевёл взгляд на неё. Ухмылка стала мягче, но в глазах остался вызов.

— А что? Тебе жалко его. Вчера ещё нашептывал лесу, как меня наказать. А сегодня лес, похоже, нашептывает ему «пока-пока». По-моему, справедливо.

Он повернулся обратно к Андрею, наслаждаясь моментом.

— Так что, главный вопрос: что теперь? Будешь как все мы, простые смертные, бояться темноты? Или пойдёшь к своему новому другу Виктору на поклон, вернёшь его камушек и попросишься обратно в надзиратели? А то как-то неловко, царство без царя. Кто теперь будет следить, чтобы я к Эле не подходил, а?

Последняя фраза была произнесена с особой, колючей сладостью. И она сработала как красная тряпка.

Андрей резко шагнул вперёд. Его лицо исказила вспышка чистой, неконтролируемой ярости. Ревность, потеря власти, страх, унижение — всё смешалось в один взрывной коктейль.

— Ты хочешь проверить, на что я ещё способен БЕЗ леса?! — его голос сорвался на низкий, опасный рёв. — Хочешь?

Артём мгновенно вскочил с кровати, приняв боевую стойку. Воздух в комнате наэлектризовался по-старому, по-братски — ненавистно и привычно.

— Ребята! — вскрикнула Эля, вставая между ними. — Вы что, с ума сошли? Снаружи полиция, люди пропали, а вы — опять за своё!

Они замерли, дыша как загнанные быки, не сводя друг с друга глаз.

— Дальнейшие действия, — жёстко напомнила Эля, окидывая их обоих взглядом. — Вы оба в курсе, что здесь происходит. Андрей — потому что был частью этого. Артём — потому что видел это вблизи. Виктор здесь, он что-то сделал с системой, и теперь она работает против нас. Или просто стала неуправляемой. Нам нужно понять что. И найти этих пропавших, пока не стало поздно.

Артём первым расслабил плечи. Он посмотрел на Элю, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде уважения.

— «Нам»? — переспросил он. — Ты включаешь себя в нашу весёлую компанию?

— Я уже в ней, — холодно ответила Эля. — Он назвал меня «уязвимостью». Значит, я уже на доске. И я не собираюсь просто ждать, пока меня заберут.

Андрей, всё ещё бледный от гнева, медленно разжал кулаки. Разум постепенно возвращался в его глаза, вытесняя ярость.

— Артём прав в одном, — с горечью выдохнул он. — Моя власть закончилась. Я больше не хранитель. Я — проблема. И Виктор будет давить на меня, используя всё, что может задеть. В том числе... — он бросил быстрый взгляд на Элю.

— Значит, нужно действовать на опережение, — сказал Артём неожиданно серьёзно. Все повернулись к нему. — Если твой бывший босс забрал у тебя пульт, надо найти, куда он его переключил. Или как он теперь всем заправляет.

— Как? — спросила Эля.

Артём пожал плечами, и на его лице снова появилась хитрая, знакомая ухмылка.

— Не знаю. Но если он хочет играть в поддавки... мы можем начать играть по-настоящему. Без твоих правил, Андрей. По-моим. Грязно. И пока ты тут переживаешь, что твои лесные друзья тебя не слушаются... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, — ...я, наконец-то, свободен. И могу опять приближаться к кое-кому.

Он сказал это прямо, глядя в глаза брату. Тест на прочность нового, лишённого власти Андрея.

Он посмотрел на Артёма, и в его глазах не было уже ни злости, ни ревности. Была холодная, расчётливая оценка. И понимание, что игра действительно изменилась. Теперь он был не хранитель и нарушитель. Они были трое загнанных в угол подростков против чего-то древнего и безжалостного. И их старые счёты внезапно стали непозволительной роскошью.

— Делай что хочешь, — тихо сказал Андрей, отворачиваясь к окну. — У меня теперь есть проблемы поважнее.

Он сделал паузу, его спина была напряжённой, а взгляд прикован к щели в шторах, за которой метался хаос. Казалось, он мысленно уже был там, пытаясь пробиться сквозь глухую тишину системы. Эта его отстранённость, это погружение в себя и была воспринята Артёмом как слабость. Как открытая дверь.

Артём встретился взглядом с Элей. В его глазах вспыхнула та самая, знакомая дерзкая искра — смесь вызова, моментальной возможности и желания пометить территорию, которая, как ему казалось, вдруг стала ничьей. Он резко, почти молниеносно шагнул вперёд, одной рукой обхватил Элю за затылок, а другой притянул к себе за талию — и поцеловал.

Это не был нежный поцелуй. Это был жест. Акта собственности. Плевок в сторону брата. Победа в их вечной, глупой войне, которая, как думал Артём, только что закончилась его полным триумфом. Эля вздрогнула, на секунду застыв в шоке, её тело напряглось.

Андрей замер. Но Эля почувствовала, как воздух в комнате стал густым и тяжёлым, будто перед грозой.

Артём, удовлетворённо усмехнувшись, отпустил её и, не глядя на брата, повернулся к двери.

— Ну что, пойдём, принцесса, посмотрим на этот цирк-шапито с полицией, — бросил он через плечо, уже протягивая руку к дверной ручке.

Андрей повернулся. Медленно. Он был пустым. Белым. А глаза... глаза горели каким-то глубинным, нечеловеческим светом. Чистой, концентрированной силой, которая не имела отношения ни к лесу, ни к Виктору. Она исходила из него самого, из какого-то тёмного, запертого наглухо места, которое теперь, наконец, взорвалось.

Движение было таким быстрым, что глаз не успел зафиксировать его. Одна секунда — он стоял у окна. Следующая — он уже был у двери, прямо перед Артёмом, который как раз толкал её, чтобы выйти.

Андрей даже не тронул Артёма. Его рука — впиалась в саму дверь. В полотно, в твёрдую, лакированную древесину. Пальцы проникли в неё, как когти, с сухим, страшным хрустом.

И потом он вырвал дверь.

Это не было усилием человека. Это был звук ломающегося металла, трескающейся древесины, вырываемых с корнем шурупов. Дверь, вместе с коробкой и частью дверного косяка, оторвалась от стены с оглушительным грохотом. Пыль, щепки, куски штукатурки полетели во все стороны. Андрей стоял, держа в руке этот массивный, бессмысленный теперь кусок дерева и металла, как будто это была картонная декорация. Его дыхание было ровным. На его руках не было ни царапины.

Тишина.

Артём отпрыгнул назад, налетев на свою кровать, и замер, уставившись на брата с выражением полного, животного шока. Его самоуверенная ухмылка исчезла без следа.

Эля, прижав ладони ко рту, издала сдавленный, произвольный крик. От ужаса перед тем, что она только что увидела. Это было невозможно. Так не бывает.

Андрей бросил дверь на пол. Она упала с глухим стуком. Он посмотрел на свою руку, затем поднял взгляд на Артёма. В его глазах не было торжества. Была пустота. И холод. Ледяной, всеокрушающий холод.

— Я сказал, — произнёс он тем же тихим, ровным голосом, что и минуту назад, но теперь в нём звучала сталь, — что у меня теперь есть проблемы поважнее. И твои детские попытки меня спровоцировать — последнее, о чём я сейчас хочу думать.

Он перевёл взгляд на Элю. В нём мелькнуло что-то сложное — извинение? Предостережение? — и тут же погасло. Потом опять вернулся к Артёму.

— Оденся лучше. Встречаемся у заднего крыльца через пять минут. Без глупостей.

Он быстро оделся и вышел в проём, где раньше была дверь, шагая через щепки, и скрылся в коридоре, оставив их двоих в разгромленной комнате под аккомпанемент доносящейся снаружи сирены и собственного оглушённого сердцебиения.

Прошло несколько томительных секунд. Артём медленно выдохнул. Он посмотрел на грудку мусора, которая когда-то была дверью, потом на свои дрожащие (чего он бы никогда не признал) руки, и наконец — на Элю. На его лице не было ни злорадства, ни бравады. Было чистое, неподдельное изумление.

Он облизнул губы, попытался ухмыльнуться, но получилось криво.

— Ну... — прохрипел он, кивая в сторону проёма. — Не всё потеряно, получается. Система-то отключилась... а батареек, похоже, присутствуют. И очень... очень хорошие.

Он посмотрел на Элю, и в его глазах теперь читался не вызов, а вопрос. Один на всех троих.

Что, чёрт возьми, мы только что разбудили? И что будет, когда это выйдет из-под контроля?

А снаружи, игнорируя полицию и панику, новый воспитатель Виктор Сергеевич, стоя у своего окна в штабном домике, с лёгкой, загадочной улыбкой наблюдал за корпусом «А». Он почувствовал тот самый резкий, чистый всплеск силы, а глубоко личной, первобытной. И его улыбка стала немного шире.

«Интересно, — подумал он про себя. — Значит, семя проросло глубже, чем я рассчитывал. Превосходно. Тем ценнее будет урожай».

Ровно через пять минут у заднего крыльца корпуса «А» собралось пятеро. Трое по плану — Эля, Андрей и Артём — и двое неожиданных гостей: Елена и Ирен. Елена выглядела перепуганной, но собранной, Ирен — скептической и настороженной, но её обычная ехидная маска дала трещину: глаза бегали, она постоянно оглядывалась.

Андрей был одет в тёмные спортивные штаны и чёрную кофту, его лицо было каменной маской, но под глазами залегли тёмные тени. Артём стоял чуть поодаль, стараясь не смотреть на брата. Между ними висела не просто напряжённость — тяжёлое, свежее знание о том, на что один из них способен. Эля стояла между ними, чувствуя себя буфером в этом молчаливом противостоянии.

— Что вы тут делаете? — первым нарушил молчание Андрей, глядя на Елену и Ирен.

— Мы тоже не слепые, — отрезала Елена. — Полиция, пропавшие, паника... и вы трое таитесь тут, как будто всё знаете. Я Эле звонила — не брала. Решила искать. Ирен... — она кивнула на бывшую подругу, — ... услышала шум и пошла на него, увидела меня и прицепилась.

— Я не «прицепилась», — фыркнула Ирен, но без обычной энергии. — Я просто не хочу быть следующей в списке пропавших без вести. И вы, особенно ты, — она ткнула пальцем в сторону Андрея, — знаете больше, чем все. Это по тебе видно. Ты не испуганный. Ты... как всегда, просчитанный.

Андрей промолчал, что было красноречивее любого подтверждения.

— Ладно, что за план? — Артём перевёл разговор в практическое русло, явно избегая недавней темы. — Сидим тут, ждём, пока нас тоже заберут?

В этот момент мимо них, по тропинке от штабного к главным воротам, прошли двое полицейских в форме. Они шли не спеша, о чём-то разговаривая, думая, что их не слышно.

— ...да я ж говорю, Сергейч, это ж не случайность, — ворчал один, постарше, с усталым лицом. — Лагерь — лагерем, но в Шатрище, в том посёлке, понимаешь? Трое за ночь. Со своих кроватей. Как сквозь землю.

Его напарник, молодой, кивнул, понизив голос:

— И все как один — тихо, никакой борьбы, взлома. Как будто сами встали и ушли. Или... их увели так, что и пикнуть не успели. Жуть.

Полицейские прошли дальше, но их слова повисли в воздухе, леденя душу.

— И в городе может тоже? — прошептала Елена, и её лицо окончательно побелело. — Это... это же эпидемия какая-то! Или серийный маньяк!

— Не маньяк, — тихо, но чётко сказал Андрей. Все взгляды устремились на него. — Маньяк оставляет следы. Хаос. Эмоции. Здесь следов нет. Здесь... чистая работа. Системная.

— Системная? — не поняла Ирен.

Андрей взглянул на Элю, будто спрашивая разрешения. Скрывать уже не имело смысла.

— Лес, — сказал Андрей. — И те, кто в нём живёт. Вернее, «отметины» того, что в нём живёт. Я мог с ними... взаимодействовать. Контролировать. До вчерашнего дня. Теперь не могу. Кто-то другой взял управление. И, судя по всему, расширил зону действия.

— Взаимодействовал с лесом? — Ирен закатила глаза. — Ты совсем спятил, ботаник? Но Елена не стала смеяться. Она посмотрела на Элю.

— Это правда? Получается, всё это... про ночных... это не сказки?

— Это правда, — твёрдо сказала Эля. — Я сама видела. Они ходят. А Андрей... он их сдерживал. Теперь тот, кто приехал вчера — Виктор — он управляет этим. Или дал им свободу. Непонятно как теперь всё действует.

Артём мрачно хмыкнул.

— И теперь его «система» пошла на охоту за людьми не только в лагере, но и за его пределами. Весёленький у тебя бывший босс, братец.

— Что он хочет? — спросила Елена, в её голосе звучала паника. — Зачем ему люди? Андрей задумался.

— Данные, — наконец произнёс он. — Энергия. Внимание. Я не знаю точно. Но система, которую он представляет... она ненасытна. Раньше она довольствовалась случайными нарушителями, забредшими вглубь леса. Теперь, когда ей дали больше власти... она расширяет рацион.

Ирен, слушая это с открытым ртом, медленно опустилась на ступеньку крыльца.

— Вы оба сумасшедшие, — прошептала она. — И я сейчас сижу и слушаю этот бред, и... и верю. Потому что альтернатива ещё страшнее.

— Значит, надо валить отсюда, — резко сказал Артём. — Пока есть возможность. Рассказать полиции всё.

— И что мы скажем? — парировал Андрей. — Что в лесу водятся призраки, которых вчера ещё контролировал я, а сегодня их контролирует воспитатель Виктор Сергеевич? Нас отправят прямиком в психушку. А Виктор... он найдёт способ остаться. И система продолжит работать.

— Так что же делать? — в отчаянии спросила Елена.

Андрей посмотрел на лес, затем на их маленькую, испуганную группу.

— Нужно понять его цель. Почему сейчас? Зачем такая масштабная «акция»? Он не просто так забрал у меня контроль. Он готовит что-то. Какое-то событие. Возможно, связанное с окончанием смены. Или с чем-то, что происходит в самом лесу. Нужно найти источник. Ту самую «сердцевину» системы.

— И как мы это сделаем? — съязвил Артём. — Пойдём в лес и спросим у деревьев?

— Примерно так, — спокойно ответил Андрей. Все уставились на него. — Без ключа я не могу отдавать команды. Но я всё ещё могу... чувствовать. Слышать шум системы, если подойти достаточно близко к её центру. Если мы найдём то место, откуда всё исходит, мы, возможно, поймём, что он затеял.

— Это безумие, — сказала Ирен. — Идти в лес, где только что забрали людей? Это самоубийство.

— Остаться здесь — тоже, — возразила Эля. Она посмотрела на Андрея. — Ты уверен, что сможешь найти? Без твоего контроля?

Андрей на секунду замаялся, и в его глазах мелькнула тень сомнения.

— Нет. Не уверен. Но у меня есть теория. Система сейчас сосредоточена на «сборе». На расширении. Её внимание рассеяно. Если мы будем осторожны, если пойдём не по тропам, а по... пустотам, по слепым зонам в её восприятии, у нас есть шанс.

— «Что»? — переспросила Елена.

— Восприятие, — сказал Андрей. — Как у любого организма, у этой системы есть участки, которые она «видит» хуже. Нужно найти такой путь.

Артём тяжело вздохнул.

— Опять твои умные слова. Ладно. Допустим, мы согласны на это безумие. Когда?

— Чем быстрее, тем лучше. Сегодня. Ночью, — сказал Андрей. — Днём слишком много глаз. И полиция, и Виктор. Ночью система активна, но её внимание будет приковано к периметру, к «сбору». Мы попробуем проскользнуть к центру.

Воцарилось тяжёлое молчание. Идея казалась безумной.

— Я иду, — неожиданно сказала Ирен. Все обернулись к ней. — Не смотрите так. Я не хочу быть героиней. Я просто... не хочу сидеть и ждать, пока за мной придут. Лучше уж встретить это лицом к лицу. Или спиной к спине, — она бросила взгляд на остальных.

— Я с вами, — тут же сказала Елена, хватаясь за руку Эли.

Артём пожал плечами.

— Куда деваться-то. Раз уж ввязался.

Все посмотрели на Элю.

— Я то что? Значит, решено, — сказала она, и в её голосе прозвучала решимость, которой она сама не чувствовала до конца. — Сегодня ночью. После отбоя. Встречаемся здесь.

Андрей кивнул.

— До вечера ведите себя как обычно. Никаких подозрительных разговоров. Особенно осторожны с Виктором. Он не должен заподозрить, что мы что-то затеваем.

Они разошлись. Елена и Ирен пошли к своему корпусу, перешёптываясь. Артём бросил на брата последний сложный взгляд и скрылся внутри.

Эля задержалась, глядя на Андрея.

— Ты действительно сможешь нас провести? — тихо спросила она. — Или это... только гипотеза?

Андрей посмотрел на свои руки, которые так легко вырвали дверь.

— Я не знаю, Эля, — честно признался он. Его маска спала, и перед ней был просто уставший, напуганный мальчик, в которого встроили чужой, ужасный механизм. — Я потерял один вид силы. Но что-то... проснулось. Что-то другое. Может, это поможет. А может, сделает всё только хуже. Но сидеть и ждать — точно не вариант.

Он повернулся и ушёл в корпус через дверной проём, оставив Элю одну на крыльце. С одной стороны — палатки полиции и плачущие дети, с другой — тёмная, безмолвная стена леса, которая за ночь проглотила уже не пятерых, а, судя по словам полицейских, гораздо больше. И где-то между этими двумя мирами бродил Виктор, собирая свою жуткую жатву.

Лес ночью был не просто тёмным. Он был слепым. Не в смысле отсутствия света — луна из-за туч бросала мутные, обманчивые пятна на землю. Он был слепым к их присутствию, но при этом невероятно чутким к чему-то другому. Они двигались, как тени, уже больше часа, следуя за Андреем, который шёл с закрытыми глазами каждые несколько метров, прислушиваясь к чему-то внутреннему. Он называл это «пробелами в паттерне», но для остальных это была просто беспорядочная, мучительная плутанина. Казалось, они ходили кругами.

Тишину разрывали не крики сов или шелест листвы. Её нарушали другие звуки. Глухие, скрипучие, будто стволы деревьев нехотя потираются друг о друга. Далекие, влажные шорохи под мхом. И самое страшное — эпизодическое, неровное шипение, которое не было похоже ни на одно животное. Оно звучало как выдох разгерметизирующегося баллона, смешанный с человеческим пришепётыванием.

Эля шла сзади Артёма. Сердце колотилось о рёбра, каждый сучок под ногой казался взрывом. И когда прямо где-то слева, за густой стеной папоротника, что-то тяжко рухнуло и издало долгий, булькающий звук, её нервы не выдержали. Она инстинктивно, не думая, протянула руку вперёд и сунула свою ладонь в его. Его пальцы были холодными, но крепкими. Они сжались вокруг её ладони на секунду.

Но эту короткую передышку тут же отняли у них.

Шорохи приблизились. Не один, не два. Целая какофония шелестящих, шаркающих шагов. Андрей, шедший впереди, резко поднял руку. Он что-то услышал в этом шелесте, чего не слышали они.

— Прячьтесь, — выдохнул он, не оборачиваясь. — Сейчас. Куда угодно.

Лена и Ирен шарахнулись к гнилому, полуразвалившемуся пню, слившись с его тенью. Андрей прижался к стволу сосны, казалось, пытаясь раствориться в нём. Артём же рванул Элю за собой вбок, туда, где земля внезапно обрывалась в неглубокую, но скрытую травой и хворостом канавку — промоину от старого ручья. Они свалились туда вместе, неловко, с глухим стуком. Артём приземлился на спину, Эля — на него, пригвождённая страхом.

Она даже не заметила, что сидит у него на животе. Её взгляд был прикован к просвету между краями канавы, к тропинке метрах в пяти от них. Её дыхание застыло.

Артём же не смотрел наружу. Он смотрел на неё. Её профиль, вырезанный лунным светом, её широко открытые глаза, застывшие в ужасе. Вся эта мистическая дичь, эти шипения и шорохи — в этот миг они перестали для него существовать. Существовала только она. Та самая, которую он так долго отталкивал, над которой издевался. И которая теперь доверчиво (или отчаянно) сунула ему свою руку и сейчас сидела на нём, вся напряжённая, тёплая, живая. В этой абсурдной, смертельно опасной ситуации он вдруг почувствовал не страх, а странную, обновлённую свободу. Свободу от брата, от правил, от необходимости быть крутым. Свободу просто быть здесь, с ней, в этом узком окопчике из земли и страха.

Но его эгоистичные мысли разбились о леденящую реальность того, что вышло на тропу.

Из темноты вышел человек. Обычный, казалось бы. Мужчина средних лет, одетый в грязную, потрёпанную рабочую одежду — засаленные штаны, тёмная куртка нараспашку, под ней мятая футболка. Его лицо было бледным, маловыразительным, глаза смотрели прямо перед собой стеклянным, невидящим взглядом. Он шёл медленно, тяжело волоча ноги. И тащил за собой другого.

Второй человек был без сознания. Его ноги бороздили землю, руки беспомощно болтались. На нём были светлые спортивные штаны и светлая же толстовка, теперь выпачканные в грязи и хвое. Ведущий держал его за шиворот куртки, таща, как мешок с картошкой.

Они остановились прямо напротив их канавы, так близко, что Эля могла разглядеть грязь под ногтями тащившего и бледное, безвольное лицо его ноши.

Ведущий отпустил воротник. Безжизненное тело мягко сползло на землю, в позу нелепой, сломанной куклы. Тащивший замер над ним на мгновение, его стеклянный взгляд скольз-

нул по лежащему телу без интереса, как взгляд мясника на тушу. Потом он плюхнулся на колени.

Он не рычал, не спешил. Его движения были методичными, словно он выполнял заученную процедуру. Он наклонился к шее лежащего. Его рот разомкнулся. И впился.

Звук раздался тихий, но отчётливый — влажный, рвущийся хруст плоти и хрящей. Тёмная, почти чёрная в лунном свете жидкость хлынула из раны, заливая светлую ткань толстовки. Тело на земле дёрнулось в последней, агонизирующей судороге, но не издало ни звука.

Это не был укус хищника. Это было поедание. Неторопливое, сосредоточенное. Челюсти работали, отрывая куски плоти, слышался чавкающий, хлюпающий звук, смешанный с хрустом. Кровь брызгала, тёплые капли долетали до края канавы, одна упала на щеку Эли. Она судорожно прикрыла рот ладонью, чувствуя, как её собственное тело охватывает ледяная дрожь, а в горле поднимается тошнота.

Поедающий не проявлял эмоций. Он просто жевал, глотал, и снова вгрызался, углубляя рану. Из его собственного рта по подбородку стекали струйки тёмной жидкости. Время от времени он издавал тихое, довольное шипение на выдохе, похожее на звук выпускаемого пара.

Потом из-за деревьев вышел ещё один. Тоже в грязной, не первой свежести одежде, с таким же пустым взглядом. Он подошёл, беззвучно опустился рядом с первым и, не мешая ему, впился в плечо жертвы. Теперь их было двое. Их головы склонились над одним телом, челюсти работали синхронно. Звук чавканья и хруста удвоился, стал мерзкой симфонией. Шипение теперь доносилось из двух глоток.

Эля не могла оторвать глаз. Это был ужас, лишённый даже намёка на дикость или ярость. Это был холодный, эффективный процесс утилизации. Они были функциональными, как стерильные машины по переработке биомассы. И от этого становилось невыразимо страшнее — осознавать, что ты сам являешься всего лишь потенциальным сырьём для этой бездушной системы.

Она почувствовала, как Артём медленно, очень медленно, нащупывает её свободную руку и сжимает. В жесте солидарности перед лицом абсолютного, немислимого кошмара. Они лежали там, в своей земляной могиле, и наблюдали, как в нескольких метрах от них две псевдочеловеческие фигуры методично, спокойно, по-рабочему пожирают третьего. И понимали, что это — не сон, не бред и не фильм. Это — новый закон этого места. И если они не найдут способа его отменить, следующей порцией сырья могут стать они сами.

Кошмарная трапеза длилась недолго. Когда от тела на земле осталась бесформенная, кровавая масса, а одежда превратилась в лохмотья, пропитанные тёмной жижей, существа замерли. Почти одновременно они подняли головы. Их лица, забрызганные кровью, всё так же оставались пустыми, без эмоций. Они перестали шипеть. Просто посидели ещё секунду, как будто переваривая, а потом встали медленно и тяжело.

Не обменявшись взглядом, не проявив никакого интереса друг к другу, они развернулись и поползли — нет, именно *расползлись* — в разные стороны, растворившись в лесной темноте так же бесшумно, как и появились. Оставив после себя лишь тяжёлый, медный запах крови и тёплого мяса, да лежащую на тропе жуткую пародию на человеческое тело.

Первым из укрытия выбрался Андрей. Он подошёл к краю тропы, остановившись в паре метров от останков. Его лицо в лунном свете было бледным, но сосредоточенным.

Именно в этот момент его взгляд упал на канаву. На Элю, которая всё ещё лежала, прижавшись к Артёму. На лице Андрея дрогнула мышца, но он лишь бросил на них короткий, пронзительный взгляд и с силой воли отвёл глаза.

— Выходите, — тихо, но чётко сказал он. — Быстрее давайте.

Артём выбрался из канавы и вытянул за собой Элю. Её ноги подкашивались. Тем временем из-за пня выползли Елена и Ирен. Ирен была бледна как смерть, но молчала. А вот Елену накрыло.

Она стояла, шатаясь, устала на кровавое месиво на тропе, и её тело начало трястись.

— Нет... нет, нет, нет... — забормотала она. — Это... это же зомби, как в фильмах ужасов... они же...

— Какие нафиг зомби?! — резко, срывающимся на хрипоту голосом перебил её Артём. Он подошёл и грубо шлёпнул её по щеке, чтобы вывести из ступора. — Мы в реальном мире живём, Ленка, а не в киношном! Тут нет зомби! Тут есть *это*! — он ткнул пальцем в сторону тропы. — А *это* — хуже. Потому что мы не знаем, что это! Это не ожившие мертвецы из комиксов, это... — он запнулся, не находя слов.

Труп зашевелился.

Это было целенаправленное, пусть и неловкое, движение. То, что осталось от человека на тропе, пошевелило окровавленным локтем. Потом — плечом. Слышался тихий, противный хруст смещающихся повреждённых костей.

Все замерли, уцепившись взглядом за это невозможное зрелище. Елена задохнулась, снова начиная трястись.

Труп начал вставать. Медленно, с ужасающей, механической настойчивостью. Одна рука упёрлась в липкую от крови землю, потянула за собой тело. Ноги, одна из которых была явно сломана и волочилась, пытались найти опору. Движения были нечеловеческими — резкими, угловатыми, лишёнными грации живого существа. Это была пародия на подъём. Пустая оболочка, движимая какой-то чужой, остаточной волей.

— Нет... — прошептала Эля, отступая назад, наткнувшись на Артёма. — Он... он встаёт...

— Вот и твои «не-зомби», — хрипло выдавила Ирен, её глаза были выпучены от ужаса. Она не сводила взгляда с этой кошмарной куклы из плоти и крови, пытающейся обрести вертикаль.

Андрей наблюдал, и его лицо исказила гримаса глубочайшего отвращения и страха. Он видел систему, но это... это было за её гранью. Это было нарушением всех законов — и физических, и тех, что он для себя выстроил.

Труп, почти поднявшись на ноги, медленно повернул в их сторону то, что осталось от головы. Половина лица была съедена, обнажая мокрую кость и зубы. Один глаз отсутствовал, из другой глазницы сочилась тёмная жидкость. Но он замер, как будто «смотрел» на них сквозь незрячую плоть. Из разорванного горла вырвался не звук, а влажный, булькающий выдох, больше похожий на шипение.

— Это уже серьёзно, — прошептал Артём, отталкивая Элю за себя. Все его бравада испарилась, остался лишь голый, леденящий ужас. — Это хуже кино. В кино они ходят только на экране. Этот... он *смотрит сейчас на нас*.

Существо сделало шаг вперёд. Его сломанная нога подкосилась, и оно едва не упало, но удержалось, качнувшись. Рука с растопыренными пальцами потянулась в их направление. Движение было не быстрым, но неотвратимым, как движение механизма.

— Он не просто встал, — сквозь зубы процедил Андрей. — Он приведён в действие. Как марионетка. Кто-то или что-то дергает за нитки.

— Значит, мы — следующие на очереди, — резко сказал Артём. Он грубо схватил за локоть оцепеневшую Елену. — Двигаем отсюда! Сейчас же! Пока он не дошёл, или пока к нему не присоединились друзья!

Андрей, не отрывая глаз от шатающейся фигуры, кивнул вглубь леса, противоположную от направления, куда ушли «ходячие».

— Туда. Быстро. Он неустойчив, не сможет быстро преследовать по пересечённой местности.

Они бросились бежать, не оглядываясь, продираясь сквозь кусты и папоротники. За спиной они слышали не крик и не рык, а тяжёлое, шаркающее, неумолимое шарканье и то самое влажное, настойчивое шипение, которое теперь навсегда врезалось в их память как звук самой смерти, оказавшейся не концом, а началом чего-то бесконечно более чудовищного. И это было настолько реально, настолько осязаемо-кошмарно, что все фильмы ужасов мира меркли перед одной этой шатающейся фигурой, медленно, но верно бредущей за ними в темноте.

Они ворвались в корпус «А» как ураган, едва переводя дух. В холле, в темноте, они стояли и слушали только стук собственных сердец.

Андрей остановился перед корпусом, прочь от поляны, прочь от брата, прочь от всего, отошёл в сторону. Ноги сами несли его, но с каждым шагом странная, пьянящая сила, которая недавно кипела в его жилах, стремительно угасала, оставляя после себя выжженную пустоту и противную, мелкую дрожь во всем теле. Он прислонился спиной к шершавому стволу старой сосны и судорожно выдохнул.

Перед глазами все еще стояла та картина: двое, пожирающие третьего. Не звериный оскал, а деловитое, спокойное чавканье. Это было не просто насилие. Это было... переработка. Утилизация человека. Зрелище, от которого его только что обретенная, дикая сила схлопнулась сама о себя, подавленная леденящим ужасом и отвращением. Ярость, подпитывавшая его, схлынула, оставив лишь голый, животный страх.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки, которые не так давно вырвали дверь. Сейчас они безвольно висели вдоль тела и слегка подрагивали. Система дала сбой. Эмоции, которые он так тщательно подавлял, выплеснулись наружу, а потом их место занял шок. Он был опустошен. И сейчас, в этой темноте, он был так же беспомощен, как и любой другой.

«Вот она, цена, — подумал он с неожиданной, горькой ясностью. — Сила, которой нельзя управлять. Которая приходит и уходит, подчиняясь не логике, а чувствам».

Он оттолкнулся от дерева и, пошатываясь, побрел обратно в корпус. Его трясло. Не от холода. От осознания того, что он только что увидел, и от понимания, что его собственная, новообретенная мощь — всего лишь вспышка, которую он не в силах контролировать.

Артём ждал, когда брат войдёт в корпус, и он с силой захлопнул дверь — щёлкнули все замки.

В комнате Эли и Елены говорили мало. Шок был слишком глубоким.

— Он встал, — прошептала Елена, обхватив себя руками. — После такого... он просто встал.

— Это зараза, — глухо сказал Артём, уставившись в пол. — Ясен хрен. Обычная, тупая зараза. Укусили — превратился. Как бешенство, только... быстрее.

— Не быстрее, — поправила Ирен. Её лицо было серым. — Мгновенно. Он же ещё дёргался, когда они его ели. А потом сразу... оно его забрало. Значит, передаётся через слюну. Через контакт видимо.

— Через кровь, — тихо добавила Эля, глядя на пятно на своей руке. Она уже стёрла его, но ощущение осталось. — Или через то, что в крови.

— Значит, мы все в контакте были, — мрачно заключил Артём. — Мы в метре от этого... пиршества сидели. Брызги летели.

От этой мысли стало тихо. Они не были ранены. Но лёгкое касание заражённой жидкости... Достаточно ли этого?

Андрей, сидевший уже в углу, молчал. Его теория о «системе» рухнула, разбившись о простой, примитивный биологический ужас. Это была не мистика. Это была эпидемия. Чума, вышедшая из под контроля.

Силы закончились. Один за другим они отключились там, где сидели. Артём на полу, Ирен у шкафа, девочки на кровати. Андрей в углу. Страх был сильнее усталости, и тело взяло своё.

Глава 20

Утро началось с крика. Не с рассвета — с дикого, раздирающего глотку женского визга со двора, а потом — гул, рёв, топот.

Эля первой подбежала к окну. На площадке — толпа, полиция. На земле — два небольших свёртка под куртками. Из-под одного торчала детская нога в розовом кроссовке.

— Нашли, — выдохнула она, отшатнувшись.

Артём встал рядом.

— Кого?

— Детей. Двоих. Изодранные.

Снизу долетали обрывки:

«...как зверё... всё искувано... они почти съедены...»

«...это же из нашего отряда...»

«...зараза, я вам говорю, зараза!»

В дверь постучали. Твёрдо, без суеты.

Все вздрогнули.

— Кто? — сорвавшись, крикнула Елена.

— Андрей. Выходи. — Голос был ровным, холодным.

Андрей встал. Артём схватил его за запястье.

— Не ходи. Он заразный, что ли?

— От этого он не перестанет стучать, — тихо ответил Андрей и вышел, прикрыв дверь. Виктор стоял в коридоре, свежий, в чистой рубашке. На его лице — лёгкая, деловая улыбка.

— Задняя дверь была незаперта. Начало, — сказал он. — Видишь, как быстро? Экспоненциальный рост. Нравится?

— Это эпидемия, — сквозь зубы сказал Андрей. — Ты выпустил заразу.

— Я дал природному процессу возможность... оптимизироваться, — поправил Виктор. — Но не за дискуссиями. Камень. Отдай.

— Зачем? Чтобы ты мог контролировать, кто следующий?

— Чтобы я мог его *изучить*, — уточнил Виктор. — Источник в камне. Патоген. Ты носил в кармане культуру самого эффективного биологического оружия, которое я когда-либо видел.

А обращался с ним как с игрушкой. Отдай. И я дам тебе и твоим друзьям антидот. Или протокол карантина. Чтобы вас не тронули.

— А если нет?

— Тогда вы станете статистикой. Как те двое внизу. Или как те в лесу. Выбор за тобой. До завтра. — Виктор развернулся. — Жду у штабного. С камнем. Не опоздай. С каждым часом шансов на изоляцию становится меньше.

Он ушёл. Андрей остался один в пустом коридоре, сжимая в кармане тёплый камень. Не ключ от леса. Пробирку. Колбу с чумой. И Виктор только что предложил ему сделку: отдать смерть в обмен на их жизни. Но можно ли верить тому, кто эту смерть и развязал?

Андрей вернулся в комнату и коротко, без эмоций, пересказал разговор. Слова «источник», «патоген» и «антидот» повисли в воздухе, густые и ядовитые.

— Нам нужно бежать, — немедленно, яростно выпалил Артём, вскакивая. — Сейчас же. Пока эта крыса Виктор не передумал и не пришёл за тобой со своими заражёнными.

— Куда? — сдавленно спросила Елена, вжимаясь в стену.

— Куда глаза глядят! Вон из этого проклятого лагеря! Пока мы не стали очередными трупами в лесу или... или не начали вставать после того, как нас съедят! — Артём зашагал по тесной комнате. — Собираем вещи. Стащим еды побольше в столовой, что-нибудь из запасов, и в путь. По дороге хоть до города дойдём.

— И далеко мы пешком уйдём? — тихо, но чётко спросил Андрей. Он сидел, обхватив голову руками. — До райцентра сорок километров по лесной дороге. Если по шоссе — ещё дальше. И что мы скажем, когда нас остановят? Что бежим от зомби-эпидемии из лагеря? Нас тут же в изолятор, а лагерь на карантин. И все, кто внутри...

— А внутри кто? — с вызовом парировал Артём. — Половины людей уже нет! Те, кто остались, либо уже заражены, либо станут завтраком! Мы не можем их спасти! Мы можем спасти только себя!

— Он прав, — неожиданно сказала Ирен. Все повернулись к ней. — Я не хочу стать как те. Я хочу жить. И если для этого нужно бежать и ни на кого не смотреть — я бегу с ним.

— Но если есть антидот... — начала Эля.

— А если это ложь? — перебил её Андрей. Он поднял голову, и в его глазах бушевала буря. — Что, если никакого антидота нет? Что, если он просто хочет получить камень обратно, чтобы контролировать очаг? А нас... нас он либо убьёт, либо использует как подопытных. Виктор, я так понял, не тот, кто выполняет обещания. Он тот, кто их даёт, чтобы добиться своего.

Они спорили весь день. Споры шли на пониженных тонах, вполголоса, потому что за стеной слышались шаги — то ли других испуганных детей, то ли вожатых, то ли уже чего-то другого. Периодически с улицы доносились крики, сирена подъезжающей машины, а один раз — короткая, отрывистая автоматная очередь, от которой у всех похолодела кровь.

Артём, не выдержав, осторожно выглянул в окно на лестничной площадке, выходящее на штабной домик.

— Там... кордон. Полиция в масках и в этих... защитных костюмах. Как в фильмах про вирусы. Никого не выпускают.

— Значит, карантин уже есть, — мрачно заключил Андрей. — Нас не выпустят. Даже если попробуем.

К вечеру по громкой связи, прерывающейся от помех, выступила взволнованная Светлана Петровна. Голос её дрожал:

— Дети... прошу всех оставаться в корпусах. Объявлен карантин. Повторяю — карантин. Выходить запрещено. Продукты будут доставлять... будут доставлять под дверь. Проявляйте сознательность. Это для вашей же безопасности...

Пока они сидели в своей ловушке, по радио, которое Андрей нашёл в подсобке на первом этаже и притащил в комнату, ловили обрывки новостей. Диктор говорил о «вспышке неизвестного заболевания в районе озера Шатёр», о «мерах по сдерживанию», о «комендантском часе в близлежащих населённых пунктах». А потом, сквозь шипение, прорвалась фраза, от которой замёрзло дыхание:

«...по неподтверждённым данным, аналогичные случаи с симптомами острой агрессии и... каннибализма... зафиксированы уже в трёх ближайших деревнях. Есть пропавшие. Есть... жертвы. Силы МЧС разворачивают изоляционную зону...»

— Значит, не только здесь, — прошептала Елена. — Оно уже вырвалось. В деревни и города.

— Или его туда специально занесли, — сказал Андрей, глядя на камень в своей руке. — Чтобы создать новые очаги. Чтобы сдержать было невозможно.

Ночь опустилась, самая страшная в их жизни. Они не спали. Дежурили у двери и окна по двое. Артём с Андреем, несмотря на взаимную ненависть, стояли на первом посту, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре. Эля и Ирен пытались успокоить Елену, у которой началась истерика от замкнутого пространства и страха.

За окном лагерь погрузился в непривычную, зловещую тишину. Ни смеха, ни музыки, ни даже плача. Только изредка — быстрые шаги по асфальту, приглушённые голоса по радиации да далёкий, леденящий душу крик, который мог быть как человеческим, так и уже нет.

Перед самым рассветом, когда даже Артём начал клевать носом, прислонившись к стене, внизу, у входа в корпус, раздался шум. Не просто шаги. Приглушённые удары, скрежет, словно что-то тяжёлое тащили по ступеням. Потом — тишина.

Артём осторожно выглянул в окно, затем в другое окно на лестнице.

— Что там? — прошептал Андрей.

— Ящики. Консервы, вода. Бросили под дверь и свалили. И... — Артём замолчал.

— И что?

— И никто нас не охраняет. Ни души. Как будто... бросили еду в клетку к зверям и ушли. Ждать, чем всё закончится.

Они смотрели друг на друга в полумраке, понимая одно: они официально предоставлены сами себе. В зоне заражения. Без помощи. С запёртыми воротами и лесом, полным заражённых, с одной стороны, и вооружённым кордоном, который не выпустит ни живых, ни мёртвых, — с другой.

Андрей сжал в кулаке камень. Теперь это был не ключ и не пробирка. Это был единственный козырь в игре, где ставкой была их жизнь. И им предстояло решить, как им разыграть его до того, как эпидемия заглянет к ним в дверь. Или пока Виктор не пришёл забрать своё силой.

На дворе стояла густая, глухая ночь. Всей теперь уже шестерке (пятеро своих плюс Лейла, тихая двоюродная сестра Елены, которую та привела под вечер, умоляя не оставлять одну) пришлось ютиться в комнате Эли и Елены. Места не хватало, но страх был сильнее дискомфорта.

Ближе к полуночи звук разбудил их. Не снаружи. Изнутри. Снизу. Глухой удар. Потом скрип. Крадущиеся шаги в холле первого этажа.

Ледяная волна пробежала по спинам. Все замерли.

— Не наши, — прошептал Артём. — Наши не стали бы так красться.

— Заражённые? — сдавленно выдохнула Елена.

— Или мародёры, — мрачно предположил Андрей.
Артём бесшумно поднялся.

— Остаёмся тут — нас заблокируют. Берём что есть и идём вниз. Наперехват.

Оружия не было. Эля схватила фен, Елена — плойку. Ирен взяла огнетушитель из коридора. Артём — табуретку. Андрей — тяжёлый канцелярский степлер. Лейла молча вытянула из под матраса длинную, острую вязальную спицу.

Бесшумно они выскользнули в коридор и начали спускаться. Снизу доносился человеческий шёпот, полный страха:

— ...тише, идиоты...

— ...а если они услышат?..

— ...надо найти что поесть...

Артём первым оказался внизу. В полумраке холла, у ящиков с провизией, копошились фигуры.

Не раздумывая, Артём с рыком выскочил из-за угла, замахиваясь табуреткой. Женский голос вскрикнул.

— Стоять! Не двигаться! — заорал он.

Почти одновременно в руках Эли поднялся фен, а Ирен направила на троих раструб огнетушителя. Елена щёлкнула выключателем.

Трое незнакомцев замерли, ослеплённые светом и этой нелепой атакой.

— Не бейте! Мы свои! — взвизгнула девушка.

— Кто вы? — жёстко спросил Андрей.

— Из корпуса «Г»... — пролепетал один из парней. — Мы сбежали. Там... там уже нет никого. Одних забрали, другие... превратились...

— Почему сюда? — не опуская «оружия», спросил Артём.

— Потому что здесь... тихо, — сказала девушка. У неё были короткие тёмные волосы и умные, испуганные глаза. — Во всех корпусах паника, крики... а здесь — нет. Никто не пропал. Мы подумали... самое безопасное место. Просто спрятаться.

Они выглядели искренне. Напряжение спало. Эля опустила фен, а Ирен огнетушитель.

— Ладно, — выдохнул Артём. — Поднимайтесь наверх. Быстро. И тихо.

В комнате на втором этаже стало тесно — теперь их было девять. Парни представились как Влад и Сергей. Девушку звали Алиса.

Пока они наспех делились кошмарными историями из своих корпусов, Ирен вдруг пригляделась к Алисе.

— Стой... я тебя знаю. Ты из химического кружка? Та, что всех поразила самодельной дымовой шашкой?

Алиса слабо улыбнулась.

— Да, это я.

— Она делает отличные «взрывашки», — пояснила Ирен остальным.

— Пиротехнику? — с интересом переспросил Артём.

Алиса пожала плечами, её глаза блеснули.

— Пиротехника, химия... Всё, что для быстрого выделения энергии. Дым, свет, звук. Если есть компоненты — соберу что угодно. От петарды до... ну, чего-то посерьёзнее.

В комнате повисла пауза. В этой фразе был заряд. Возможность.

— «Чего-то посерьёзнее», — медленно повторил Андрей, обмениваясь взглядом с Артёмом. Впервые за долгое время в их взглядах не было вражды. Была одна и та же, чёткая мысль.

Их маленькое убежище только что перестало быть просто клеткой. В нём появился специалист. В мире, где правила отменила эпидемия, умение делать «взрывашки» вдруг стало стратегическим ресурсом. И ночь, которая ещё не кончилась, обрела новый, опасный смысл.

После того как напряжение спало и беженцы из корпуса «Г» немного пришли в себя, в тесной комнате повисло тяжёлое молчание, прерываемое только тяжёлым дыханием. Артём, всё ещё стоявший у двери, скрестив руки, окинул взглядом троих новичков.

— Ладно, — хрипло начал он. — Вы приперлись к нам, хорошо. Про одну мы узнали. Теперь вопрос к вам. А вы что умеете? Кроме того, что рыскать по чужим корпусам ночью. — Его взгляд упал на Влада и Сергея.

Парни переглянулись. Высокий и тощий Влад неуверенно пожал плечами.

— Я... в футбол играл. Бегать быстро могу...

— Бегать — полезно, — кивнул Артём без тени иронии. — Ты? — Он посмотрел на Сергея, коренастого, с сильными руками.

— На турниках занимался. Сила. И... я из деревни, с дедом в гараже всякое мастерил. Починить что простое, собрать... могу.

— Механик, значит, — заключил Артём. — Тоже пригодится. Его взгляд переместился на Андрея, Элю, остальных.

— Мы уже друг друга знаем. Я — драться, убегать и ругаться. Андрей — думать и видеть то, чего не видят другие. Эля... — он запнулся, — ...решительная. Ирен — язвить и знает всех. Елена — паниковать, но она наша. Лейла... — он посмотрел на молчаливую девушку, которая до сих пор не выпускала из рук вязальную спицу, — ...сестра Елены. Значит, тоже наша.

Алиса слушала, кивая, а потом чётко, словно отдавая рапорт, сказала:

— Мы с Владом и Сергеем обсуждали. Здесь сидеть — самоубийство. Еды вашей хватит на пару дней. А потом? Потом или голод заставит выйти, или те... они сами найдут. Мы хотим уходить.

— Куда? — тут же спросил Андрей.

— Прочь из лагеря. Через лес. До ближайшей деревни, где, может, ещё не всё охвачено. Или до трассы. Но для этого нужны припасы и какой-то план.

— У вас есть план? — спросила Эля.

— Есть набросок, — Алиса вытащила из кармана смятый листок, на котором были набросаны схематические линии. — Завтра днём, пока все в панике или в своих щелях сидят, мы проберёмся в столовую. Там должны быть запасы крупы, консервы. Наберём сколько сможем унести в рюкзаках. И в эту же ночь — сваливаем. Пока кордон на въезде, возможно, ещё не сомкнулся со всех сторон. Пока есть шанс просочиться. — Она посмотрела на всех по очереди. — Вы с нами?

Вопрос повис в воздухе. Бежать. Оставить это относительное, но уже ставшее домом убежище. Выйти в лес, полный заражённых, с риском наткнуться на кордон, который будет стрелять на поражение по беглецам, чтобы не допустить распространения.

— Это безумие, — первой выдохнула Елена. — Нас же там съедят! Или расстреляют!

— Здесь тоже съедят, — парировал Сергей. — Только медленнее. И без шанса. И без кетчупа...

— Андрей? — обратилась Эля к нему. Он сидел, сжав в руке тот самый камень, и думал.

— Если Виктор прав и у него есть антидот или протокол... — начал он.

— Если он прав, — перебил Артём. — И если он захочет нам его дать. А он не захочет. Он хочет камень. И всё. А нас... он в лучшем случае оставит тут умирать.

— Он сказал — до вечера, — тихо напомнил Андрей. — У нас нет времени до завтрашнего вечера, чтобы решить.

— Решить что? Отдать ему камень и молиться? — фыркнул Артём. — Или взять шанс в свои руки, запасти едой, собрать то, что может Алиса, и попытаться вырваться. Сидя тут, мы просто ждём, кто придёт первым — голод, заражённые или этот Виктор.

Взгляды всех присутствующих метались между Андреем и Артёмом. Старая вражда братьев трансформировалась в спор о стратегии выживания: логичный, но рискованный расчёт против отчаянной, активной воли к бегству.

— Я иду, — твёрдо сказала Ирен. Все посмотрели на неё. — Сидеть и ждать, когда за тобой придут... нет. Лучше уж двигаться.

— Я тоже, — тихо, но чётко добавила Лейла. Её голос прозвучал впервые за вечер.

Эля посмотрела на дрожащую Елену, потом на решительное лицо Алисы, на мрачного Артёма и задумчивого Андрея.

— Я... не знаю. Но если все пойдут... я не останусь тут одна, это точно.

Решение ещё не было окончательным, но чаши весов качнулись. Алиса, Влад и Сергей принесли с собой не только лишние рты, но и идею. План. И, что важнее всего, волю к действию. Теперь их шестерка превратилась в девятку, и внутри этой девятки созрел рискованный заговор: не ждать спасения или гибели, а украсть его у самой смерти, пробравшись в эпицентр лагеря за припасами и затем раствориться в ночном лесу. Завтрашний день должен был стать днём подготовки. А ночь — либо началом побега, либо их последней ночью в этом проклятом месте.

Глава 21

Утро следующего дня было серым и холодным. Глубокая осень намекала, что ночью будет морозно. Компания из девяти человек собралась у выхода, одетая в несколько слоёв одежды, с набитыми запасными кофтами и шапками, рюкзаками.

Эля, проверяя затяжки на своём рюкзаке, заметила, как Андрей нервно ощупывает карман, где лежал камень. Она отцепила от своего рюкзака небольшой холщовый мешочек на длинной прочной верёвке.

— Эй, — тихо позвала она. — Держи.

Андрей обернулся. Она протянула ему мешочек.

— Положи камень сюда. А то вдруг выпадет из кармана, когда побежим.

Он взял его, и их пальцы ненадолго соприкоснулись. Он слегка подвинулся к ней ближе, прикусив нижнюю губу.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Будь хорошим мальчиком, не ругайся с Артёмом, — улыбнулась она ему, пытаясь разрядить обстановку.

— Хорошо, — кивнул он, но в его глазах не было уверенности.

По лестнице последним спускался Артём. Увидев их стоящих так близко, он зыркнул на Андрея.

— Вы что тут затаились, от меня что ли?

Андрей лишь усмехнулся, ничего не ответив, и направился к остальным, уже ждавшим у двери.

— Держись рядом со мной, — бросил он Эле на ходу, проходя мимо.

— Ой, ой, ой, — иронично пропел Артём ему вслед, но в его тоне сквозила скорее привычная колкость, чем настоящая злоба.

Добравшись до столовой, они обнаружили её пустой. Двери были не заперты. Внутри царил беспорядок — будто отсюда уже спешно забирали провизию. Но запасов на полу, в открытых кладовках, оставалось ещё много: банки с тушёнкой, горошком, кукурузой, пакеты с гречкой и рисом, вяленое мясо в вакуумных упаковках.

Они быстро и молча начали набивать свои рюкзаки самым калорийным и лёгким. И тут из глубины помещения, оттуда, где находилась кладовая, донёлся приглушённый шорох и скрежет.

Все замерли. Артём жестом велел оставаться на месте и бесшумно двинулся на разведку, за ним — Андрей. Заглянув в приоткрытую дверь кладовой, они увидели знакомую картину: Кирилл и Макс, сидя на коробках, с жадностью набивали огромные, явно стащенные откуда-то армейские рюкзаки. У их ног уже стояли два полных.

Артём не выдержал и выдохнул, входя:

— Блин, это вы? Где вы были всё это время?

Парни вздрогнули так, что Макс чуть не выронил банку тушёнки.

— Тёма! — выдохнул Кирилл, и на его лице отразилось смешение страха и облегчения. — Чёрт, напугал... Нас заперли в медпункте через корпус, когда тот патруль после находки в лесу всех по углам раскидал. Хотели потом к вам пробиться, да не знали как...

Они поднялись, и Кирилл кулаком поздоровался с Артёмом, но его взгляд тут же скользнул на вошедшего следом Андрея. Лицо его скривилось.

— О, а этого ещё не убили? Жаль...

— Да, Артём, этот что с тобой делает? — подхватил Макс, глядя на брата Артёма с вызовом.

Артём закрыл глаза, явно устав от тупости своих некогда дружков.

— Заткнитесь оба, — прошипел он. — Если хотите с нами — помогайте и не гоните волну. Здесь не до ваших дурацких приколов.

— А вы куда? — спросил Кирилл, окидывая взглядом полные рюкзаки остальных.

— Валим отсюда. Сегодня ночью, — коротко объяснил Артём. — Набирайте что надо и тихо за нами.

Внезапно со стороны главного входа послышались тяжёлые шаги и мужской голос:

— ...а я точно слышал, Иваныч, тут кто-то шуршит...

— Проверим, но чур, если опять крысы, я тебе...

Все в кладовой застыли. Полицейские. Два, судя по голосу.

Алиса мгновенно сориентировалась. Она ткнула пальцем в противоположный выход — через кухню, ведущий в подсобное помещение и дальше к заднему двору столовой. Все, включая Кирилла и Макса, схватив свои рюкзаки, поползли в ту сторону, стараясь не стучать банками.

Полицейский вошёл в столовую. Они, прижавшись за углом у выхода из кладовой, слышали, как его сапоги шаркают по кафелю.

— Никого... — пробурчал он. — И правда, наверное, крысы. Или нервное уже...

Он постоял ещё минуту, осветил фонариком в их сторону, но луч скользнул по пустым полкам и не задел их укрытие. С тяжёлым вздохом он развернулся и ушёл.

Не дожидаясь, пока они уйдут далеко, Артём махнул рукой: «Вперёд!». Они выскользнули через кухню, пересекли засыпанный ящиками двор столовой и рванули в сторону своего корпуса, петляя между другими зданиями. Бежали, не оглядываясь, прижимая к груди драгоценные, оттягивающие плечи рюкзаки. Закатное солнце, пробивавшееся сквозь осенние тучи, бросало им под ноги длинные, искажённые тени. Они были похожи на стаю испуганных зверей, несущих свою добычу в логово, которое, как они надеялись, станет их последним пристанищем перед прыжком в неизвестность. Теперь их было одиннадцать. Кирилл и Макс, пусть и туповатые и враждебные к Андрею, были сильными парнями и знали лагерь не хуже их. В предстоящей ночи каждый человек и каждые две крепкие руки могли оказаться на вес золота.

Ценой же была необходимость держать в узле две враждебные силы — братьев и их старых дружков. Но это уже была проблема на после побега. Если он вообще состоится.

Андрей стоял у окна на первом этаже, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. То, что он увидел, заставило его кровь похолодеть. Со стороны леса, по дороге, ведущей к центральной площади, двигалась группа. Десять-двадцать фигур. Они шли нестройно, пошатываясь, их движения были угловатыми и неестественными. Одежда — смесь лагерной формы и обычной гражданской — была грязной и рваной. Они не спешили, не оглядывались, просто плыли вперёд, как одно целое, ведомое невидимым импульсом. Прямо мимо их корпуса. Они прошли, не повернув голов, не проявив ни малейшего интереса к зданию. Они шли в сторону штабного домика и корпусов, где, возможно, ещё оставались люди.

— Их стало больше, — тихо сказал Андрей, не отрываясь от окна. — И они идут внутрь лагеря и это не совсем те «Смотрящие», кто был при мне. Эти живые, как те, что жрали в лесу.

Алиса, проверявшая содержимое своего рюкзака, подошла к нему. Увидев процессию, она сглотнула.

— Они... не ищут. Они знают куда идти. Как муравьи.

— Да, — согласился Андрей. — Значит, кто-то или что-то направляет их. Возможно сам Виктор. Или то, что он разбудил.

— Как думаешь, — спросила Алиса, глядя на его профиль, — мы выживем?

Андрей медленно отвернулся от окна. Его взгляд упал на кочергу, которую он стащил с кухни столовой и теперь прислонил к стене. Тупой, тяжёлый кусок железа. Жалкое оружие против того, что происходит снаружи.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но сидеть и ждать — точно не стоит.

Он взял кочергу. Холодный металл слегка успокоил дрожь в руках.

Алиса кивнула, словно этого ответа ей и было достаточно. Она поднялась выше на лестничной площадке, второй этаж, чтобы её было слышно всем, кто копошился в комнатах, собирая последние вещи.

— Всем внимание! — её голос, обычно тихий, прозвучал чётко и властно. — Одеваемся потеплее. Всё, что есть. Шапки, шарфы, перчатки. Ночь будет холодной. Очень. Берём только еду, воду и тёплую одежду. Всё лишнее — оставляем. Через пятнадцать минут выходим.

Началась последняя суета. Натягивали вторые носки, накручивали шарфы, запихивали в карманы шоколадки и орешки. Рюкзаки, уже тяжёлые от консервов, стали ещё неподъёмнее от свитеров и курток. Но альтернатива — замерзнуть в ночном лесу — была хуже.

Они вышли в полную темноту. Не через главный вход, а через заднюю дверь, выходящую прямо к лесу. Холодный осенний воздух обжёг лёгкие. Они выстроились в цепочку: Артём и Сергей впереди с фонариком, прикрытым тканью, чтобы давать только слабый луч в землю; за ними — девушки; в середине — Андрей с Алисой; замыкали цепь Влад, Кирилл и Макс.

Лес встретил их глухой, враждебной тишиной. Они шли, не разговаривая, ориентируясь по слабому свету фонаря и по внутреннему чутью Андрея, который, казалось, улавливал «тихие» зоны — места, где шевеления и шипения были слабее. Они обходили тропы, продираясь через бурелом и кусты. Холод пробирал до костей, несмотря на одежду. Дыхание клубилось белыми облачками.

Ночь растянулась в бесконечный, изматывающий марафон страха и холода. Они слышали вдалеке крики, один раз — короткую автоматную очередь, от которой все присели в кустах,

замирая от ужаса. Они видели в просветах между деревьями одинокие, бредущие тени, но те, к счастью, проходили мимо.

Глава 22

К рассвету силы были на исходе. Ноги отказывались слушаться, веки слипались. Они шли уже почти автоматически, когда лес внезапно разредел. Впереди показался просвет, а за ним — поля, и на краю поляны, в первых лучах холодного утреннего солнца, стояли дома.

Небольшое, незнакомое им село. Деревянные избы, несколько двухэтажных брусчатых домов, покосившийся магазинчик с вывеской «Продукты». Ни одного огонька в окнах. Ни одного движения. Тишина была абсолютной, даже птицы не пели. Дым из труб не поднимался. Село выглядело вымершим.

Они остановились на опушке, не решаясь выйти на открытое пространство.

— Где это мы? — прошептала Елена.

— Не знаю, — так же тихо ответил Артём, изучая местность. — По карте вроде ближайшее — Черёмушки, но оно должно быть левее.

— Не важно, — сказала Алиса, её лицо было серым от усталости. — Нужно укрытие. И нужно понять, что здесь. Живые? Заражённые? Или никого?

Они простояли ещё минут десять, наблюдая. Ничто не шелохнулось.

— Идём, — наконец решил Артём. — Поодиночке, от дома к дому. Осторожно. Андрей, оставайся сзади, смотри, если что...

Они, сгорбившись под тяжестью рюкзаков и усталости, начали свой первый в жизни штурм безжизненной деревни, надеясь найти хоть какое-то убежище от ночного кошмара и лютого холода, и в то же время опасаясь, что тишина в этом селе — самая страшная из всего, что они видели.

Дом, который они выбрали, был не старым бревенчатым, а шикарным и современным. Двухэтажный, из оцилиндрованного бревна с большими панорамными окнами, очевидно, чья-то дача или дом зажиточного селянина. Гараж, аккуратный забор. Дверь в прихожую висела на одной петле, словно её вырвали с силой. Внутри пахло дорогим деревянным полом, смешанным с лёгким запахом гари и чего-то кислого, испортившегося.

Артём и Сергей вошли первыми, кочерга и гаечный ключ наготове. Интерьер подтверждал первое впечатление: просторная гостиная с камином, лестница на второй этаж. Беспорядок был следствием чьего-то бегства или обыска: шкафы распахнуты, диван сдвинут, на полу — рассыпанные пачки чая и опрокинутая ваза. Но ни крови, ни явных следов борьбы.

— Богато живут, — пробормотал Кирилл, тыча пальцем в огромный плазменный телевизор.

— Теперь это наша крепость, — парировал Артём. — Проверяем второй этаж и подвал. Быстро.

Второй этаж — спальни и ванная — были пусты. Подвал, пахнувший землёй и соленьями, тоже. Решение приняли быстро: разместиться всем в большой гостиной на первом. Здесь было одно панорамное окно, выходящее во двор, и одна дверь в прихожую — легче контролировать. Мебели хватало, чтобы подпереть вход.

Усталость брала своё. Дежурство выпало Артёму и Кириллу. Остальные, не раздеваясь, свалились кто на диван, кто на сдвинутые пуфы и просто на ковёр. Эля, съёжившись в углу дивана, почти сразу отключилась, погрузившись в тяжёлый, беспокойный сон, где давили не только страх, но и холод сквозь тонкую куртку.

Дежурство тянулось мучительно. Кирилл быстро сдался, уставившись в одну точку и бормоча что-то под нос. Артём, с кочергой в руках, нервно прохаживался от панорамного окна (закрытого плотными шторами) к двери в прихожую, прислушиваясь. Тишина за окном была пугающей.

Через полтора часа её нарушил звук. Не скрип. Глухой, мокрый шлепок, как будто что-то тяжёлое и мягкое упало на террасу за главным входом.

Артём резко замер, жестом заставив Кирилла замолчать. Он прислушался. Потом ещё один шлепок. И тихое, влажное шарканье по плитке террасы.

Не раздумывая, Артём жестом приказал Кириллу не двигаться и бесшумно приоткрыл дверь из гостиной в прихожую. Через разбитую стеклянную дверь входной группы, затянутую остатками плёнки, в предрассветных сумерках он увидел фигуру. Она стояла, пошатываясь, спиной к дому, и медленно, методично билась лбом о столб крыльца. Тупо, ритмично. *Тук. Тук. Тук.* Это был мужчина в разорванной куртке дорогого бренда, одна рука висела неестественно. Он не пытался войти. Он просто бился головой.

Артём с облегчением выдохнул. Один. И, кажется, неагрессивный. Он уже собирался закрыть дверь и не привлекать внимания, как вдруг из-за угла дома, со стороны гаража, выползла вторая фигура. Женщина в заляпанной кровью ночной рубашке. Она двигалась на четвереньках, но неестественно быстро, её голова моталась из стороны в сторону. Она проползла мимо мужчины и уткнулась в дверь. Понюхала. Потом начала скрести по стеклу длинными, грязными ногтями. Тихий, противный звук заполнил прихожую.

Артём отступил, готовясь подпереть дверь из гостиной. И в этот момент Эля, разбуженная скрежетом, села на диване. Сонное сознание не сразу осознало опасность. Она потянулась, её движение было замедленным, и она по неосторожности задела ногой вазу, стоявшую на полу рядом с диваном.

Ваза с грохотом покатила по паркету.

Звук был как взрыв в мертвой тишине.

Скрежет у входной двери прекратился. Наступила секунда полной тишины. А затем раздался удар. В стекло панорамного окна гостиной! Тот самый мужчина теперь стоял снаружи и с тупой, нечеловеческой силой бил кулаком в бронированное стекло. За ним уже маячила женщина.

— Черт! — выругался Артём. — Всем встать! Тихо!

Но было поздно. Эля, осознав, что наделала, вскочила и инстинктивно отпрыгнула к окну, как бы пытаясь увидеть, что там. Она оказалась в метре от стекла, когда на него снаружи с размаху рухнуло тело женщины. Стекло, прочное, но не рассчитанное на такие атаки, затрещало, по нему поползла паутина трещин.

— Эля, отойди! — закричал Артём.

Она замерла, парализованная видом искажённого, бьющегося в стекло лица с мутными глазами.

И в этот момент стекло поддалось. Не разбилось, а вывалилось внутрь целым, но треснувшим листом, увлекая за собой раму. Женщина рухнула на пол гостиной, за ней, спотыкаясь, полез мужчина.

Эля вскрикнула и отпрыгнула в сторону, споткнувшись о край ковра, упала на спину, оказавшись прямо на пути заползающей твари. Та, с хриплым шипением, потянулась к ней грязными руками, челюсти уже щёлкали в предвкушении.

Артём не думал. Он перемахнул через перевернутый пуф, с рыком вскинул кочергу и со всей силы всадил её заострённый конец в боковую часть черепа нападавшей. Удар был чудовищно сильным. Кость хрустнула, что-то тёмное брызнуло на стену. Существо замерло, дернулось и рухнуло плашмя.

Но второй был уже внутри. Мужчина, игнорируя смерть, с тем же тупым упорством шагнул к Эле. Артём, выдергивая заклинившую в черепе кочергу, понимал, что не успеет.

— ЭЛЯ, ползи! — заревел он.

Она, наконец преодолев ступор, пятась стала двигаться в сторону. Мужчина наклонился к тому месту, где она только что была её нога, его челюсти сомкнулись впустую.

В этот момент проснувшийся и уже схвативший валявшуюся на полу тяжелую стеклянную пепельницу Андрей, размахнувшись, запустил ею в голову заражённого. Удар пришёлся в висок. Тот пошатнулся. Этого мгновения хватило Артёму. Он, наконец вырвав кочергу, с разворота ударил по коленям мужчины. Раздался жуткий хруст, существо рухнуло. Артём, не останавливаясь, нанёс ещё два сокрушительных удара по голове, пока тот не превратился в кровавое месиво.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Артёма и тихими всхлипываниями Эли. Все были на ногах, бледные, с глазами, полными ужаса. На полу лежали два тела, а через разбитое окно дул ледяной предрассветный ветер, заноса в дом запах крови и гниющей плоти. Первое нападение они отбили. Но тишина в деревне была окончательно нарушена.

Тишина после бойни длилась меньше минуты. Её разорвали далёкие, но отчётливые звуки: протяжное, нечеловеческое шипение, которое подхватило эхо, и ответное шарканье множества ног где-то на другой улице. Их громкое столкновение сработало как сигнал для села.

— Они идут, — хрипло выдохнул Кирилл, уставившись на разбитое окно. Его лицо было зелёным от страха и отвращения к тому, что лежало на полу.

— Заделываем дыру! — скомандовал Артём, отшвыривая кочергу и оглядываясь. — Диван! Стол! Всё, что тяжёлое!

Все бросились двигать мебель. Андрей и Сергей пододвинули массивный диван, привалив его к проёму окна, фиксируя обратно вставленную раму со стеклом. Влад и Кирилл подтащили комод. Эля, всё ещё дрожа, вместе с Еленой и Лейлой стали срывать тяжёлые гардины и подпирать ими раму.

— На втором этаже проверьте окна! — крикнула Алиса Максу, который стоял в оцепенении. Он кивнул и побежал наверх.

Андрей тем временем подошёл к Артёму, который вытирал окровавленные руки о ковёр.

— Спасибо, — тихо сказал Андрей. Это было неловко и непривычно, но необходимо.

Артём лишь кивнул, не глядя на него, и бросил взгляд на Элю.

— Не зевай в следующий раз. Шум равно смерть. Запомни.

Она молча кивнула, сжимая в руках край занавески.

Через десять минут импровизированная баррикада у окна была готова. Звуки снаружи приближались. Шарканье теперь было слышно прямо за забором, за окнами кухни. В доме стояла гнетущая тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием испуганных подростков и далёкими, леденящими душу звуками с улицы.

— Что дальше? — прошептала Ирен. — Мы же не можем сидеть здесь вечно.

— Нужно понять, где мы и куда двигаться, — сказала Алиса. Она подошла к винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. — С чердака или с балкона можно осмотреться. Тихонько.

Артём и Андрей обменялись взглядом. Враги за стенами на время сделали их союзниками.

— Я, — сказал Артём.

— И я, — добавил Андрей.

Они поднялись на второй этаж. Макс уже сидел на корточках у окна ванной, выходящего на задний двор.

— Там... на огороде, — он ткнул пальцем в стекло. — Двое. Бродят между грядок.

Артём кивнул. Они нашли комнату с выходом на маленький балкончик. Дверь была заперта, но ключ торчал с внутренней стороны. Артём осторожно повернул его и на сантиметр приоткрыл дверь.

Вид сверху был удручающим. Село, действительно, оказалось небольшим. Улицы пустынные, но на них, как слепые щенки, медленно двигались фигуры. Пять... семь... больше десятка на их взгляд. Они не сбивались в стаю, а бродили поодиночке или парами, бесцельно, натываясь на заборы и остановившись, когда наткнулись на препятствие. Но несколько фигур явно двигались в сторону их дома, привлечённые недавним шумом.

— Дорога на выезд, — прошептал Андрей, указывая на конец улицы, где просматривалась грунтовка, уходящая в поле и дальше в лес. — Но там этих трое на самой дороге.

— Нам нужен транспорт, — сказал Артём. — Пешком с этим зверинцем мы далеко не уйдём.

— Гараж, — вспомнил Андрей. — Во дворе.

Они отступили с балкона и спустились вниз, чтобы сообщить остальным. План был рискованным, но альтернативы не было. Ждать, пока их найдут или пока кончится еда, — означало медленную смерть.

— В гараже, скорее всего, машина, — сказал Артём всем собравшимся. — Ключи, возможно, в доме. Мы проберёмся туда, заведём и выйдем через задние ворота на ту самую дорогу. Пока они сбиты с толку и не собрались все у нашего порога.

— А если ключей нет? Или машина не заводится? — спросила Елена.

— Тогда будем думать дальше, — резко оборвал её Артём. — Ищите ключи. Обыщите все ящики, вешалки, прихожую. Мы с Андреем, Сергеем и Кириллом — в гараж. Остальные — охраняйте дверь и не шумите.

Началась лихорадочная подготовка. Алиса и Ирен бросились на поиски ключей. Артём, Андрей, Сергей и Кирилл вооружились тем, что было: кочерга, гаечный ключ, монтировка из подвала и нож для резки коробок.

Они выскользнули из гостиной через дверь в прихожую и дальше — через боковую дверь в котельную, которая, как они обнаружили, имела выход в небольшой сарай, а оттуда — прямо во двор, рядом с гаражом.

Двор был пуст. Двое заражённых всё ещё бродили по дальнему огороду, спиной к ним. Гараж представлял собой современную конструкцию с автоматическими воротами, которые, конечно, не работали без электричества.

Артём прислушался — из-за ворот тишина. Он кивнул Сергею, и тот, с силой, осторожно потянул воротину вверх. Она поддалась с тихим скрипом.

Внутри гаража, в свете, пробивающемся с улицы, стоял большой внедорожник. Тёмный, грязный, но целый.

— Бинго, — прошептал Артём.

— Ключей нет, — проверил зажигание Андрей.

В этот момент из дома выбежала Алиса. В руке она сжимала брелок с ключами от машины, который нашла в ящике прикроватной тумбочки на втором этаже. Она бросила его Артёму.

Тот поймал брелок, нажал кнопку. Фары внедорожника мигнули, раздался тихий щелчок открытия замков.

— Садимся, — скомандовал Артём.

Но в этот момент один из бродяг на огороде, услышав звук, медленно повернулся. Его мутный взгляд упал на них. Он издал низкое, булькающее рычание и неуклюже, но быстро двинулся в их сторону. Его шипение привлекло внимание второго.

— Быстрее! — закричал Андрей, отпихивая Сергея к машине.

Артём вскочил за руль, вставил ключ. Двигатель завёлся с первого раза, рывкнув мощным, непривычно громким в этой тишине рычанием. Звук был как выстрел. Со всех концов улицы в ответ поднялось шипение и зашаркали десятки ног.

— Все внутрь! Шевелитесь! — орал Артём из окна.

Остальные из дома, услышав гул мотора, бросились через дом. Эля, Елена, Лейла, Ирен и Макс выскочили через главную дверь во двор. Первый заражённый был уже в десяти метрах.

Андрей и Кирилл, отступая к машине, отбивались от него импровизированным оружием, пытаясь задержать. Артём дал по газам, и внедорожник, пятась, выехал из гаража.

— Запрыгивайте! — ревел он.

Двери распахнулись. Подростки начали вскакивать в салон, в багажник. Элю втянул Сергей. Последним, оттолкнув заражённого кочергой, запрыгнул Андрей, и Артём ударил по газу.

Внедорожник рванул вперёд, по газону, мимо грядок, прямо к задним воротам, которые, к счастью, были не заперты, а лишь прикрыты. Машина с грохотом вынесла их и выкатила на грунтовую дорогу, ведущую из села.

В зеркале заднего вида оставалась картина: их временное убежище, из-за углов которого уже выползали десятки медленных, но неумолимых фигур. И двое на дороге, которых они просто сбили объезжая кочки.

Машина мчалась по пыльной дороге, увозя их от кошмара, но прямо навстречу новому, неизвестному утру и к главному вопросу: что делать дальше, когда весь мир, кажется, сошёл с ума? А в кармане у Андрея, в холщовом мешочке на верёвке через шею, по-прежнему лежал тёплый камень — источник и, возможно, ключ ко всему этому хаосу.

Внедорожник мчался по грунтовке, подбрасывая на ухабах. В салоне стояла тяжёлая, оторопевшая тишина, нарушаемая только рёвом двигателя и прерывистым дыханием пассажиров. Они смотрели в окна на мелькающие поля и перелески, на пустую, мёртвую дорогу. Ни машин, ни людей. Только один раз они увидели вдалеке, на краю поля, тёмную, неподвижную фигуру.

— Ехать куда глаза глядят, наверное, плохая идея, — первой нарушила молчание Алиса. Она сидела на переднем пассажирском сиденье, изучая приборную панель. — У нас меньше четверти бака. Бензин закончится, и мы окажемся посреди непонятно чего.

Артём, судорожно сжимавший руль, кивнул, не отрывая глаз от дороги.

— Знаю. И ночлег нужен. Безопасный. Не в машине же ночевать.

— Поселения все такие же? — спросила Эля с заднего сиденья, глядя на пустынные поля.

— Не факт, — сказал Андрей. Он сидел рядом с ней, прижавшись к окну. — То село было маленьким, ближайшим к источнику заражения. Возможно, в более крупных посёлках или на трассе ситуация другая. Может, есть блокпосты, карантинные зоны.

— А может, там просто больше этих... тварей, — мрачно добавил Кирилл.

Машина ехала ещё с полчаса, пока на горизонте не показались первые признаки цивилизации — невысокие трубы котельной и скопление домов побольше. Дорога вывела их к указателю: «Пос. Лесной, 2 км».

— Заезжаем? — спросил Артём, сбавляя скорость.

— Нужно осторожно, — сказала Алиса. — Проедем по окраине, посмотрим. Ищем заправку в первую очередь.

Посёлок Лесной выглядел чуть живее, но ненамного. На улицах тоже не было движения, но в некоторых окнах горел свет — не электрический, а тусклый, дрожащий, словно от свечей или керосиновых ламп. Они проехали мимо небольшой АЗС. Колонки стояли мёртвые, но на территории самой станции, в служебном помещении, тоже светило окно.

— Люди, — прошептала Елена, и в её голосе прозвучала надежда.

— Или не совсем, — парировал Артём, но свернул на заправку.

Он остановил машину в отдалении, за будкой с шинами.

— Андрей, со мной. Остальные — в машине, двери на замок. Если что — сигналите или уезжайте.

Они вышли, вооружённые кочергой и монтировкой. Подошли к служебному домику. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился тихий радиоразговор, прерываемый шипением помех, и скудный свет керосиновой лампы.

Артём постучал кочергой по косяку.

— Эй, там кто есть? Мирные!

Радио замолкло. Через секунду в дверном проёме показалась фигура мужчины лет шестидесяти, в замасленной телогрейке и с дробовиком в руках. Его лицо было усталым и настороженным.

— Кто вы? Откуда? — его голос был хриплым от недосыпа.

— Из лагеря «Долина Мира», — честно ответил Андрей, опуская монтировку. — Бежим. Нам нужен бензин и... информация.

Мужчина пристально их осмотрел, взгляд скользнул по их грязной, в крови одежде, по испуганным лицам в машине.

— «Долина»... — он покачал головой. — Оттуда всё и пошло. Слухи ходят.

— Похоже, что так, — кивнул Артём. — Что тут происходит?

— Карантин, — коротко ответил мужчина, опуская ствол, но не убирая руку с курка. — Связи почти нет. Электричества нет. Из города говорят — эпидемия, неизвестный вирус, очаг в районе озера. Всем сидеть по домам, не высовываться. А у кого симптомы те... те уже

не люди, — он кивнул в сторону посёлка. — Тут пока тихо. Но пару семей уже... потеряли. Увезли или сами ушли. А вы... вы оттуда, и вы целые. Значит, или везучие, или...

— Или мы что-то знаем, — закончил за него Андрей. — Мы можем обменять информацию на бензин и ночлег. Хотя бы в гараже или в подсобке.

Мужчина, представившийся дядей Митей, смотрителем заправки, ещё минуту их изучал. Потом махнул рукой.

— Ладно. Загоняйте машину в бокс, за воротами. Бензин есть в канистрах, для генератора. Часть отольёте. Ночёвка — в подсобке. Только тихо. И если с кем из вас что-то случится, если начнётся... — он многозначительно посмотрел на дробовик.

Сделка была заключена. Они загнали внедорожник в тёмный, пахнущий маслом и бензином бокс, заперли ворота. Дядя Митя принёс две канистры с топливом и котелок с какой-то тушёной картошкой — его скудный ужин, которым он поделился.

Пока остальные размещались в подсобке, где было относительно тепло от печки-буржуйки, Андрей и Артём вполголоса рассказали дяде Мите всё, что знали: про странную эпидемию, про мгновенное превращение, про «пустых» и «агрессивных», про лагерь и про Виктора. Про камень они умолчали.

Дядя Митя слушал, мрачно хмурясь, и курил самокрутку.

— Значит, не просто вирус, — пробормотал он. — А управляемый. Или с умом. Хуже того. Ладно. Ночуйте. Утром решим, что делать. Дальше по трассе, к городу, вроде как блокпост армейский стоит. Может, там порядок.

Он ушёл к себе в комнатушку, оставив их одних.

В подсобке, освещённой тусклым светом керосинки, одиннадцать человек устроились на разложенных матрасах. Было тесно, но безопасно и относительно тепло. После дня страха и бегства это казалось роскошью.

Эля сидела, прислонившись к стене, и смотрела на Артёма, который молча чистил от грязи свою кочергу. Андрей сидел рядом, вертя в руках холщовый мешочек с камнем.

— Завтра, — тихо сказал Артём, не глядя ни на кого. — Решаем. Ехать на блокпост, сдаваться и надеяться. Или... или искать свои ответы.

— У нас есть свой специалист, — кивнул Андрей в сторону Алисы, которая уже спала, свернувшись калачиком. — И есть это. — Он сжал мешочек. — Можно попытаться понять, что это, прежде чем отдавать кому бы то ни было.

— А можно выбросить эту чёртову штуку в ближайшую реку и забыть, — мрачно сказал Кирилл.

— Тогда мы никогда не узнаем, как это остановить, — возразила Эля.

Они замолчали. Решение откладывалось до утра. Но все понимали: эта ночь в тёплой подсобке на заправке — лишь короткая передышка в самом начале долгого и тёмного пути. Впереди был либо контрольный пункт с солдатами, которые могли их расстрелять на месте как возможных носителей, либо бесконечная дорога в охваченный безумием мир, с единственной зацепкой в виде тёплого камня в мешочке. И им предстояло выбрать, где больше шансов выжить — в цивилизации, которая, возможно, уже пала, или в хаосе, ключ от которого висел у них на шее.

Глава 23

Утро на заправке было серым и туманным. Дядя Митя разбудил их на рассвете, принёс чёрствый хлеб и кипяток в железном чайнике.

— Тракторист ночью по радиации пробился, — сообщил он, хмурясь. — Говорит, по трассе на город движение есть, но не наше. Колонны военные. И... — он замаялся, — ...говорят, стреляют. По всему, что движется вне установленных коридоров. Блокпост, про который я говорил, — не для приёма. Он для сдерживания.

— Значит, нас не пустят, — заключил Артём, разламывая уже не свежий хлеб.

— Скорее всего. А если и пустят — в карантинный барак, откуда, судя по слухам, ещё никто не вышел.

— Альтернатива есть? — спросила Алиса, уже полностью проснувшаяся и собранная.

— Дальше на север, — дядя Митя ткнул пальцем в закопчённую карту области, висевшую на стене. — Есть старая лесная дорога. Ведёт к заброшенному геологическому посёлку, Снежинка называется. Туда с большой дороги не свернёшь, не зная. Домики там пустые, но целые. И самое главное — далеко от основных магистралей и от этого вашего проклятого озера. Может, зараза туда ещё не добралась.

Идея была рискованной: углубляться в глушь, в неизвестность, с ограниченным запасом топлива и еды. Но альтернатива — столкнуться с армией, которая, возможно, уже получила приказ стрелять на поражение по возможным разносчикам, — была ещё страшнее.

— Едем, — решил Артём, посмотрев на остальных. В глазах у всех читалось согласие, приправленное страхом.

— Машину заправил, — кивнул дядя Митя. — И вот... — он протянул Артёму старый, но крепкий топорик и самодельный обрез, похожий на переделанное охотничье ружьё с одним патроном. — На чёрный день. И ради бога, не шумите там. Лес теперь... он не тот.

Они поблагодарили его — за еду, за кров, за совет, оставив в подарок пару банок с тушёной. Через десять минут внедорожник уже вырубивал с территории заправки на пустынную дорогу, ведущую в противоположную от трассы сторону. Дядя Митя стоял у ворот и смотрел им вслед, пока они не скрылись в утреннем тумане.

Дорога, которую он указал, быстро превратилась в разбитую грунтовку, а потом и вовсе в лесную колею. Они ехали медленно, петляя между соснами, переезжая через размытые дождями ручьи. В салоне царил напряжённое молчание. Все вглядывались в лес по сторонам, ожидая увидеть знакомые силуэты. Но здесь было тихо. По-настоящему тихо. Даже птицы не пели.

Через несколько часов пути лес начал редеть, и впереди показались крыши. Небольшой посёлок, вернее, то, что от него осталось: два десятка одноэтажных брусчатых домов, полуразрушенное здание какой-то конторы, вышка с проржавевшим громкоговорителем. Название «Снежинка» на покосившейся табличке была едва читаема.

Артём остановил машину на окраине, за последним домом.

— Пешком, — сказал он. — Проверим сначала.

Они разделились на две группы. Артём, Андрей, Сергей и Влад пошли на разведку. Остальные остались в машине, готовые в любой момент рвануть с места.

Посёлок был действительно мёртвым и, что важнее, **чистым**. Ни следов недавнего присутствия людей, ни тем более заражённых. Дома стояли с закрытыми, но не запертыми дверьми. Внутри — скучная мебель, покрытая пылью и паутиной, но нет ни признаков паники, ни борьбы. Видимо, его бросили давно, ещё до начала эпидемии.

Нашли дом побольше, бывшую, судя по вывеске, контору геологов. Внутри даже сохранилась старая, но работающая дровяная печь, а в подвале — запасы консервов с ещё не истёкшим сроком годности и ящик с инструментами.

— Идеально, — сказала Алиса, осматривая подвал. — Можно укрепить один дом. Здесь есть даже генератор, но он, наверное, мёртвый. Зато инструментов... — её глаза блеснули. — Я кое-что могу собрать.

Они решили обосноваться в этом здании. Оно было прочным, с маленькими, легко защищаемыми окнами и двумя выходами. За день они перенесли припасы из машины, натаскали дров, забили досками лишние окна. Артём, Кирилл и Макс с помощью инструментов из подвала соорудили грубые, но прочные засовы на дверях. Алиса, покопавшись в оставшихся химикатах и инструментах, с гордостью показала несколько самодельных «сюрпризов» — что-то вроде дымовых шашек и шумовых гранат из подручных средств. «Не убьёт, но напугает и ослепит», — пояснила она.

К вечеру у них было относительно безопасное убежище, запас еды на месяц и план на ближайшее будущее: отсидеться, привести себя в порядок и решить, что делать с камнем и информацией о Викторе.

Эля, помогавшая расчищать одну из комнат под спальню, нашла на полке старый потрепанный дневник. Листая его, она наткнулась на запись, сделанную красным карандашом: *«Образец №7 показывает аномальную биологическую активность. Рекомендуется изолировать и продолжить изучение в лабораторных условиях. Координаты источника: район оз. Шатёр, квартал 44.»* Рядом была грубая схематичная карта с отметкой в лесу, очень похожим на тот, что окружал «Долину Мира».

Она показала находку Андрею. Он долго смотрел на запись, лицо его стало хмурым.

— Геологи... они не просто тут что-то искали. Они что-то нашли. Там, у озера. И это «что-то» — возможно, и есть источник. Образец №7. — Он посмотрел на мешочек у себя на шее. — Мой камень... он может быть частью этого. Или ключом к нему.

Это открытие всё меняло. Эпидемия была не случайной вспышкой. Она могла быть следствием чьей-то старой ошибки, вышедшей сейчас из-под контроля. А Виктор... Виктор мог быть не просто хранителем, а тем, кто знал об этом с самого начала. Или тем, кто хотел это знание заполучить. Или вообще создателем.

Ночью, когда все, кроме дежурных, уже спали, кто на матрасах конторы, а кто на кроватях, Артём стоял на крыльце, куря самокрутку из табака дяди Миши и Андрей, просто глядя в звёздное небо.

— Значит, это всё-таки война, — тихо сказал Артём, выпуская дым.

— Не война. Ликвидация последствий, — поправил Андрей. — Но чтобы ликвидировать, нужно знать, с чем имеешь дело. И где центр всего этого.

— И ты думаешь, этот центр — в лагере? Там, где Виктор?

— Или в лесу, рядом с ним. Там, где эти координаты. — Андрей вздохнул. — Мы не можем просто сидеть здесь. Мы знаем слишком много, чтобы прятаться. И у нас есть... актив. — Он потрогал мешочек.

— То есть ты предлагаешь вернуться? — Артём с недоверием посмотрел на него.

— Не вернуться. Найти. Понять. И, может быть... уничтожить. Пока это не уничтожило всё.

Они стояли молча, слушая, как в тёмном лесу за посёлком кричит сова. Их вражда, их соперничество, вся их старая жизнь остались там, в разбитом мире. Теперь их связывало нечто большее — общая тайна, общая опасность и, возможно, общая цель. А за спиной, в тёплом помещении, спали те, кто теперь зависел от их решений.

Эля ночью выходила в туалет и недалеко от их домика услышала детский смех. Вернувшись, быстро заперла дверь и несколько минут стояла у окна, наблюдая. Никого не увидела, когда смех пропал окончательно, побрела спать, толкнув Елену в бок.

— Подвинься, разлеглась.

Глава 24

На дворе раннее утро. Эля открыла глаза и закричала.

— Что вы оба делаете здесь?!

— Где, здесь, — сказал недоумевающе Андрей.

Эля лежала посередине, а по бокам лежали Андрей и Артём. На крик прибежали остальные ребята. Ирен нахмурившись сказала.

— Ты специально, чтобы мы посмотрели, что вас трое в одной кровати?

Артём игриво закинул руку на Элю.

— Да, завидуешь?

Ирен фыркнула и ушла на улицу, накинув куртку, раздраженно хлопнув дверью. Елена стоя в дверях заулыбалась. Андрей резко откинул руку Артёма от Эли.

— Ты как тут оказалась? — спросил Андрей у Эли.

Она пожала плечами и попыталась слезть с кровати.

— Не уходи, — сказал Андрей, усаживаясь на кровать. — У меня к тебе дело. Виктор здесь. Он пришёл. И если мы сейчас не решим, чья эта территория — его или наша, — он начнёт собирать долги. С каждого. И первым — с тех, кто слабее. Ты готова отвечать за то, что твоя подруга сейчас решила прогуляться к ручью одна?

Эля замерла.

— Какая подруга?

— Ирен, — тихо сказал Артём, не открывая глаз. — Она ушла. В лес. Сейчас. Я это почувствовал.

— Почему?!

— Кто знает, — сухо ответил Андрей. — И теперь Виктор знает, где мы. И знает, что мы разделились, — все собрались в главной комнате. Андрей стоял у печи. — Голосование отменяется. Ситуация изменилась. Ирен ушла. Виктор её уже нашёл. Я это чувствую. Теперь у него есть информация. Дорога назад перекрыта. Остаётся один вариант — зимовать здесь. Но не как беженцы. Как хозяйева.

Он посмотрел на каждого.

— Виктор верит в ритуалы. В силу мест. Он не нападет на тех, кто выглядит сильнее. Значит, мы должны выглядеть сильнее. Все вместе. Единым фронтом — врал как мог, чтобы приободрить группу, смотря на их испуганные лица. — Кто не готов — может уйти. В след за Ирен. Но шансов ноль.

Кирилл нервно засмеялся.

— Ты хочешь сказать, мы теперь должны тут играть в семью?

— Да, — без эмоций сказал Андрей. — Именно. Семью, у которой есть своя территория, свои правила и свой... страж. — Он дотронулся до амулета на шее. — Он дал мне это не просто так. Он верит, что этот камень связан с лесом. Что он даёт право на владение силой, которую не видят наши глаза. Работаем?

Все молчали. Владислав мрачно смотрел в пол.

— А если не работает?

— Тогда к утру нас не станет, — просто сказал Артём. — Но Ирен уже нет, — заглядывая за дверь, осматривая прилежащую территорию двора. — И это не сработало. Значит, надо попробовать по-другому.

Лейла кивнула.

— Я остаюсь. Играть.

Елена тут же подняла руку.

— Я тоже.

Алиса молча прижалась к Елене.

Сергей и Владислав переглянулись.

— Мы... попробуем остаться. Но если что...

— Если что, — перебил Андрей, — вы будете делать то, что скажу я. Без вопросов. Иначе — вы следующая приманка для Виктора. Всё ясно?

В комнате повисла тяжёлая, густая тишина. За окном уже светало. Но свет этот был серым, больным, будто сама заря боялась полностью вступить в свои права.

— Тогда начинаем, — сказал Андрей, вставая. — Если услышите шаги — не дышите. Если смех — тишина на максимум.

Эля смотрела на него, потом на Артёма. Тот встретил её взгляд и едва заметно кивнул. *Доверься*. И она поняла — это не игра в семью. Это игра на выживание. Где роли уже распределены, режиссёр — лес, а зритель — тот, кто пришёл за своим долгом. И смеялся в темноте детским, ледяным смехом, проверяя, дрогнут ли души от холода.

— Значит, так, — Андрей стоял посреди комнаты, его голос был тихим, но резал тишину как лезвие. — Зима. Она здесь, за дверью. И она будет долгой. Наше преимущество в одном: лес сейчас спит. Или делает вид. Ходячих не видно — это плюс. Но минус в том, что теперь единственная опасность — это мы сами.

Он обвёл взглядом всех: Эля, Артём, Елена, Лейла, Алиса, Владислав, Сергей, Кирилл и Макс. «Ирен — нет Ирен». — холодно подумал Андрей.

— Правило первое и главное: по одному не ходим. Никогда. Даже в туалет — парами. Правило второе: работа. У нас есть дрова, но их мало. Есть консервы, но их хватит на месяц наверное, если растянуть. Значит, нужно ловить рыбу в ручье, искать коренья. Правило третье: тишина после заката. Никакого света в окнах. Мы — призраки. Нас нет.

Артём кивнул, его друзья Кирилл и Макс стояли чуть позади, плечом к плечу. Они не ушли. Не бросили Артёма. И теперь были здесь — не как случайные, а как часть стаи.

— А если Виктор придёт? — спросил Кирилл, уставившись в пол.

— Он уже пришёл, — безразлично ответил Андрей. — Ждёт, когда мы ошибёмся. Не дадим ему этого. А когда наступит весна... — Он сделал паузу. — Когда растает снег, мы решим, что делать дальше. Либо мы уходим все вместе и молчим обо всём. Либо находим Виктора первыми. И договариваемся на своих условиях.

— Каких условиях? — тихо спросила Лейла.

— Условиях тех, кто пережил зиму в его лесу, — сказал Андрей. — Условиях сильных. Но до этого надо дожить.

Распределили обязанности. Артём, Кирилл и Макс — на дрова и проверку периметра. Владислав и Сергей — на ловушки. Елена и Алиса — на готовку и уборку. Эля и Андрей — на медикаменты, нужно достать лекарства. Лейла — на поиск съедобного в ближнем лесу, но только с кем-то из ребят.

Дни потянулись, серые и монотонные. Мороз сковал землю. Ходячих не было видно. Тишина была оглушительной.

В один из таких дней и Эльвире стукнуло 18 лет, но никто и не вспомнил про её день рождения. Она и не захотела напоминать. Зачем? Праздник всё равно не состоится. В этом безумии каждый день — праздник. И без её дня.

Артём как-то подошёл вплотную в Эльвирен день, прижался лбом к её виску и прошептал так тепло, будто сам мороз отступил от его голоса: «С днём рождения, принцесса». А потом бережно сжал её замёрзшие пальцы в своих ладонях и поцеловал кончики. И стремительно покинул.

Через неделю Лейла с Кириллом нашли замороженные ягоды. Через две — Артём с Максом притащили срубленную молодую сосну. Рубили по очереди, молча, оглядываясь.

Эля и Андрей обошли все домики во круге но лекарств не нашли.

Эля вела дневник, пока последняя ручка не закончилась.

День 7. Температура упала. Елена кашляет. Алиса молчит почти всё время.

День 12. Кирилл и Макс нашли следы. Не звериные. Человеческие. Но свежие. Не наши.

День 18. Снова слышали смех. Детский. Ближе. Андрей сказал не выходить.

День 23. Консервов осталось на десять дней. Рыба не ловится. Лёд слишком толстый.

Однажды ночью Эля проснулась от того, что Андрея нет на его месте. Он стоял во дворе, один, лицом к лесу. В руке — амулет. Он что-то говорил. Монотонно.

Артём подошёл к ней сзади.

— Не спрашивай. Он делает то, что должен, наверное, должен.

— Он с кем-то говорит.

— С лесом. Или с тем, кто в нём живёт. Он думает, что амулет — ключ. Бредово, конечно всё это звучит, но выхода нет.

Интерлюдия: Ирен. Вторая

Лес встретил её тишиной. Не той тишиной, что бывает в городе ночью — с далёкими звуками машин, с гулом проводов. Это была мёртвая, ватная тишина, от которой закладывало уши.

Ирен бежала, пока хватало сил, а потом просто шла, спотыкаясь о корни и хватаясь за холодные стволы. В голове было пусто. Только одна мысль билась, как муха о стекло: «Подальше. Подальше от них. От него. От Струнбрич».

Она остановилась, когда ноги подкосились, и сползла по стволу огромной сосны на мёрзлую землю. Дыхание вырывалось белыми клубами пара. Вокруг — ни звука. Только собственное сердце, колотящееся где-то в горле.

«Дура, — подумала она. — Куда ты пошла? Там тепло, там люди, там...»

Там Эля.

Мысль об Эльвире обожгла сильнее мороза. Ирен зажмурилась, но перед глазами всё равно стояло её лицо. Не сегодняшнее, испуганное и затравленное. А школьное. Гордое. Снисходительное.

«Принцесса».

Как она ненавидела это прозвище. И как завидовала.

Ирен открыла глаза и уставилась в тёмное небо, проглядывающее сквозь чёрные ветки. Воспоминания хлынули сами собой, липкие и болезненные.

Первый класс. Она, новенькая, стоит у доски, а класс зудит: «Эльвира Струнбрич перевелась!» Все бегут смотреть на неё, на эту «принцессу». А она, Ирен, остаётся всегда в тени.

Пятый класс. Конкурс чтецов. Она учила стихотворение месяц, репетировала перед зеркалом. Эля вышла, прочитала что-то с листа — и сорвала аплодисменты. Потому что красивая. Потому что «принцесса».

Восьмой класс. Она влюбилась в мальчика из параллельного. Он даже не посмотрел в её сторону — весь вечер на дискотеке пялился на Элю.

Артём.

Ирен сжала зубы до скрежета. Артём. Грубый, дерзкий, опасный. Тот, кто не смотрел на Элю, как все. Тот, кто делал вид, что ему плевать. Ирен думала, что у неё есть шанс. Она была рядом. Она смеялась его шуткам, ловила каждое его слово, терпела его дружков-придурков.

А он смотрел на Элю. Всегда смотрел. Даже когда делал вид, что её не замечает, он смотрел. Ирен видела. Она всегда видела то, чего не видели другие.

— Почему ты? — прошептала она в темноту, и голос сорвался. — Почему всегда ты? Что в тебе такого, чего нет во мне?

Ответа не было. Только ветер зашелестел в ветвях, словно смеясь над ней.

Она вспомнила тот день в школе, когда Эля обнимала Андрея на глазах у всех. Просто так, чтобы защитить его от насмешек. Ирен тогда чуть не задохнулась от злости. Эта сцена была такой... правильной. Эля — спасительница. Эля — героиня. А она, Ирен, стояла в стороне и снова была никем.

А потом этот Виктор Сергеевич.

Она вспомнила его взгляд, когда он смотрел на Элю в столовой. Холодный, оценивающий, голодный. Она тогда сразу поняла: этот не такой, как все. Этот опасен. И в то же время... в то же время она завидовала. Ему было дело опять до Эли. Он выделил её из толпы. Он захотел её.

А Ирен? На неё он даже не посмотрел.

— Я тоже здесь! — закричала она вдруг в темноту, и голос её прозвучал жалко и тонко. — Я тоже живая! Я тоже... я тоже хочу, чтобы меня заметили!

Тишина была ей ответом.

Ирен обхватила колени руками и заплакала. Беззвучно, зло, размазывая слёзы по замёрзшим щекам. Она плакала от обиды. От той дикой, несправедливой обиды, которую носила в себе годами.

«Всегда вторая, — думала она. — Всегда после неё. В школе, в компании, даже в этом чёртовом аду. Даже когда она страдает, она страдает красиво, а я... я просто сбежала, как трусливая крыса».

Шорох заставил её замереть. Совсем рядом, в кустах. Ирен вскочила, прижимаясь спиной к дереву. Сердце бешено заколотилось.

Из темноты вышли они.

Две фигуры. Бледные, с закрытыми глазами. Смотрящие. Они стояли в десяти метрах и просто... смотрели. Не двигались. Не шипели. Просто стояли.

Ирен хотела закричать, но голос пропал. Хотела бежать, но ноги приросли к земле.

Из-за деревьев, прямо на неё, шёл человек. Обычный, живой, в тёплой куртке. Он не таился, не крался. Шёл уверенно, как хозяин. Не боясь смотрящих. Он прошёл мимо них.

— Замёрзла? — спросил он, останавливаясь в паре метров.

Ирен узнала его. Виктор Сергеевич.

Он улыбался. Спокойно, почти дружелюбно. В руке он держал фонарик, но не включал его.

— Ты... вы... — залепетала Ирен.

— Я давно за тобой наблюдаю, — сказал Виктор, делая шаг ближе. — С тех пор как я приехал. Ты не похожа на других, Ирен. Ты умнее. И ты... очень одинока.

Слова попали прямо в цель. Ирен почувствовала, как защитная корка, которую она носила годами, дала трещину.

— Что вам нужно? — спросила она, пытаясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Мне нужно, чтобы ты сделала выбор, — Виктор остановился прямо перед ней. — Ты можешь замёрзнуть здесь, в лесу, и стать одной из них. — Он кивнул в сторону, куда ушли Смотрящие. — Или ты можешь пойти со мной и получить то, чего всегда хотела.

— Чего я хотела? — горько усмехнулась Ирен. — Вы даже не знаете, чего я хочу.

— Знаю, — мягко сказал он. — Ты хочешь быть первой. Ты хочешь, чтобы на тебя смотрели. Ты хочешь, чтобы Артём наконец увидел тебя. Ты хочешь стать лучше, чем Эльвира.

Каждое слово было ударом. Точным, безжалостным.

— Я могу это дать, — продолжил Виктор. — Не сразу. Но ты будешь рядом. Ты будешь моими глазами. Ты расскажешь мне их слабости, их страхи, их секреты. А когда придёт время... ты получишь всё.

Ирен молчала. Внутри бушевала буря. Страх, надежда, злость, отчаяние — всё смешалось в один кипящий коктейль.

— А если я откажусь?

Виктор пожал плечами.

— Тогда ты умрёшь. Здесь. Сейчас. И никто не вспомнит о тебе. Эльвира будет жить, страдать, может быть, даже выживет. А ты останешься в этом лесу. Вторая — навсегда.

Он протянул руку. Обычную человеческую руку, в тёплой перчатке.

— Выбирай, Ирен.

Ирен смотрела на его руку. Потом на тёмный лес за спиной. Потом снова на него.

«Всегда вторая, — стучало в висках. — Всегда после неё».

Она сделала шаг вперёд.

И взяла его за руку.

Интерлюдия: Элла. Тишина в Роксель-Парке

В доме было слишком тихо. Элла Струнбрич стояла у окна в гостиной, сжимая в пальцах чашку с остывшим кофе, и смотрела на пустую улицу. Роксель-Парк, когда-то шумный и уютный пригород, теперь напоминал декорацию к фильму, из которого ушли все актёры.

Прошло три недели с тех пор, как закрыли лагерь «Долина Мира». Три недели с того момента, как последний раз звонил телефон с определителем «Детский лагерь». Голос девушки-оператора был ровным, казённым: «В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой вывоз детей временно приостановлен. Следите за информацией на официальном сайте».

Информации не было. Сайт не обновлялся. А потом погас интернет.

Элла машинально сделала глоток. Кофе был ледяным и горьким. Она не чувствовала вкуса уже несколько дней.

За её спиной, в кресле, сидел Михаил. Он не брился, под глазами залегли тёмные круги, но спина была прямой. В руках он сжимал радиоприёмник, из которого доносился лишь тревожный, прерывистый шум.

«...по неподтверждённым данным, зона карантина расширена до пятидесяти километров от очага заражения. Всем жителям районов, прилегающих к...» — динамик захлебнулся помехами и стих.

Михаил выключил радио и посмотрел на жену. Его взгляд был тяжёлым.

— Элла.

Она не обернулась.

— Элла, — повторил он мягче, вставая и подходя к ней. — Нам нужно ехать.

— Куда? — спросила она, и её голос прозвучал глухо, как из бочки.

— К родственникам в Новосинск. Подальше отсюда. Дороги ещё работают. У нас есть два часа, чтобы собраться, пока не перекрыли и это.

Элла медленно повернула к нему голову. Её глаза, обычно такие живые и тёплые, были пусты.

— А Эля?

Михаил сглотнул. Он хотел сказать что-то обнадеживающее, но слова застряли в горле. Врать жене он не умел.

— Мы вернёмся, — сказал он то, во что пытался поверить сам. — Как только всё утихнет. Мы вернёмся и найдём её. Она сильная, наша девочка. Она справится.

— Она моя девочка, — прошептала Элла, и это было больше, чем просто констатация факта. Это была молитва. — Я должна была её отговорить. Должна была не пускать. Чувствовала же... чувствовала...

Она закрыла глаза, и перед внутренним взором всплыло лицо дочери в то утро, когда жёлтый автобус увозил её из Роксель-Парка. Эля стояла у окна, прижав ладонь к стеклу, и смотрела на них с Михаилом. В её глазах был не просто страх. Было предчувствие. А они... они махали ей руками и улыбались, думая, что это обычная разлука на пару недель.

— Она с Андреем, — вдруг сказала Элла, открывая глаза. В них мелькнула безумная, отчаянная надежда. — Он мальчик умный, надёжный. Мать его, Люба, моя подруга, говорила, что он всегда всё просчитывает. Он за ней присмотрит. Он не даст ей пропасть.

Михаил обнял её за плечи, прижал к себе. Он чувствовал, как она дрожит.

— Конечно, присмотрит. Они все там вместе. Держатся друг за друга. Ты сама видела, какие они были сплочённые на той дурацкой сцене. «Косолапые», чтоб их...

Он попытался улыбнуться, вспомнив видео, которое им прислали в первые дни лагеря. Эля, в центре, что-то кричит, размахивает руками, а вокруг неё — эта разношёрстная компа-

ния. Артём, с его вечной ухмылкой. Андрей, серьёзный, с блокнотом. Ирен, кривляющаяся на заднем плане. Такие живые, такие настоящие.

— Я её комнату закрыла, — сказала Элла, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Чтобы пыль не садилась. Пусть всё остаётся, как было. Книжки на столе, заколки на тумбочке... Она вернётся и скажет: «Мам, ну зачем ты убиралась? Я же сама хотела!»

Голос её сорвался.

— Элла, — Михаил развернул её к себе, заставил смотреть в глаза. — Мы должны ехать. Сейчас. Ради неё. Если мы останемся и заболеем, кто будет её ждать? Кто встретит, когда снимут карантин? Мы должны быть живы. Для неё.

Она кивнула, судорожно, прерывисто. Разумом она понимала, что он прав. Но сердце...

— Две минуты, — попросила она. — Я зайду к ней. Просто постою.

Она поднялась на второй этаж, в комнату дочери. Всё было на своих местах. Учебники, которые Андрей помогал ей разбирать, лежали стопкой на столе. На подушке — плюшевый заяц, с которым Эля не расставалась с детства. Элла взяла его, прижала к лицу. Пахло пылью и чем-то неуловимо родным — духами Эли, её шампунем, её жизнью.

Она простояла так минуту, две, пять. Потом аккуратно положила зайца обратно, расправила подушку и вышла, плотно прикрыв дверь.

Спустившись вниз, она увидела Михаила, который уже тащил к выходу два небольших чемодана.

— Готова? — спросил он.

— Да, — сказала она, и голос её был твёрже. — Я вернусь сюда. Мы вернёмся.

Они вышли из дома. Элла обернулась в последний раз. Дом, такой родной и уютный, с распахнутыми настежь шторами в комнате дочери, казался теперь не крепостью, а хрупким стеклянным шаром, который мог разбиться в любую секунду.

Машина завелась и, развернувшись, покатила по пустынной улице прочь от Роксель-Парка. В зеркале заднего вида Элла видела, как их дом становится всё меньше и меньше, пока не превратился в крошечную точку, а потом и вовсе исчез за поворотом.

Она не знала, что в этот самый момент, за сотни километров от неё, в конторе геологов, её дочь выживала, надеясь увидеть следующий день. Не знала, что Андрей, на которого она так надеялась, сам был на грани превращения в монстра. Не знала, что её девочка платит за возможность дышать ценой, которую мать не могла бы даже вообразить.

Элла смотрела на уходящую дорогу и повторяла про себя, как мантру: «Она сильная. Она справится. Она вернётся».

Тишина в салоне автомобиля была единственным ответом.

Глава 25

Утром Андрей вернулся в дом, покрытый инеем.

— Сегодня начинаем копать, — объявил он.

— Копать? Что? — удивился Макс.

— Ловушку. У дальнего края поляны. Не для зверя. Для того, кто ходит вокруг на двух ногах.

И они копали. Мёрзлую землю, сменяясь. Артём, Кирилл, Макс — работали молча, но слаженно, как давно привыкли. Ловушка была неглубокой, но с заострёнными кольями на дне.

День 34. Выпал сильный снег. Следы вокруг дома замечает. Андрей говорит, это хорошо. Ловушка готова.

День 40. Елена заболела. Температура. Лекарств нет. Андрей велел давать ей кипяток с хвоей.

День 47. Смех ночью был прямо под окном. Детский, ... с хрипотцой. Артём, Кирилл и Макс всю ночь не спали, с топором и ломом у двери.

День 48. В яму попало шесть зомби.

Весна казалась миражом. Но они держались. Потому что правила были просты: не ходить по одному, не шуметь ночью, слушаться Андрея. И потому что теперь они были не просто группой выживших. Артём, Кирилл и Макс — были щитом. И это давало какую-то хрупкую, но железную уверенность.

А ждать было страшнее всего. Потому что в тишине каждый слышал только биение своего сердца и шепот одного вопроса: *А что, если для них весна не наступит?*

Интерлюдия: Кирил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.